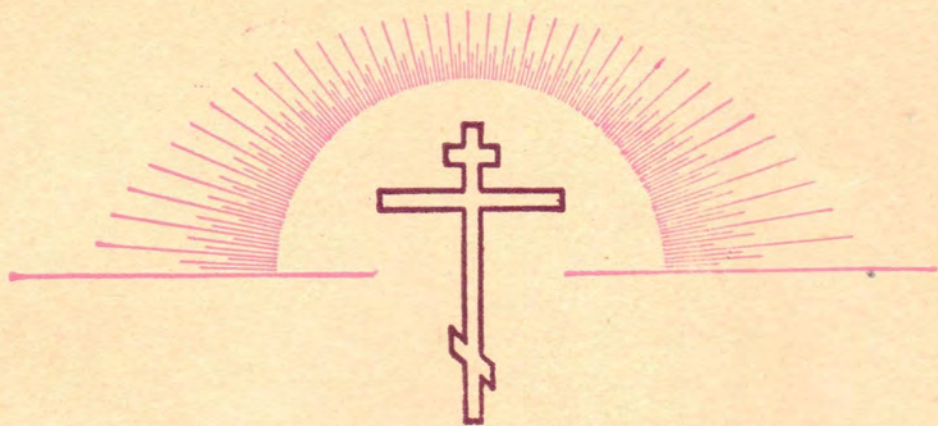

ж у р н а л

МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

10

— 1 9 5 8 —

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

ОКТЯБРЬ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

МОСКВА 1958

СОДЕРЖАНИЕ

Заявление Московской Патриархии по поводу кончины папы Пия XII	3
--	---

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Новый Патриарх Сербской Православной Церкви	4
Известительная грамота Святейшего Германа, Патриарха Сербского	4
Ответ Святейшего Патриарха Алексия на Известительную грамоту Патриарха Сербского Германа	5
Присуждение Митрополиту Эмесскому Александру степени Доктора Богословия. Приветственные телеграммы Святейшего Патриарха Алексия и Высокопреосвященного Митрополита Николая Митрополиту Эмесскому Александру по случаю присуждения ему степени Доктора Богословия	6
Поздравительная телеграмма Патриарха Алексия проф. И. Громадке	6
К IX съезду Христианско-Демократического Союза Германии	6

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Летопись церковной жизни:

Архипастырские труды	8
Встреча архипастыря	8
Церковное празднество в Ленинграде	9
Торжества в Псково-Печерском монастыре	10
Некрологи	11

Духовная школа:

Начало нового учебного года в лен. дух. школах	12
Прф. А. Иванов. Связи Лен. дух. академии с богословами Запада	14
Объявление	18

ЦЕРКОВНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Митрополит Николай. Перед смертью	19
---	----

В ЗАЩИТУ МИРА

К вручению международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» проф. И. Громадке (Чехословакия)	23
Митрополит Николай. Приветственное слово профессору Иосифу Громадке	24

СТАТЬИ

В. Введенский. Казанская икона Божией Матери	26
Н. Иванов. Святой евангелист Лука	33
Л. Успенский. Церковное искусство в эпоху св. Константина	42
Прот. А. Ветелев. «Паломник» Даниила Мниха	48
К. Скурат. Митрополит Московский Платон как проповедник	57

ИЗ ЖИЗНИ ИНОСЛАВНЫХ ИСПОВЕДАНИЙ

А. Ведерников. Новое отношение Запада к Православию	65
---	----

ЗАЯВЛЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ ПАПЫ ПИЯ XII

Русская Православная Церковь, в связи с кончиной Святейшего Папы Римского Пия XII, выражает свое соболезнование Римской Церкви.

Ушедший по повелению Божию в вечные Его Обители, Святейший Иерарх с высоты своего Престола неоднократно обращался с христианскими призывами об умиротворении жизни на земле, протестуя против использования атомной энергии в военных целях.

С глубокой верой во всеспасительный Промысл Божий мы питаем непоколебимую надежду, что преемник усопшего умножит усилия христиан Римско-Католической Церкви к устройению мира между народами и благоденствию всех людей.

Мир праху почившего и вечный покой его душе!

9 ОКТЯБРЯ 1958 ГОДА

НОВЫЙ ПАТРИАРХ СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

13 сентября сего года Выборный Собор Сербской Православной Церкви избрал епископа Жичского Германа Патриархом Сербской Православной Церкви.

В воскресенье 14 сентября сего года в соборном храме св. Архистратига в Белграде состоялась интронизация вновь избранного Патриарха.

ИЗВЕСТИТЕЛЬНАЯ ГРАМОТА СВЯТЕЙШЕГО ГЕРМАНА, АРХИЕПИСКОПА ПЕЧСКОГО, МИТРОПОЛИТА БЕЛГРАДО-КАРЛОВАЦКОГО, ПАТРИАРХА СЕРБСКОГО

Святейший Патриарх Московский и всея Руси, возлюбленнейший в Господе Брат и сослужитель Нашей Мерности Господин Алексей, братски обнимая в Господе Ваше Святейшество, сердечно приветствуем.

Божественной воле Всевышнего, Который владеет жизнью и смертью, было угодно призвать к Себе Первосвятителя Сербской Православной Церкви — блаженнопочившего Патриарха Викентия, который после восьмилетней ревностной деятельности у кормила Сербской Православной Церкви 5 июля (22 июня) 1958 года почил в Бозе и переселился в места вечного пребывания.

Согласно постановлениям святых канонов и Уставу нашей Святой Церкви, Святой Архиерейский Собор Сербской Православной Церкви собрался на свое чрезвычайное заседание 9 сентября (27 августа) 1958 года и среди прочих предложил Выборному Собору Нашу Мерность для выборов Сербского Патриарха.

13 сентября (31 августа) 1958 года Выборный Собор собрался в соборном храме св. Архистратига в Белграде и по призыванию Святого Духа избрал Нашу Мерность, Промыслом Божиим, Патриархом Сербским.

В воскресенье 14/1 сентября 1958 года на святой Божественной литургии в том же святом храме состоялась торжественная интронизация Нашей Мерности, и таким образом, милостью Божией, Мы вступили на хранимый Господом престол Сербских Патриархов, возложив на себя все канонические права и обязанности Предстоятеля Автокефальной Сербской Православной Церкви.

Благодаря Пресвятую Троицу, милостью которой Мы поднялись на трон Сербских Патриархов в Белграде со столь же славного и исторического трона Сербских Архиереев в святой Жиче, Мы желаем этим

мирным посланием, согласно древнему церковному обычаю, братолюбиво сообщить Вашему Святейшеству и всем братьям архиереям Вашей Святейшей Церкви о выборе Нас Патриархом Сербским и о Нашем вступлении на эту высокую и ответственную должность.

Кроме того, Мы хотим уверить Ваше Святейшество в том, что православную веру, которую Мы исповедуем, Мы будем хранить неизменно и в целости. Мы готовы бороться с целью ее защиты и будем неустанно работать над сохранением ее единства и связей любви и мира со всеми святыми единоверными Божиими церквями, ибо теперь, больше чем когда бы то ни было, необходимо сотрудничество Глав церквей и их общение между собой, дабы мир и любовь Господня воцарились на земле во имя счастья и благосостояния.

Вручая Себя Вашей любви и Вашим святым молитвам об успехе во вверенном Нам тяжком деле, братски целуем Вас во Христе Спасителе и остаемся Вашего Святейшества преданный во Христе брат и сослужитель

АЕМ ПАТРИАРХ СЕРБСКИЙ ГЕРМАН

Белград,
16 сентября 1958 года

ОТВЕТ НА ИЗВЕСТИТЕЛЬНУЮ ГРАМОТУ

**СВЯТЕЙШЕМУ ГЕРМАНУ, АРХИЕПИСКОПУ ПЕЧСКОМУ,
МИТРОПОЛИТУ БЕЛГРАДО-КАРЛОВАЦКОМУ,
ПАТРИАРХУ СЕРБСКОМУ**

**АЛЕКСИЙ, БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ**

Ваше Святейшество, возлюбленный о Господе Святейший Владыко, с братской во Христе Спасителе нашей любвию приветствуем Вас!

Известительное послание об избрании Вашей Святыни Патриархом Сербским, преемником в Бозе почившего, всегда нами поминаемого, Святейшего Патриарха Викентия, мы получили.

Вознося благодарение в Троице славимому Богу, изволившему вручить Вам высокий жребий служения Предстоятелем Святой Сербской Церкви, — мы усматриваем в восхождении Вашем на престол Патриарха Сербского из святой Жичи знаменательное повторение пути Ангела Сербской Церкви, первого ее Архиепископа, святого Саввы, и молитвенно желаем Вам преуспевать в архипастырском служении во славу Живоначальной Троицы, под покровительством великого Первосвятителя Святой Сербской Церкви.

С любовью мы принимаем Ваше уверение сохранить православную веру неизменно и в целости и неустанно работать над укреплением общения между нашими Церквями для умирения мира и благоденствия всех народов земли.

Обнимая Ваше Святейшество с пожеланием благодатной во всем от Господа помощи и долготы дней предстояния у кормила возлюбленной братской Сербской Церкви, — братски лобызаем Вас.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

3 октября 1958 года,
в Москве

**ПРИСУЖДЕНИЕ
СТЕПЕНИ ДОКТОРА БОГОСЛОВИЯ HONORIS CAUSA
ИЕРАРХУ АНТИОХИЙСКОЙ ЦЕРКВИ**

Высокопреосвященный Александр, Митрополит Эмесский, представил в Московскую духовную академию на соискание ученой степени сборник своих богословских трудов. Совет академии в заседании своем от 30 сентября сего года рассмотрел отзывы официальных оппонентов и постановил удостоить Высокопреосвященного Митрополита Александра ученой степени Доктора Богословия.

Святейший Патриарх Алексий утвердил это решение.

*ПРИВЕТСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ
ВЫСОКОПРЕОСЯЩЕННУМУ МИТРОПОЛИТУ АЛЕКСАНДРУ*

Сердечно приветствую Ваше Высокопреосвященство с заслуженным удостоением Вас ученой степени Доктора Богословия.

ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ

3 октября 1958 года

*ПРИВЕТСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА
МИТРОПОЛИТА КРУТИЦКОГО И КОЛОМЕНСКОГО НИКОЛАЯ*

ВЫСОКОПРЕОСЯЩЕННУМУ МИТРОПОЛИТУ АЛЕКСАНДРУ

Всем сердцем поздравляю Вас с присуждением высшей ученой степени. Желаю многих лет здоровья для дальнейших трудов на благо Церкви Христовой. С братской любовью обнимаю.

Митрополит Николай

3 октября 1958 года

Москва

ПРОФЕССОРУ ИОСИФУ ГРОМАДКЕ

Сердечно поздравляю Вас с получением диплома лауреата Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ

Одесса,
23 сентября 1958 года

**К IX СЪЕЗДУ
ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИИ**

Президиум Главного Правления Христианско-Демократического Союза Германии направил 30 августа сего года Московской Патриархии письмо с приглашением ее представителей на очередной IX съезд Союза, состоявшийся 30 сентября — 3 октября сего года в Дрездене.

В ответ на это приглашение Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай сообщил генеральному секретарю Союза Геральду Геттингу, что представителями Русской Православной Церкви на IX съезде Христианско-Демократического Союза Германии назначены епископ Берлинский и Германский Михаил и благочинный Германской епархии протоиерей М. В. Зернов.

Однако, по причине неожиданного заболевания, епископ Михаил не смог принять участие в съезде.

Протоиерей М. В. Зернов произнес следующее приветствие съезду:
«Дорогие друзья и братья во Христе Иисусе!

Русская Православная Церковь с большой сердечностью и с чувством братского единства приветствует IX съезд Христианско-Демократического Союза Германии.

Мы знаем, что Христианско-Демократический Союз Германии твердо борется за торжество в жизни высших христианских идеалов, неуклонно следуя по избранному прямому пути.

Успехи, которых добился Христианско-Демократический Союз Германии под руководством незабвенного д-ра Отто Нушке, ныне приумножаются и вселяют уверенность, что благое дело Союза и впредь неизменно будет приносить вашему народу добрый плод.

Наши христианские убеждения обязывают нас показывать свою веру от своих дел (Иак. 2, 18), и мы имеем радостное сознание, что Христианско-Демократический Союз Германии является реальной силой, достойно проявляющей себя в деле лучшего устройства жизни человечества.

Мы знаем также, что кроме общих христианских обязанностей на вас, христианах Германии, лежит и еще одна обязанность, несомненно особенно близкая вашему сердцу, а именно — участие в мирном объединении Германии. Дай Бог, чтобы все ваши христианские усилия, направленные к этой цели, как можно скорее увенчались успехом.

Верные сыны и дочери Русской Православной Церкви от всей души выражают вам и в вашем лице всему миролюбивому немецкому народу свои братские чувства и твердо верят в то, что установившаяся дружба между нашими народами, с Божиим благословением, будет все больше и больше крепнуть и никогда не омрачится никакими недоразумениями, вопреки всем усилиям тех, кто пытается посеять между нами вражду.

Горячо желаем IX съезду Христианско-Демократического Союза Германии полнейшего успеха в разрешении стоящих перед ним важных задач.

Русская Православная Церковь всегда молится о мире всего мира и о соединении всех и с этою молитвою призывает на вас и на ваши труды всесильное Божие благословение».

ЛЕТОПИСЬ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

АРХИПАСТЫРСКИЕ ТРУДЫ

1 августа 1958 года, в канун Ильина дня, епископ Калининский и Кашинский Феодосий прибыл в г. Кашин. Прежде всего он посетил Вознесенский собор и приложился к мощам св. благоверной Анны Кашинской, затем проследовал в Петропавловский храм, где в сослужении местного духовенства совершил всенощное бдение, и на следующий день — Божественную литургию, после которой произнес слово о житии св. пророка Илии. Вечером епископ Феодосий совершал в Вознесенском соборе всенощное бдение с чтением акафиста св. Анне Кашинской. В воскресенье 3 августа в том же соборе епископ Феодосий совершил Божественную литургию, в конце которой обратился к молящимся с поучением, в котором особенно подчеркнул любовь преподобной Анны к Богу и людям и преданность своему отечеству.

*
* * *

23 августа 1958 года епископ Пермский и Соликамский Павел посетил поселок Суксун Пермской епархии и в местном храме во имя св. первоверховных апостолов Петра и Павла совершил торжественное всенощное бдение, а на следующий день, в воскресенье 24 августа, — Божественную литургию. Перед литургией Преосвященный Павел освятил вновь поставленный иконостас. За литургией епископ произнес слово на рядовое евангельское чтение.

ВСТРЕЧА АРХИПАСТЫРЯ

Указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и Священного Синода от 28 августа 1958 года Преосвященный епископ Кировоградский Иннокентий назначен управляющим Алма-Атинской епархией с возведением в сан архиепископа.

12 сентября, в 6 часов утра, архиепископ Иннокентий прибыл в Алма-Ату. По дороге, в тех местах, где были более продолжительные остановки (в Актюбинске, Джамбуле, Чимкенте и др.), архипастырь имел встречи с местным духовенством и паствой. В беседе с настоятелями храмов он знакомился с делами и церковной жизнью приходов.

В Алма-Ате для встречи нового архиерея на вокзал вышло все духовенство города и много верующих. Прибыв с вокзала в кафедральный собор, архиепископ Иннокентий отслужил там благодарственный молебен и произнес вступительное и поздравительное слово. При входе архипастыря в собор настоятель его — архимандрит Афанасий сказал приветственное слово.

В тот же день Высокопреосвященный Иннокентий посетил Епархиальное управление и ознакомился на месте с епархиальными делами.

В субботу 13 сентября, вечером, архиепископ служил всенощное бдение, в воскресенье — Божественную литургию, за которой совершил хиротонию во диакона бывшего воспитанника Киевской духовной семинарии Михаила Ромашко, а в 4 часа дня отслужил панихиду на могиле Митрополита Николая (Могилевского).

ЦЕРКОВНОЕ ПРАЗДНЕСТВО В ЛЕНИНГРАДЕ

12 сентября (30 августа ст. ст.) Церковь празднует память перенесения мощей святого благоверного великого князя Александра Невского, небесного покровителя Ленинграда и теплого молитвенника и заступника за людей перед престолом Вседержителя.

В этом году празднование дня перенесения мощей святого князя Александра Невского происходило особенно торжественно и с исключительным молитвенным подъемом, потому что к этому дню закончилось, в основном, восстановление Свято-Троицкого собора. Прошло только полтора года с начала реставрационных работ — и через этот короткий промежуток времени Троицкий собор Александро-Невской Лавры вновь предстал перед взорами молящихся во всем своем блеске и благолепии.

11 сентября, накануне праздника, в половине четвертого дня епископом Алексием была совершена малая вечерня с общим пением акафиста святому благоверному великому князю Александру Невскому, а затем — малое водоосвящение, по окончании которого собор был окроплен святой водой. В 6 часов вечера началось торжественное всенощное бдение, продолжавшееся в течение почти пяти часов и проходившее с большим молитвенным подъемом. На полиелей вышли: Высокопреосвященный Митрополит Ленинградский и Ладожский Елевферий, Высокопреосвященный архиепископ Курский и Белгородский Иннокентий, Преосвященный епископ Лужский Алексий и многочисленное городское духовенство. При пении «Хвалите имя Господне» огромный Троицкий собор, сиявший позолотой капителей своих многочисленных колонн, залился морем света, и перед молящимися открылось все богатство внутреннего убранства собора.

В самый день праздника, 12 сентября, Божественную литургию совершили архиепископ Иннокентий и епископ Алексий в сослужении с настоятелями храмов Ленинграда и местным духовенством. За богослужением присутствовали: профессорско-преподавательский состав и учащиеся Ленинградской духовной академии и семинарии.

После литургии был совершен молебен с крестным ходом вокруг собора, закончившийся положенными многолетиями. Затем настоятелю собора, епископу Алексию, был зачитан адрес, составленный многочисленными прихожанами и верующими города, в котором они выразили ему свою глубокую благодарность за огромные труды по восстановлению собора и свое восхищение внутренним и внешним благолепием храма.

Святейший Патриарх Алексий, проявлявший постоянную заботу и оказывавший большую помощь в деле восстановления Троицкого собора, прислал на имя епископа Алексия телеграмму следующего содержания:

«Поздравляю вас с праздником. Сорадуюсь общецерковной радостью восстановлению собора и выражаю Вашему Преосвященству благодарность за ревностные труды, давшие такой прекрасный результат в благолепии собора. Патриарх А л е к с и й».

Теплые слова Святейшего Патриарха еще раз подтвердили его горячую любовь к верующим ленинградцам, которых он в течение долгого времени духовно окормлял и с которыми пережил многие тяжелые дни блокады Ленинграда.

Торжественное богослужение закончилось. Но молящиеся, глубоко удовлетворенные благолепием церковной службы, по окончании ее еще долго находились в соборе, прикладываясь к раке с частицей мощей святого благоверного великого князя Александра Невского и любовались красотой восстановленного храма Божия.

М. Добрынин,
кандидат богословия

ТОРЖЕСТВА В ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ

Вот уже около 500 лет как стоит старинный Псково-Печерский монастырь, основанный в 1473 г. До сих пор сохранилась древняя церковочка в честь Успения Божией Матери, построенная иноком Ионой в незапамятные времена. Во всех церковно-исторических летописях издревле первым пустынножителем этих мест почитается монах-старец Марк, неизвестно откуда пришедший. Никто не знал, когда он поселился в этих непроходимых местах, и лишь случайно обнаружили его на этом месте охотники-звероловы. С тех пор стали селиться около него иноки, и так выросла обитель. Преподобномученик игумен Корнилий (1529 г.), десятый из настоятелей этого монастыря, расширил, расстроил и украсил монастырь и основной храм его — Успенскую церковь. Он же написал «Описание чудес Печерской иконы Богоматери» — великой святыни монастыря, которая находится теперь в Михайловском соборе.

По чудотворной иконе Успения Божией Матери и первому древнему храму монастырь именуется Успенским, и поэтому здесь в течение многих веков сохранилась традиция совершать в этот праздник вокруг наружных древних стен монастыря крестный ход.

...Чувствуется приближение праздника. Тщательно готовится к нему братия монастыря. С особым усердием участвуют в уборке и украшении соборов и церквей обители молодые послушники. Прибывают в маленький скромный город Печёры и монастырь богомольцы из разных мест.

Накануне, с раннего утра пред Михайловским собором на траве горы свежих цветов. Под огромными деревьями расположились группы богомолков — они вяжут гирлянды в венки. И все это не для утехи или по традиции, но в честь Самой Всепречистой Госпожи Богоматери, чтобы в день Ее праздника все выглядело радостным и прекрасным. Празднично одеты люди всех возрастов. Кругом царит тихая радость.

Без четверти четыре дня. Колокол мерно, величественно призывает к богослужению. Выносятся из Успенского собора чудотворная икона Божией Матери. Святыня возвышается над морем голов людей на обширной монастырской площади. Поется акафист Успению Божией Матери.

Шесть часов вечера. Раздается знаменитый печерский звон. Начинается всенощная на площади пред чудотворной иконой. Всенощная — вся по уставу, без сокращений. Темнеет. Свет свечей в руках богомольцев становится ярче. Кончена лития. Поднимают чудотворную икону; медленно, торжественно, озаряемая сотнями свечей, при пении тропаря переносится она через святые врата на Михайловскую площадь собора. Величественно пение акафиста Успению Богоматери, на который выходят три епископа. Только поздно вечером, в конце первого часа ночи, заканчивается елеопомазание у чудотворной иконы.

Три часа ночи. Звонница известила о начале утрени и о выносе плащаницы Божией Матери в Михайловском соборе. В шесть часов утра — первая ранняя литургия в Сретенском храме на двух языках: славянском и эстонском. В восемь часов — вторая ранняя литургия. К десяти часам братия монастыря и гости под величественный звон всех коло-

колов двух звонниц встречаются в Михайловском соборе Преосвященного Иоанна, епископа Псковского и Порховского. Праздничную литургию совершают Митрополит Вениамин (б. Саратовский), архиепископ Владимир (б. Житомирский) и епископ Псковский Иоанн в сослужении многочисленного духовенства. Погода стоит прекрасная: ярко светит солнце, небо чистое, ни одного облачка, безветренно, зелень блестит алыми переливами, все ликует, люди одеты в самое лучшее; много эстонок в своих национальных костюмах с ожерельями и в оригинальных головных уборах. Чувствуется нечто пасхальное в настроении всех этих (двух десятков тысяч) людей. Во втором часу дня монастырские звонницы и городская приходская церковь воедино начинают свой мелодичный трезвон. Начинается крестный ход. С иконами и хоругвями, с пением тропаря Успению движается процессия из Святых Врат по монастырской стене. Бесконечная цепочка проходит под чудотворной иконой. Медленно, величественно плывет крестный ход по древней монастырской стене. Наконец круг завершен, крестный ход входит в первые, потом во вторые — входные святые врата монастыря и выходит на Успенскую площадь. Чудотворную икону ставят на ее постоянное место в соборе, до будущего года.

Люди расходятся по домам с просфорой и цветком «от Всепречистой». Часть богомольцев остается еще на день-другой, чтобы глубже запечатлеть в душе тихую прелесть древней русской святыни.

Торжество Печерского монастыря заканчивается чином погребения Божией Матери — по древнему Иерусалимскому чину. Поздно ночью, с возжженными свечами внесли плащаницу в Успенский собор, как бы в погребальную пещеру Гефсимании, где она некогда была положена плачущими апостолами.

Живое воспоминание событий Успения и погребения Божией Матери у прославленной многими чудесами чудотворной Ее иконы в старинном Печерском монастыре надолго останется в памяти участников этого церковного торжества.

Н. Догадин,
студент I курса Лен. дух. академии

НЕКРОЛОГИ

11 июля 1958 года в г. Жданове, Донецкой епархии, скончался старейший священнослужитель города — протоиерей о. Стефан Стамбула.

Грек по происхождению, он родился 24 декабря 1870 года в семье крестьянина села Ялта Мариупольского уезда.

По окончании Мариупольского духовного училища Стефан Стамбула не имел возможности продолжать образование, так как должен был помогать большой семье своего отца, в которой был старшим из детей. Прослужив много лет сельским псаломщиком, он в 1922 году был рукоположен во диакона, а в следующем году — во священника.

После отпевания на дому тело о. Стефана было перенесено в Успенскую церковь (место служения о. Стефана). На другой день после литургии гроб с телом покойного был установлен в ограде церкви, где священнослужители всего города во главе с благочинным о. Василием Поповым отслужили панихиду, после которой молящиеся проводили о. Стефана в последний путь.

*
* *
*

2 сентября 1958 года в г. Фрунзе на 86-м году жизни скончался протоиерей Михаил Емельянович Маевский. В течение 62 лет он прослужил в сане священника Русской Православной Церкви, твердо, честно и трудолюбиво выполняя свои пастырские обязанности.

Почивший был сын священника, служившего в Красноярском крае. По окончании Томской духовной семинарии он священствовал сначала (с 1896 г.) в Алтайском крае, а потом (с 1907 г.) в г. Томске. С 1948 по 1955 г. о. Михаил состоял священником Воскресенского собора г. Фрунзе. Уволенный в 1955 году по старости за штат, он очень тяготился своей бездеятельностью. По настойчивой просьбе о. Михаила его, 84-летнего старца, назначили разъездным священником по округу Фрунзенского благочиния, затем настоятелем в г. Ивановке, а незадолго до смерти — настоятелем Свято-Троицкого молитвенного дома в поселке Соколух (в 25 км от г. Фрунзе), где он и совершил свое последнее богослужение в день местного престольного праздника (в Троицын день).

9 августа, в день влмч. и целителя Пантелеимона, о. Михаил прибыл в храм, исповедался и причастился Св. Таян, достойно приготовившись таким образом к смерти. В последующие дни он сам выбрал место для своей могилы, поставил ограду, заказал крест, приготовил себе облачение, св. крест и Евангелие и сделал все указания для погребения и поминовения.

3 сентября гроб с телом покойного был вынесен в собор, где был совершен заупокойный парастас. 4 сентября торжественно, при пении двух хоров, соборным духовенством были совершены литургия и отпевание. После обнесения гроба вокруг собора похоронная процессия в преднесении креста направилась к «Братскому кладбищу», причем верующие весь путь (8 км) несли гроб на руках при пении «Святой Боже».

ДУХОВНАЯ ШКОЛА

НАЧАЛО НОВОГО УЧЕБНОГО ГОДА В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ И СЕМИНАРИИ

Ленинградские духовные школы вступили в новый год своего существования.

К началу учебных занятий закончены были летние работы по ремонту зданий и оборудованию учебных и хозяйственно-бытовых помещений необходимым инвентарем. Благодаря отеческому попечению Святейшего Патриарха Алексия и постоянному вниманию Хозяйственного управления Московской Патриархии Ленинградская духовная академия и семинария обеспечены в начавшемся учебном году всем, что требуется для нормальной постановки учебно-воспитательного дела.

С 1 по 6 сентября проходили медицинский осмотр и держали приемные испытания лица, желающие поступить в 1-й класс семинарии. С каждым годом к этим лицам предъявляются все более строгие требования в смысле их общеобразовательной подготовки. В текущем году большинство из числа вновь принятых в семинарию имеют аттестаты об окончании 10 классов.

Первый курс академии укомплектован окончившими различные духовные семинарии по первому разряду.

7—8 сентября держали переэкзаменовки студенты академии и воспитанники семинарии, получившие одну или две неудовлетворительные отметки на весенних экзаменах.

5 и 9 сентября состоялись первые заседания Совета академии и семинарии, на которых были заслушаны и разрешены подготовительные вопросы по организации учебных занятий: установлен состав учащихся академии и семинарии, утверждены расписания учебных занятий, се-

местровых сочинений в академии и сочинений для учащихся семинарии на предстоящий учебный год, рассмотрены и утверждены темы для первых сочинений, избраны наставники-воспитатели для каждого класса семинарии и т. д.

8 сентября инспектором академии и семинарии проф. Л. Н. Парийским было проведено первое воспитательное совещание, в котором участвовали помощники инспектора и классные наставники.

Он напомнил, что Святейший Патриарх Алексий, в речи при открытии академии и семинарии 14 октября 1946 года, ясно определил, каких пастырей ждет церковь от духовной школы. «Мы, — сказал Святейший Патриарх, — возлагаем на нашу новую школу — высшую и среднюю — на духовную академию и духовную семинарию — самые светлые надежды. Мы уповаем, что вместе с богословскими и церковно-историческими знаниями выходящие из наших школ юноши вынесут и духовное настроение, благоговение к святыне, станут подвижниками благочестия, будут одухотворены в своем стремлении служить Церкви Божией».

Затем воспитательское совещание наметило ряд конкретных мероприятий на ближайшее время.

Учебные занятия начались 10 сентября. Перед началом занятий ректор академии и семинарии протоиерей М. Сперанский, при участии всего академического духовенства из состава преподавателей и учащихся, отслужил в академическом храме молебен, в конце которого, после провозглашения положенных многолетий, поздравил всех собравшихся в храме с началом нового учебного года и призвал Божие благословение на предстоящие труды по выполнению ответственной и высокой задачи подготовки достойных пастырей Церкви и преданных Родине патриотов.

С особым наставлением о. ректор обратился к выдержавшим приемные испытания и зачисленным в состав учащихся. Он напомнил им назначение школы, в которую они поступили, и призвал их добросовестно и честно, с надеждой на помощь Божию, трудиться и готовить себя к избранному пути — быть добрыми пастырями Церкви и верными сынами Родины.

После молебна учащиеся были приглашены в актовъ зал, где инспектор академии и семинарии проф. Л. Н. Парийский провел с ними беседу о соблюдении правил внутреннего распорядка. Затем учащие и учащиеся направились в классы и аудитории, и занятия в новом учебном году начались.

На имя ректора академии и семинарии были получены от Святейшего Патриарха Алексия, Высокопреосвященного Митрополита Ленинградского и Ладожского Елевферия и председателя Учебного комитета при Священном Синоде протопресвитера Н. Ф. Колчицкого следующие телеграммы:

«Божие благословение на начало учения в семинарии и академии учащим и учащимся. Патриарх Алексий».

«Бог да благословит начало и продолжение учебного года духовных семинарии и академии. Митрополит Елевферий».

«Учебный комитет приветствует ректора, инспектора, учащихся и учащихся Ленинградской духовной академии и семинарии с началом учебного года и выражает горячее пожелание успехов в наступающем учебном году. Председатель Учебного комитета протопресвитер Колчицкий».

А. Иванов,
проф. Лен. дух. академии

СВЯЗИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ С БОГОСЛОВАМИ ЗАПАДА

Со времени второй мировой войны Русская Православная Церковь установила оживленные связи с разными инославными христианскими церквями и объединениями Запада, главным образом на почве защиты мира.

В последние годы наблюдается развитие сношений между русскими церковными деятелями и представителями западных христианских исповеданий и по вопросам церковно-богословского характера. Сношения осуществляются через личные встречи и дискуссии на конференциях, а также через выступления русских и западных богословов на страницах печати и путем переписки.

Начало этих сношений относится к 1955 году, причем значительная роль в них принадлежит Ленинградской духовной академии в лице ее профессоров.

В марте-апреле 1955 года, по приглашению президента Евангелической Церкви Рейнской области д-ра Г. Хельда и декана богословского факультета Боннского университета проф. Г. Иванда, Западную Германию посетила делегация Русской Православной Церкви в составе благочинного патриарших православных приходов в Германии прот. П. К. Статова, проф. Московской духовной академии Н. П. Доктусова и доц. той же академии В. И. Талызина во главе с Митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем. Члены делегации выступили с докладами в Боннском университете и в Высшей церковной школе в г. Вуппертале по вопросам: «О Русской Православной Церкви», «О русской православной богословской науке», «О сущности Православия», «О русской духовной школе в наши дни», «О науке церковного права». Все выступления представителей Русской Церкви и богословской науки были восприняты церковной общественностью Западной Германии с живым интересом, и эта первая встреча деятелей Русской Православной Церкви и Евангелической Церкви Германии на богословской почве отмечена была в выступлениях немецких богословов, как замечательное, историческое событие.

Тогда же Евангелическая Церковь Рейнской области пригласила для участия в конференции церковного братства, созванной 12—14 апреля в Биннингене, представителей русских духовных академий. Московская Патриархия назначила на эту конференцию от Ленинградской духовной академии проф. Л. Н. Парийского и от Московской — доц. В. И. Талызина. Вследствие затруднений с оформлением документов в Берлине делегаты смогли прибыть в Западную Германию лишь на другой день после окончания конференции, то есть 15 апреля. 18 апреля они сделали доклады в г. Дюссельдорфе, в церковном здании: проф. Л. Н. Парийский на тему «Православное учение о Церкви» и доц. В. И. Талызин — «Духовно-учебные заведения Русской Православной Церкви». Несмотря на то, что конференция в Биннингене закончилась, все же из двухсот ее участников на доклады русских богословов съехались из разных мест 150 пасторов. Присутствующие выразили докладчикам глубокую благодарность, заявив, что такие встречи способствуют укреплению благожелательного общения между церквями.

В июне Советский Союз посетила делегация английского духовенства в составе семи священников во главе с преп. Стэнли Эвансом. Во время пребывания в Ленинграде английские гости осматривали здания академии и семинарии, ознакомились с библиотекой и вели беседы с профессорами академии — Л. Н. Парийским и А. А. Осиповым — по вопросам церковной жизни и методов преподавания в духовных школах. О своих впечатлениях от поездки Стэнли Эванс и Ро-

ланд Кларк прислали письма в Московскую Патриархию, в которых выражали свои дружественные чувства к Русской Православной Церкви¹.

С 21 августа по 6 сентября в Советском Союзе пребывала группа видных церковных деятелей Германии во главе с президентом Евангелической Церкви Рейнской области д-ром Генрихом Хельдом. 31 августа гости прибыли в Ленинград и в тот же день в колонном зале митрополичьего дома состоялась научно-богословская беседа между гостями и профессорами Ленинградской духовной академии. Профессор Боннского университета Г. Иванд сделал доклад «Пути развития протестантской догматики за последние десятилетия». Докладчик охарактеризовал состояние догматического богословия в Германии, как возвращение от рационализма к вере. Д-р Хельд произнес речь на тему «Современные задачи Евангелической Церкви в Германии». Профессор Ленинградской духовной академии Л. Н. Парийский выступил с докладом: «Значение праздников Преображения Господня и Успения Пресвятой Богородицы».

С 19 по 24 сентября в Оксфорде состоялась Вторая международная конференция патрологов. На конференции присутствовало около 500 богословов разных национальностей и исповеданий. Представителями Московской Патриархии на конференции были профессора Ленинградской духовной академии Л. Н. Парийский и К. А. Сборовский. Русской делегации было оказано исключительное внимание: доклады ее были поставлены на пленарных заседаниях и записаны на пленку. Проф. Л. Н. Парийский выступил с докладом «Вклад русских богословов в патрологию», а проф. К. А. Сборовский — «Св. Иустин Философ как апологет». По окончании докладов проф. Л. Н. Парийский говорил по радио о постановке богословского образования в духовных школах СССР.

Вторая международная конференция патрологов в г. Оксфорде явилась новым этапом на пути сближения христианских вероисповеданий на основе учения отцов Церкви.

1956 год был еще более богат встречами между профессорами Ленинградской духовной академии и представителями богословской науки Запада. В марте этого года Советский Союз посетила делегация Национального Совета Церквей Христа в США, возглавляемая председателем Совета д-ром Юджином К. Блейком. В делегацию входили представители основных американских церквей и вместе с тем наиболее видные деятели Национального Совета. Целью визита было — установить связь между христианами США и Советского Союза, ознакомиться с жизнью и учреждениями Русской Православной Церкви и других христианских церквей нашей страны и обсудить ряд церковных и богословских вопросов, интересующих христиан обеих стран. 13—17 марта в Москве состоялись собеседования между делегацией и представителями Русской Православной Церкви и других церквей Советского Союза. В собеседованиях обсуждались вопросы: 1. Положение и устройство Церквей в СССР и США; 2. Что сделали и что делают Церкви наших стран для дела мира во всем мире; 3. Христианская вера и современная наука; 4. Христианская вера и другие религии; 5. Современные направления в богословском обучении в США и СССР и др. От Ленинградской духовной академии в собеседованиях принял участие проф. Л. Н. Парийский, который выступил с краткой речью по вопросу «Христианская вера и современная наука». В результате обмена мнений было выражено твердое стремление к развитию контактов путем обмена церковными делегациями, научно-богословской и церковно-исторической литературой, а также путем углуб-

¹ «Журнал Московской Патриархии», 1955, № 11.

ленного ознакомления с догматической системой и нравственным богословием Церквей.

В середине июня совершила поездку в Западную Германию делегация Московской Патриархии в составе профессоров Ленинградской духовной академии Л. Н. Парийского и К. А. Сборовского и доц. Московской духовной академии В. Д. Сарычева для прочтения лекций и докладов в высших богословских школах Евангелической Церкви Рейнской и Вестфальской областей. Проф. Л. Н. Парийский выступал с докладами по патрологии и до вопросу положения Русской Церкви в настоящее время, проф. К. А. Сборовский — по истории Русской Церкви и доц. В. Д. Сарычев — по догматическому богословию. Сначала доклады были прочитаны в Боннском университете и Институте славяноведения. Затем эти же доклады повторялись в Вуппертале, Бетеле и Зоннсте. Лекции и доклады происходили в присутствии студентов, профессоров и пасторов и сопровождались оживленными дискуссиями. Представители Евангелической Церкви, церковная общественность Западной Германии и пресса оказывали большое внимание русской делегации. В каждом городе появлялись статьи, отрывы, сообщения о выступлениях русских богословов, всегда в благожелательном духе. Профессор Боннского университета д-р Иванд писал Митрополиту Николаю по поводу визита русских богословов: «Весь наш факультет счастлив и благодарен за этот визит, и мы надеемся, что с Божией помощью будем лелеять и развивать эту связь с богословской работой академии Русской Православной Церкви»².

С 16 по 23 июля в Москве состоялись собеседования богословов Русской Православной и Англиканской церквей. В состав делегации Англиканской Церкви входили: Архиепископ Йоркский д-р М. Рамсей, епископ Дербийский д-р А. Роулинсон, епископ Оксфордский д-р Г. Карпентер, каноник Г. Уоддемс, четыре священника и наблюдатель от Епископальной Церкви в США д-р Павел Андерсон. От Русской Православной Церкви делегацию составили: епископ Смоленский и Дорогобужский Михаил, епископ Старорусский Сергей и несколько профессоров и доцентов Московской и Ленинградской духовных академий.

От Ленинградской духовной академии в собеседованиях участвовали и выступали с докладами: проф. Л. Н. Парийский — «Сущность Церкви и роль мирян в Церкви»; проф. А. А. Осипов — «Священное Писание»; доц.-прот. В. М. Боровой — «Символ веры и Соборы»; проф. Н. Д. Успенский входил в состав секретариата.

На всех заседаниях по заслушании докладов происходили дискуссии. По ряду вопросов было установлено единство богословских взглядов. Вместе с тем было признано желательным продолжить в дальнейшем встречи для изучения интересующих обе Церкви богословских проблем.

В течение 1957 года Ленинградскую духовную академию посетил целый ряд иностранных делегаций и гостей, среди которых большинство были церковные деятели и богословы западных инославных христианских церквей. Иностранным гостям обычно показывали храм, актовый зал, библиотеку, аудитории. С гостями проводились беседы о жизни Православной Церкви и духовных школ. Гости оставляли записи в книге посетителей с выражением дружеских чувств и пожеланий роста и процветания Русской Православной Церкви и академии и укрепления дружеских связей между народами.

Особенно многочисленны были посещения академии представителями западных инославных христианских объединений в 1958 году. 8 апреля академия принимала делегацию Евангелической Церкви

² «Журнал Московской Патриархии», 1956, № 8.

Западной Германии в составе: президента Евангелической Церкви Рейнланд-Вестфалия Эрнста Вильма, председателя Отдела внешних сношений Евангелической Церкви Адольфа Вишмана, профессора Боннского университета Ганса Иванда, профессора Гейдельбергского университета Эдмунда Шлинка и профессора Берлинского университета Генриха Фогеля.

В актовом зале академии проф. Фогель прочитал доклад о догмате воплощения и вочеловечения Господа Иисуса Христа. Презес Вильм рассказал о гонениях на религию во время Гитлера и о том, как все члены делегации боролись против гитлеризма, за что сидели в тюрьмах и концлагерях. Презес Вильм призывал к братскому общению Русской Православной Церкви с Евангелической Церковью Германии. Проф. Шлинк, видный деятель экуменического движения, призывал к активной борьбе за мир и за вступление православных в экуменическое движение. Проф. Иванд сообщил о двух течениях в Бонне: официальном, в верхах государства, с антисоветским уклоном, и другом, в широких народных массах, полным симпатий к Советской стране и Русской Православной Церкви. Д-р Иванд выразил надежду, что второе течение возьмет верх над первым.

3 июня академию посетила делегация англиканских монахов.

23 июля инспектор Ленинградской духовной академии проф. Л. Н. Парийский принимал группу гостей из разных стран в числе 12 человек. Среди гостей были два протестантских епископа, несколько пасторов и преподавателей богословия. Группу возглавлял старший советник Евангелической Церкви в Дортмунде пастор Клоппенбург, который известен как член «Рабочего комитета борьбы против атомной смерти». Этот комитет обратился с письмом к Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву. Под обращением стояла подпись и Клоппенбурга. В «Известиях» от 23 августа 1958 года был помещен ответ Н. С. Хрущева на обращение «Рабочего комитета борьбы против атомной смерти». Беседа с гостями происходила в зале заседаний Совета академии и касалась, главным образом, вопроса об отношении христианской Церкви к войне.

28 июля академию посетили гости из Франции, среди которых был известный византолог-иконограф Л. А. Успенский, помещающий часто статьи в «Журнале Московской Патриархии». Беседы велись по чисто богословским вопросам и в самом дружественном духе.

19 августа в академии были гости из США: проф. Роберт Боверс, богослов Рихард Раве и журналистка-американка.

Кроме того, в летний период 1958 года академию посетило множество иностранцев, не имеющих прямого отношения к богословской науке, но интересующихся церковными вопросами.

Связь Ленинградской духовной академии с представителями западного богословия протекает не только через личные встречи и участие в конференциях ее профессоров, но и через выступления их на страницах печати и непосредственную переписку по разным богословским вопросам. Так, например, в английском богословском журнале «Theology» книга 50, № 440, за февраль 1957 года помещена была статья английского профессора Роберта П. Кейси под заглавием «Высказывания Русской Православной Церкви о Новом Завете», которая представляет собой отклик на статьи профессора Ленинградской духовной академии А. И. Иванова в «Журнале Московской Патриархии» за 1954 год №№ 3—5 и 1956 год №№ 3—6, посвященные критическому разбору нового перевода на русский язык Евангелия от Матфея (Лондон, 1953) и нового критического издания греческого текста Нового Завета Эрвина Нестле. В «Журнале Московской Патриархии» за 1957 год, № 9 помещен ответ проф. Иванова проф. Роберту П. Кейси под заглавием: «К вопросу о новозаветном тексте».

В марте 1958 года на Совете академии был заслушан отзыв проф. А. И. Макаровского на присланные на рецензию Отделом внешних церковных сношений Евангелической Церкви Рейнской области книги г-жи Шедер на немецком языке: «Православная Церковь Востока» и «Москва — третий Рим». Отзыв был отправлен по назначению, и в июне было получено письмо от Отдела внешних церковных сношений Евангелической Церкви с выражением благодарности «за дружескую аннотацию проф. А. И. Макаровского».

В июле д-р Хильдегарда Шедер прислала вырезку из журнала «Экуменическое обозрение» со своей статьей под заглавием: «Православные книги о мирянах». В этой статье она сравнила статью греческого архимандрита Котсониса о положении мирян в лоне Церкви со статьей проф. Л. Н. Парийского — «Роль мирян в Русской Православной Церкви» и сделала заключение, что два исследования — греческое и русское — относительно роли мирян в Церкви являются ценным доказательством глубокого согласия между православными церквями по этому вопросу, несмотря на территориальную отдаленность Церквей и пребывание авторов в странах с различным государственным устройством.

В августе текущего года Теологический факультет Берлинского университета им. Гумбольдта через директора проф. Розе просил Ленинградскую духовную академию дать справку о канонизации святых после императора Петра I. Справку составил доц.-прот. В. Боровой и она была отправлена по назначению.

Заканчивая краткий очерк сношений Ленинградской духовной академии с западными богословами, мы должны подчеркнуть, что основная задача этих сношений заключается в достижении того религиозного единения всех христиан, о котором неустанно молится Православная Церковь. Можно надеяться, что усилия русских богословов не останутся бесплодными, а будут содействовать сближению церквей Запада и Востока, пока не завершится объединение всех в единое стадо под Единым Пастырем.

А. Иванов,
проф. Лен. дух. академии

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Издательство Московской Патриархии сообщает о выходе в свет четвертого тома «Слов и речей» Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая. В этот том входят церковные проповеди, речи и статьи в защиту мира, а также речи и статьи по разным поводам. Книга содержит 472 страницы.

ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

СЛОВО,
СКАЗАННОЕ В ПИМЕНОВСКОЙ ЦЕРКВИ г. МОСКВЫ

По уставу нашей Святой Церкви, все мы, дорогие, должны говеть в многодневные посты.

Приближается Рождественский пост.

Чтобы покаяние, которое мы приносим перед лицом нашего Господа Спасителя, было действенным, Святая Церковь часто, на протяжении всего церковного года, приводит нам на память живые примеры кающихся грешников.

Но чаще всех грешников мы должны вспоминать о благоразумном разбойнике, который висел и умирал с Господом Иисусом Христом.

Не случайно, Промыслом Божиим, этот разбойник умирал рядом с Господом Спасителем. Господу угодно, чтобы мы всякий раз, когда вспоминаем о кресте Христовом, вспоминали о том, что одесную распятого Господа висел тот, кто в предсмертные минуты принес такое покаяние Господу, которое открыло ему двери Царства Небесного.

Этот разбойник благоразумный — как его назвала Святая Церковь — короткою молитвою возопил ко Господу, но эта короткая молитва содержала в себе все, что привлекло милосердие Божие: она даровала ему благодать прощения, благодать оправдания перед Господом, блаженство в Царстве Небесном.

Что может быть трогательнее этого образа благоразумного разбойника перед лицом Господа и умильнее образа Самого Спасителя, Который открывает сердце навстречу покаянному вздоху: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое», и отвечает такими словами, которые слышать было бы бесценно дорого каждому из кающихся грешников: «Будешь со Мною в раю».

Но пусть не думают те грешники, которые, вспоминая о разбойнике, покаявшемся в последние предсмертные минуты, хотели бы откладывать свое покаяние в надежде на то, что и они смогут также покаяться перед Господом за прожитую греховную жизнь, как этот разбойник, у которого руки на кресте были покрыты не только собственной кровью, истекавшей из язв гвоздинных, но и кровью жертв его разбоя. Для этого надо иметь все то, что было в сердце этого разбойника в минуты перед смертью.

Подумайте, дорогие, с какой верой этот разбойник обратился ко Господу, умиравшему на кресте.

На несколько минут мы отойдем от креста с умирающим Спасителем. Господь Спаситель ходит по земле, несет Свой земной подвиг, окруженный избранными апостолами, среди которых самым пылким является апостол Петр. Вот апостол Петр говорит Господу Иисусу Христу: «Ты — Христос, Сын Бога Живаго» (Мф. 16, 16). Он исповедует веру в Господа Иисуса Христа, как Сына Божия. Вот апостолы на

горе Фаворской видят славу преображения Господа своего. И тот же апостол Петр восклицает: «Господи! Хорошо нам здесь быть» (Мф. 17, 4). Вот Господь спрашивает Своих апостолов: «Не хотите ли вы отойти?», и опять тот же апостол Петр восклицает: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы жизни вечной» (Иоан. 6, 68). Таким был апостол Петр.

И опять встанем духом своим у подножия креста Христова. Где ты, апостол Петр? Тебя здесь нет. Как говорит св. евангелист: «Оставив Его, все (ученики) бежали» (Мрк. 14, 50). И апостол Петр по немощи своей отрекся от Господа и сказал: «Не знаю Человека Сего, о Котором говорите» (Мрк. 14, 71).

О, первоверховный апостол Петр, конечно, не с духом осуждения мы об этом вспоминаем. Нет! Мы знаем, что ты по немощи своей изменил Господу, ибо ты еще не был укреплен благодатью Святого Духа. Мы знаем, что ты был величайшим проповедником слов Христовых и ты умирал за Христа, головою вниз, в знак своего величайшего благоговения перед искупительной смертью Спасителя и всецелой преданности Господу. И если мы вспоминаем о твоей немощи, стоя духом у Голгофы, то для того только, чтобы показать, какая вера была у этого благоразумного разбойника.

Он не был с Господом Иисусом Христом на горе Фаворе, он не видел чудес Христовых, он не слышал тех Его проповедей, которые умиляли, потрясали человеческие сердца. Он только слышал об этом от других.

Но когда он висел рядом на кресте, когда видел невинное осуждение, безграничное терпение и кротость Того, Кто умирал рядом с ним, когда всем своим сердцем почувствовал, что так умирать и молиться за Своих распинателей может только один Царь неба и земли, когда он увидел в Нем Хозяина Небесного Царства, он так воскликнул из глубины своей уверовавшей души: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое». И в ответ на это он услышал известные нам дорогие слова.

Мы с вами, дорогие, знаем то, чего не знал этот разбойник, во много раз больше того знаем. Мы видим силу Божию, которую Господь проявляет в Своей Церкви святой уже почти две тысячи лет. Мы видим проявление Промысла Божия о собственной жизни каждого из нас, которым Господь много раз спасал нас от всяких бед, несчастий, воздвигал с одра болезни, утешал нас, укреплял нас.

Какая же должна быть у нас вера при нашем покаянии! И всей силой этой веры мы должны, открывая свое кающееся сердце Господу, исповедывать: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Сын Бога Живаго».

Надо иметь веру в Господа такую, которая не знает сомнений. Надо иметь веру в Господа такую крепкую, которую ничто не поколеблет, и с такой верой идти с кающимся сердцем к Господу Спасителю. Пусть кругом тебя смеются над Господом Иисусом Христом, но ты оставаясь верным Ему и сильным этой верой, и эту крепость веры своей принеси к ногам Его, когда открываешь кающееся сердце. И ты сердцем услышишь через пастыря, дающего разрешение грехов твоих, сладкие слова от Самого Господа: «Чадо, прощаются тебе грехи твои».

Продолжайте взирать на разбойника благоразумного. Вы видите, он сознает свои грехи. Он осужден за разбой; он сознает, что заслуженно принимает эту кару, эти тяжкие страдания, умирая на кресте. Он готов исповедать грехи свои и говорит: «Мы достойное по делам нашим приняли», — говорит, обращаясь к распятому не раскаявшемуся собрату. Он готов исповедать этот грех свой перед лицом всех. Кругом хулят Господа Спасителя, плюют на Него, весь мир против Него враждует своей злобой. А он, этот разбойник, уверовавший в умиравшего

Господа Спасителя в предсмертные минуты, своею мыслью входит в вечность. Он боится только одного, чтобы не быть отчужденным от Господа в Царстве Небесном, чтобы не оказаться за дверью Царства Небесного. Он не думает о своих страданиях, он не просит того, чтобы умирающий Спаситель, для Которого нет ничего невозможного, силой Своего всемогущества избавил его от этих страданий. Нет. Он думает в сознании своей греховности об одном: чтобы не погибнуть для Царства Небесного. И он первым вошел в рай, когда Господь Спаситель открыл двери Небесного Царства.

Мы знаем гораздо больше, чем знал и понимал тогда этот разбойник. Мы знаем, как в грехах своих виноваты перед Господом, какие мы преступники воли Божией. Мы знаем, как мы оскорбляем святость, величие Божие своими грехами; какие мы непослушные, своенравные дети своего Небесного Отца. Он дает нам множество милостей и благодеяний, а мы грешили вчера, грешим сегодня и будем, может быть, завтра грешить, если не остановимся когда-нибудь на этом пути грехов и страстей своих. Мы это знаем. И как же мы исповедуем грехи свои? С каким чувством приносим к Господу свое кающееся сердце? Осуждаем ли мы свои грехи, ненавидим ли мы, отвращаемся ли мы от грехов? Чувствуем ли мы омерзение к тем грехам, которые готовы были погубить нас, если бы мы не покались в них и не отреклись от них? Ужасаемся ли мы перед мыслью о вечном отчуждении от Господа? Готовы ли мы исповедать свои грехи не только перед лицом пастыря, но если бы Господу угодно было, перед лицом всех людей, перед всеми на земле, чтобы нам, исповедуя грехи свои, получить прощение от Господа?

Если с таким сознанием своих грехов и с таким чувством раскаяния во грехах идем ко Господу, услышим и мы своим сердцем сладкие слова Спасителя: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11, 28).

Еще продолжайте смотреть на разбойника. Он еще жив. Он еще не умер. Слушайте, что он говорит. Он обращается к своему собрату, который не раскаялся. Сердце его жалеет этого собрата, который погибает. И он обращается к нему со словами: «Или ты не боишься Бога?» Неужели твоя совесть еще не пробудилась? Неужели тебе не страшно умирать, зная, что ты идешь в погибель вечную? Он заботится о брате. Он не может больше ничего другого сделать: руки его прибиты, ноги его пронзены гвоздями. Если бы он не был на кресте, он бы сделал во искупление своих грехов много добра людям. Но он уже прибит, он уже умирает. И он только словами хотел пробудить совесть своего умирающего собрата.

Истинное покаяние всегда должно сопровождаться и плодами, достойными покаяния. Мы получаем радость прощения. И эту радость прощения, когда мы ее получаем после слезного раскаяния, мы не можем утаить в себе. Она пробивается наружу, хочется всех обнять, любить, сделать добро людям, чтобы искупить множество своих согрешений, чтобы изгладилась она навсегда из книги жизни нашей.

Истинное покаяние всегда должно сопровождаться переменою своей греховной жизни. Человек после такого покаяния должен становиться смиреннее, любвеобильнее, милосерднее, снисходительнее к людям, ибо Бог его простил, и он должен навсегда простить всех, кого он до сих пор плохо прощал, или совсем не прощал.

И подивитесь тайне премудрости Божией! Этот разбойник благодатный остается умирать на кресте. Господь не совершил чуда: не дал ему жизни. Разбойник умирает на кресте, ибо Господу угодно, чтобы он до предела дошел в своих страданиях, чтобы до конца очистил свою душу от всяких скверн, которыми была полна его разбойничья душа; чтобы он с светлой и чистой душой вступал в двери Царства Небесного.

И если вы видите грешников, плачущих перед лицом Господа и истинно раскаявшихся перед Ним, видите их в скорбях и в болезнях, помните, что это свидетельство того, что Господь их простил, ибо Господь через эти скорби, через эти болезни, которые Ему не угодно отнять от человека, хочет, чтобы душа его очищалась, становилась достойной вечной радости в Небесном Царстве.

Теперь видите на примере разбойника благоразумного — разве легко покаяние? И разве мы можем откладывать его, надеясь на то, что в последние минуты нашей жизни земной мы можем уподобиться разбойнику благоразумному? Разве кто-нибудь из нас когда-нибудь переживал крестные страдания и знает, что такое эти ужасные страдания? Разве кто-нибудь из нас может быть уверенным, может знать, что он будет умирать в сознании, а не без сознания, или в таком бесилии тела и души, когда уже не сможет душа — при всем порыве к Богу — принести Господу такое покаяние, которое очистило бы ее и открыло бы двери Царства Небесного.

Поэтому, пока не поздно, пока мы живем, пока ходим, пока святые храмы Божии открывают свои двери навстречу нам, чтобы принять в себя, напитать Божественной пищей, — принесем Господу покаяние. Пусть покаяние будет таким, каким оно было бы, если бы было предсмертным. А таким будет покаяние, когда человек не хочет ни в чем себя оправдывать, когда он только хочет себя во всем обвинять; когда он хочет все вспомнить, что прожито греховного и скверного за всю жизнь. А может быть, оно и будет предсмертным для кого-нибудь из нас. Один Господь ведает, когда пресечется земная жизнь наша.

И услышит кающееся сердце наше, в тайниках нашего духа, слова прощения от Господа и обещание Господа взять к Себе в Свое вечное Царство того грешника, который слезами своего раскаяния и благодатью покаяния сумел выжечь все свои грехопадения.

Господь щедр и многомилостив ко всем кающимся, ко всем просящим Его милостей, ко всем ищущим Его Божественного утешения и Его небесных благословений. Да даст и нам с вами, дорогие, Господь такое покаяние.

Митрополит Никслай

К ВРУЧЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ „ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ“ ПРОФЕССОРУ ИОСИФУ ГРОМАДКЕ (Чехословакия)

23 сентября сего года в Кремле была вручена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами» декану евангелическо-богословского факультета имени Коменского в Праге Иосифу Громадке.

При вручении премии среди присутствующих находились представители Русской Православной Церкви: епископ Дмитровский Пимен, управляющий делами Московской Патриархии протопресвитер Н. Ф. Колчицкий, ректор Московской духовной академии протоиерей К. И. Ружицкий, наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Пимен, настоятель Воскресенского храма в Сокольниках протоиерей А. И. Расторгуев, инспектор Московской духовной академии архимандрит Леонид, член Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии А. С. Буевский и доцент Московской духовной академии В. И. Талызин.

После оглашения постановления Комитета по международным Ленинским премиям и вручения проф. И. Громадке золотой медали и диплома лауреата Ленинской премии мира протоиерей А. И. Расторгуев огласил приветствие лауреату Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (см. след. страницу).

В тот же день вечером на приеме, устроенном Советским Комитетом защиты мира в честь проф. И. Громадки, среди гостей присутствовали епископ Пимен и протоиерей К. И. Ружицкий.

24 сентября сего года проф. И. Громадка и его супруга Н. А. Громадка посетили Троице-Сергиеву Лавру, где присутствовали за богослужением в Успенском соборе и осмотрели достопримечательности обители. В Московской духовной академии состоялся акт по случаю посещения ее проф. И. Громадкой. Ректор академии прот. К. И. Ружицкий и проф. И. Громадка обменялись приветствиями. Хор Московской духовной академии и Московской духовной семинарии исполнил несколько церковных песнопений.

Проф. И. Громадка осмотрел помещения академии и имел беседу с профессорско-преподавательской корпорацией и учащимися.

В тот же день временный поверенный в делах Чехословацкой Республики в СССР И. Копецкий устроил прием по случаю вручения проф. Иосифу Громадке международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Среди гостей на этом приеме присутствовали епископ Пимен и протоиерей А. И. Расторгуев.

26 сентября сего года проф. И. Громадку, отбывающего на Родину, провожали епископ Пимен, протоиерей А. И. Расторгуев и А. С. Буевский.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

ПРОФЕССОРУ ИОСИФУ ГРОМАДКЕ (Чехословакия) ПО СЛУЧАЮ НАГРАЖДЕНИЯ ЕГО ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИЕЙ „ЗА МИР И ДРУЖБУ МЕЖДУ НАРОДАМИ“

(в Кремле 23 сентября 1958 года)

Дорогой друг и брат!

Вместе с христианами нашей страны и всеми, кто жаждет мира, я всей душой радуюсь тому, что Ваша деятельность, направленная к установлению мирного сотрудничества и дружбы между народами, отмечена высоким званием лауреата Ленинской премии мира. Мое сердце горит желанием выразить Вам по этому поводу самые лучшие чувства, которые порождают не менее светлые мысли, освещающие нам путь к «единению духа в союзе мира» (Посл. к Ефесянам 4, 3).

Я горячо поздравляю Вас с высокой наградой, и мое поздравление, и все, что говорится здесь сегодня по Вашему адресу, свидетельствует прежде всего о том, что Вы достойны этой награды как человек, посвятивший все свои силы и знания великому делу защиты мира.

Борьба с угрозой войны есть общее дело нашей тревожной эпохи, и Ваше участие в нем вполне естественно, потому что Вы не только человек, но человек-христианин и христианин-богослов, который твердо верует в непреложность христианской морали, имеющей незыблемое основание в воле Божией.

Эта вера вдохновляет Вашу мудрую деятельность во Всемирном Совете Церквей, где Ваш голос звучит, как голос пророка, обличающего тот опасный самообман, когда многие люди, знающие волю Божию, в действительности забывают о ней, чтобы «при помощи остроумных и возвышенных соображений, — как однажды сказали Вы, — поставить Бога в зависимость от своих желаний, сделать Его союзником в своей социальной и политической борьбе».

Когда на многих экуменических конгрессах и конференциях Вы призываете к мирному сотрудничеству народов и доказываете, что оно вполне осуществимо на основе дружбы и взаимной уступчивости, то Вами руководит только верность Евангелию. Поэтому Ваши речи, призывы и обращения, известные всюду — на Вашей родине, в Германии, в Канаде, в Англии, в Австралии и во многих других странах, — привлекают к себе внимание широких христианских кругов, умеющих ценить глубину Вашей мысли и широту обобщений.

Следуя зову христианской совести, Вы, дорогой друг, смело отстаиваете жизнь и благополучие людей в современной борьбе народов с угрозой атомной войны. Об этом свидетельствует Ваша неутомимая деятельность в качестве члена Бюро Всемирного Совета Мира, движимая сознанием христианской ответственности и христианского долга, который обязывает нас во всех обстоятельствах помогать общему делу защиты мира.

Необходимо сказать и о Вашем патриотизме, который вдохновляет Вас на активную деятельность в Комитете сторонников мира Чехословакии, Вашей Родины, много пострадавшей в двух последних мировых войнах. Эти страдания вызвали Вас на подвиг служения своему народу, и Вы прилагаете все свои силы к тому, чтобы он, вместе с другими народами, достиг мира и процветания.

Мне хотелось бы закончить свое приветствие мыслью, составляющей наше общее с Вами убеждение. Вы однажды сказали, что чем больше мы думаем о ближних, о их нуждах и страданиях, тем меньше испытываем на себе гнет страха и неуверенности за себя, потому

что, по слову апостола Иоанна Богослова, «совершенная любовь изгоняет страх».

Мы знаем, что именно эгоистический страх заставляет некоторые круги считать атомное оружие гарантией свободы, но по-христиански свободен лишь тот, кто любит, а любящий уже не боится за себя — он боится только за ближнего, которому служит, стремясь облегчить его нужды и страдания.

За это служение и чествует Вас, дорогой профессор, настоящее собрание, а в моем лице — все церковные люди нашей страны, неустанно молящиеся «о мире всего мира».

Пусть эта честь послужит для Вас призывом к продолжению Вашей плодотворной деятельности на благо всего человечества!

Позвольте по-братски и по-дружески обнять Вас!

Митрополит Николай

КАЗАНСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

I

«Рождеством Твоим, Госпоже Богородице Дево, и всеми Твоими праздники, круг лета венчаея», — говорится в одном из канонов Божией Матери. И, на самом деле, в годовом богослужебном круге Православной Церкви прославление Божией Матери занимает исключительное место. Церковный год имеет в своем начале праздник Рождества Пресвятой Богородицы, а в конце — праздник Ее Успения; можно поэтому сказать, что Божия Матерь сопутствует нам и руководит нами на том духовном пути, по которому ведет нас Святая Церковь на протяжении церковного года.

Наряду с днями, относящимися к отдельным событиям земной жизни Богоматери, мы празднуем на протяжении годового круга также и дни, посвященные прославлению Ее небесного заступничества и покровительства человеческому роду, явленного преимущественно через Ее чудотворные иконы. В отличие от двенадцатых Богородичных праздников, которые чтутся всей Вселенскою Церковью, дни, посвященные прославлению Ее чудотворных икон, являются по преимуществу местными праздниками тех стран и городов, в которых Божия Матерь показала Свое небесное заступничество через эти иконы.

Русская Православная Церковь также чтит чудотворные иконы, через которые Матерь Божия явила нам Свою благодать и милость. Одной из самых почитаемых у нас икон является Казанская икона Божией Матери. По своему иконографическому характеру она принадлежит к типу, именуемому «Одигитрия» («Путеводительница»). И Сама Богоматерь, и Младенец, Которого Она держит на левой руке, обращены здесь лицом к молящимся. На иконах Одигитрии Младенец Христос не принимает к держащей Его Матери, как это имеет место на иконах, принадлежащих к иконографическому типу «Умиления», но прямо сидит на Ее руке, взирая на молящихся и благословляя их Своей правой рукой. «В этом строгом, величественном изображении особенно подчеркнуто Божество Отрока Христа», Его неземная власть и сила, в то время как в иконах «Умиления» передаются больше естественные чувства любви и нежности Матери и Ее скорби о неизбежно предстоящих Ее возлюбленному Сыну вольных страданиях¹.

В Казанской иконе Богоматери есть еще одна особенность, которой мы не находим на других более древних иконах типа «Одигитрии». Глава Богоматери на этой иконе наклонена влево, и лик Ее почти касается Главы Младенца Христа, как будто Она хочет что-то сказать Ему. Божия Матерь молитвенно склонилась здесь к Своему Божественному Сыну, умоляя Его о тех, кто прибегает к Ней как к «Заступнице Усердной», «Тихому и доброму пристанищу, Скорой Помощи».

¹ Сравнение икон «Одигитрия» и «Умиление» см. в статье Л. Успенского, «Первые иконы Спасителя и Божией Матери» — «Ж. М. П.», 1958, № 2, стр. 49.

нице, готовому и теплomu спасению». По-видимому, именно эта особенность Казанской иконы производила сильное впечатление на всех впервые видевших Ее и заставляла их говорить: «Яко такова образа переводом нигдеже не видеша»².

Церковное предание говорит, что первые иконы Божией Матери были написаны св. апостолом и евангелистом Лукой. Согласно этому преданию он написал три образа Богоматери: два с Младенцем на руках и один без Младенца. Одна из этих икон принадлежала по-видимому к типу «Одигитрия», так как благочестивое предание приписывает несколько икон этого типа св. Луке. Надо полагать, что подлинные иконы, написанные св. Лукой, до нас не дошли, поэтому смысл предания, приписывающего ему написание известных нам икон Божией Матери, заключается в том, что им подчеркивается «преемство благодати и силы, присущее этим иконам, как воспроизводящим подлинные черты Божией Матери, запечатленные св. Лукой»³.

Это преемство благодати и силы с особенной ясностью проявилось в чудотворных иконах Божией Матери, через посредство которых Она сообщала их тем, кто особенно нуждался в получении этой благодати и силы. Помощь и заступление Богоматери через святые Ее иконы проявляется однако же не только в том, что Она исполняет молитвы, с верою приносимые перед этими иконами, и совершает через них чудеса исцеления, но в некоторых случаях также в чудесных явлениях новых, дотоле неведомых, чудотворных икон. К числу таких явленных икон принадлежит и Казанская икона Божией Матери, явившая себя жителям города Казани 8 июля 1579 года.

Повествование о явлении этой чудотворной иконы и первых чудесах, совершенных через нее Божией Матерью, было составлено в 1594 году, через 15 лет после ее явления. Автором этого повествования был тогдашний Казанский митрополит Ермоген, впоследствии Патриарх Московский и всея Руси, мученически скончавшийся в 1612 году.

Составленное святителем Ермогеном сказание носит в подлиннике наименование: «Повесть и чудеса Пречистыя Богородицы честнаго, славнаго Ее явления образа, иже в Казани. Списано смиренным Ермогеном, митрополитом Казанским». Отличительная особенность этого сказания заключается в том, что оно представляет собой не запись благочестивого предания, на протяжении нескольких поколений хранимого благоговейной памятью потомков, но летопись событий, составленную их непосредственным очевидцем и участником. Святитель Ермоген был свидетелем большей части описываемых им событий; остальные записаны им со слов непосредственных их очевидцев и участников.

Важно отметить, что до нас дошел не только подлинный текст повести, составленный святителем Ермогеном, но даже рукопись, представляющая собой в значительной своей части автограф ее составителя. Фотографическая копия этой рукописи была издана в 1912 году с предисловием академика А. И. Соболевского. Автор предисловия на основании тщательного изучения рукописи приходит к выводу, что значительная ее часть, а именно листы 1—9 и 26—36, несомненно, принадлежат самому Ермогену. Остальные листы рукописи представляют собою список с недошедшего до нас черновика. На некоторых листах списка имеются собственноручные пометки составителя повести. Таким образом, сказание о явлении Казанской иконы Божией Матери представляет собой документ, обладающий не только внутренней достоверностью церковного предания, но и несомненной внешней достоверностью авторизованного исторического документа.

² «Творения Святейшего Ермогена, Патриарха Московского и всея России», М., 912, стр. 8.

³ Л. Успенский, цит. статья, стр. 49.

1 октября 1552 года русские войска под командованием царя Ивана IV после ожесточенного штурма овладели столицей Казанского татарского ханства — Казанью.

Быстрый рост Казани, как административного и торгово-промышленного центра, естественно поставил перед Московским правительством вопрос о его церковном устройении. Уже через три года после покорения Казани в ней была учреждена архиепископская кафедра, и 7 февраля 1555 года Митрополит Макарий рукоположил в Успенском соборе в архиепископа Казанского настоятеля Троицко-Селижарова монастыря архимандрита Гурия.

В качестве помощников святителя Гурия с ним были посланы два архимандрита: настоятель Старицкого Богородицкого монастыря Герман, бывший после смерти св. Гурия архиепископом Казанским, и настоятель Николопешношского монастыря Варсонофий, впоследствии епископ Тверской.

Благодаря ревностным трудам этих первых просветителей Казани, город этот в течение ближайших тридцати лет после его покорения становится христианским городом, имевшим до 150 храмов и несколько монастырей. Однако в городе и его окрестностях оставалось еще очень много нехристианского населения, среди которого были и язычники. «Языцы же невернии мнози бяху во граде и веры многи... и бысть им в притчу и в поругание истинная православная вера»⁴.

В 1579 году 23 июня в Казани произошел пожар, который произвел страшные опустошения. В это тяжелое для православных время, когда к бедствиям, последовавшим за пожаром, присоединилось поношение со стороны иноверцев, «Человеколюбец Бог, видя терпение людей Своих и веру их и поношения, и поругания окрест живущих иноверных и не терпя поношения и похуления на святые иконы... в сие последнее время показа нам праведное и всесветлое солнце и отверзе по роду Едема затворенного и яви от земли пречестную икону Источник неисчерпаемый, Своим человеколюбным смотрением в земли сокрываемую чудотворную икону Матери Своея, а наша Царицы, Владычицы и Приснодевы Марии, честного Ее Одигитрия и Свой человеколюбный образ»⁵.

Икона эта явилась при следующих обстоятельствах. Через несколько дней после пожара дочь одного из казанских стрельцов, десятилетняя Матрона, увидела во сне икону Божией Матери, услышала голос Царицы Небесной, повелевшей ей пойти в город к архиепископу и восводам и сказать им, чтобы они пошли и вынули из недр земли сокрытый там образ. Матроне было указано и место, где следовало его искать. Проснувшись, девочка рассказала о виденном во сне своей матери, но та не обратила никакого внимания на рассказ дочери. Видя такое отношение к своему сну, Матрона и сама оставила его без внимания и не исполнила повеления Божией Матери. На другой день сон повторился. То же было и в следующие дни. После этого девочка стала настойчиво упрашивать мать исполнить повеление Богородицы и объявить о виденном ею сновидении духовным и светским властям города; однако мать оставалась по-прежнему равнодушной к просьбам девочки. Наконец, однажды, когда Матрона в полдень спала во дворе около дома, она снова увидела во сне икону Богородицы. Икона вся сияла, от Лица

⁴ Повесть о явлении Казанской иконы, стр. 4.

⁵ Там же, стр. 4—5.

Приснодевы исходили лучи столь яркие, что девочка в страхе подумала, что она будет сожжена, если один из них коснется ее. Как и в предшествующие дни, Матрона слышала голос Божией Матери, Которая на этот раз грозно предупреждала ее: «Аще не повеси глагол Мохъ и не пойдеси от земных недр вынати образа Моего, Аз же убо имам во иней улице явитися и во ином граде; ты же и мати болезнена быти, дондеже и живота зле гонзнеши (пока не лишишься жизни)»⁶. Пробудившись в большом страхе, девочка тотчас же поведала обо всем матери, со слезами умоляя ее немедленно идти к архиепископу и воеводам и передать им повеление Божией Матери. Испуганная грозным предупреждением, полученным ее дочерью, мать Матроны тотчас же отправилась к воеводам, а затем к архиепископу и рассказала им обо всем. Однако ни светские власти города, ни архиепископ не поверили ей и не обратили никакого внимания на ее слова. В слезах возвратилась она домой с твердым намерением самой вместе с дочерью начать копать на указанном Божией Матерью месте. По дороге она рассказывала всем встречным о чудесном явлении, которого удостоилась Матрона.

Это было 8 июля, в день памяти св. великомученика Прокопия. По возвращении домой мать Матроны взяла заступ, пошла на указанное место и начала там копать землю. Вместе с нею копали и другие люди, слышавшие от нее о бывшем видении. Долгое время они не могли найти иконы. Когда почти весь двор был перекопан, начала копать и Матрона. Она копала на том месте, где раньше была печь; углубившись в землю на два локтя, она нашла там образ Богоматери с Пречестным Младенцем на руках. Образ был завернут в рукав от ветхой одежды из сукна вишневого цвета. Когда сняли рукав, то нашли в нем образ, который, по словам очевидца, «светлостию чудно сияя, якоже вновь вапы начертан (как будто он был только что написан красками). Земному же праху никакоже коснувшуся чудному тому образу, яко же сами видехом»⁷.

В новоявленной иконе собравшийся народ без труда узнал образ «Одигитрии»; однако в нем было нечто, отличавшее его от известных ранее икон этого типа. Это заставило составителя повести отметить «яко так-кова переводом образа не видеша нигде же и дивишася»⁸. Об этой особенности образа мы уже говорили в начале этой статьи.

Обретенный образ Матрона поставила на том месте, где он был найден. Слух о чудесном явлении быстро распространился по городу, и вскоре множество верующих людей стало собираться к месту, где стояла икона. Собравшиеся увидели в явлении иконы Богоматери милостивый ответ Владычицы на слезные мольбы, с которыми они обращались к Ней в дни постигших их тяжелых испытаний. Со слезами умиления и радости-взывали они к своей Небесной Заступнице: «Владычице, спаси нас!».

Между тем об обретении иконы было сообщено архиепископу Иеремии, который приказал звонить во всех уцелевших от пожара церквях и, взяв кресты и иконы со всем освященным собором, воеводами и множеством народа, пришел поклониться чудотворной иконе. Придя на место и увидев образ, который «яко же нов дар пречудне светяшеся»⁹, вместе с воеводами со слезами просил Матерь Божию простить им грех неверия. Среди пришедшего с архиепископом духовенства находился и составитель повести, будущий патриарх Ермоген, который в то время был священником в церкви Святителя Николая

⁶ Повесть о явлении Казанской иконы, стр. 6.

⁷ Там же, стр. 7.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 15.

Гостынного (то есть находящейся вблизи гостиного двора). «Каменосердечен же сый, но обаче прослезихся, — пишет он в своей повести, — и припадох к Богородицыну образу, и к чудотворней иконе, и ко Превечному Младенцу, Спасу Христу»¹⁰.

С благословения архиепископа он взял образ и, сопровождаемый духовенством и множеством народа, перенес его в ближайший приходский храм свят. Николая Тульского, где был отслужен первый молебен перед новоявленной чудотворной иконой. После этого она была с большой торжественностью перенесена в Благовещенский кафедральный собор. В соборе был отслужен второй молебен, а на другой день архиепископ Иеремия совершил там торжественную литургию.

В самый день явления иконы Матерь Божия совершила через нее два чуда: были исцелены два слепца — один по имени Иосиф, другой — Никита, которым по молитве их перед чудотворной иконой было возвращено зрение. Первое чудо совершилось при перенесении образа из приходского храма в собор; второе — перед началом молебного пения в соборе. С тех пор, как говорится в повести, «от образа Пречистыя Богородицы неисчетна многа исцеления подаваются приходящим с верою»¹¹.

Некоторые из этих чудес свят. Ермоген описывает в своей повести. Описания эти отличаются большой точностью; во всех случаях сообщаются подробные сведения о получившем исцеление; в некоторых случаях сообщаются подробности и самого чуда. По-видимому, свят. Ермоген был сам свидетелем некоторых из описанных им чудес; в других случаях он ссылается на показания очевидцев. Описанными в повести чудесами далеко не исчерпываются все случаи чудесной помощи Божией Матери, как об этом свидетельствует и сам составитель повести: «Довольно и по ряду кто возможет исчесть Богородицыны чудеса. Дерзнух бо написати от великих малая, ина же многа преминух: земли убо широта, моря глубина и Богородицыны чудеса неисчетна»¹².

Огромное воодушевление охватило все православное население Казани: в чудном явлении иконы Богоматери оно увидало новое знамение Ее небесного заступничества за христианский род, величия и силы Православия. В Москву послали копию Казанской иконы и описание ее явления и бывших от нее чудес.

На месте чудесного обретения иконы Божией Матери в Казани был основан первый в этом городе женский монастырь с деревянным храмом в честь иконы Божией Матери Одигитрии. В числе первых инокинь этого монастыря была девица Матрона; вслед за нею скоро постриглась и мать ее. После освящения нового храма в него был перенесен из собора чудотворный образ, однако, как видно из повести, каждый воскресный день его приносили в собор, где перед ним совершались торжественные молебные пения.

В 1589 году составитель повести о явлении Казанской иконы Ермоген, бывший в то время настоятелем Спасо-Преображенского монастыря, был вызван в Москву для поставления его в сан митрополита Казанского (Казанская епархия в связи с учреждением на Руси патриаршества была преобразована в митрополию). В дни пребывания в Москве Ермоген был принят царем Феодором Иоанновичем, который подробно расспрашивал его о чудесах от чудотворного образа Божией Матери и сделал щедрое пожертвование для построения в Казанском женском монастыре каменного храма. Храм был заложен 14 апреля 1594 года и освящен в 1595 году. В эти же годы были составлены свя-

¹⁰ Повесть о явлении Казанской иконы, стр. 15.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

тителем Ермогеном повесть о явлении Казанской иконы и служба ей; составление их было приурочено к освящению нового каменного храма. «И в та лета,—говорится в одной рукописи XVII века, посвященной святителю Ермогену,—премудро сложи стихиры и канон Пресвятей Богородице Казанстей и повесть о явлении ее и о чудесах»¹³.

Помимо этого свидетельства, в пользу одновременного составления службы и повести говорит единство их содержания и многочисленные, почти дословные совпадения текстов. Так, например, во введении к повести составитель ее обращается к Божией Матери с молитвой, почти дословно совпадающей с текстом тропаря Казанской иконе. «Но Ты Сама содействуй ми, о Преплагословенная Заступнице Усердная, Мати Бога Вышнего, и пишущу ми содействуй: всем бо твориши спастися под державный Твой покров прибегающим»¹⁴. И сказание о явлении Казанской иконы, и служба ей проникнуты глубоким религиозным чувством и вдохновением, которые свидетельствуют о высокой духовной настроенности их автора, его широкой начитанности и выдающемся литературном даровании.

Мы уже видели, что явление Казанской иконы Божией матери было знамением особого благоволения Господа и Его Пречистой Матери к православному населению Казани в дни его глубокой скорби и свидетельством величия и непреходящей силы Православия. Значение новоявленной иконы в духовной жизни русского народа не ограничилось местом и временем ее явления. Менее чем через 50 лет после обретения этой чудотворной иконы, она сделалась общенародной святыней и знамением небесного покрова Божией Матери, явленного всей Русской Церкви и всей нашей стране в дни великих бедствий, которые переживала русская земля в первые десятилетия XVII века.

III

В 1598 году умер царь Феодор Иоаннович. Опустевший с прекращением династии московский престол сделался предметом вождельний для представителей знатных боярских и княжеских родов и безродных авантюристов, вслед за которыми потянулись на Русь жадные полчища иностранных интервентов. Династические смуты и в особенности народные восстания начались еще при Борисе Годунове и получили широкий размах в последующие годы. В 1609 году король Сигизмунд III ввел в Россию войска под командованием гетмана Жолковского. Это была уже открытая интервенция. Несмотря на мужественное сопротивление Смоленска и других русских городов, иноземцы в сентябре 1610 года ввели в Москву свой гарнизон и заключили с боярским правительством соглашение, в силу которого московское правительство призывало на царство польского королевича Владислава, сына Сигизмунда III. В это же время на северо-западе в Россию вторглись шведские войска. Казалось, Русь стояла на краю гибели, от которой уже ничто не могло спасти ее.

В ответ на иностранное вторжение и на измену боярского правительства, которое открыло интервентам ворота московского Кремля, вспыхнула волна народного гнева, поднялись широкие массы русского народа, не пожелавшего терпеть долее захватчиков на русской земле и отдать им на поругание русские святыни. Борьба народа за независимость принимала широкий размах, и в конце 1610 — начале 1611 г. по

¹³ «Сказание о Пресвятейшем Ермогене, Патриархе Московском и всея России, новом исповеднике». Рукопись этого сказания хранится в Государственной библиотеке имени Ленина под № 364.

¹⁴ Повесть, стр. 2.

инициативе посадских и крестьянских миров началось формирование народного ополчения.

Первое ополчение начало собираться в Рязани и Нижнем Новгороде в начале 1611 года. Осенью 1611 года в Нижнем Новгороде началось формирование нового ополчения. Патриотическое движение зародилось в посадской среде; организатором народных масс явился земский староста Кузьма Минин. Командование над войском по его инициативе принял на себя князь Д. М. Пожарский. В феврале 1612 года нижегородское ополчение двинулось к Ярославлю, где простояло до середины лета 1612 года.

Святитель Ермоген был одним из главных вдохновителей первого народного ополчения. На требования поляков и изменников бояр распустиť ополчение он ответил отказом, после чего его объявили лишенным патриаршества и заточили в подземную тюрьму Чудова монастыря. Но Патриарх Ермоген был не только духовным вождем, но и великим молитвенником за русскую землю. В это тяжелое время, горячо молясь усердной Заступнице рода христианского Пресвятой Богородице, великий святитель естественно обращал духовный взор свой к чудотворной иконе Казанской Божией Матери. По распоряжению Патриарха эта святая икона была привезена из Казани стоявшим в то время под Москвой войскам первого народного ополчения, а после смерти Ляпунова и ухода ополчения из Москвы по особому Промыслу Божию не вернулась в Казань, но сделалась путеводительницей и победным стягом нового народного ополчения, возглавляемого Мининым и Пожарским. Путь в Казань лежал в то время через Ярославль, и чудотворная икона была доставлена туда в то время, когда к городу подходило Нижегородское ополчение, готовящееся выступить в поход для освобождения Москвы, и князь Пожарский принял эту святую икону, как благословение на ратный подвиг покойного Патриарха Ермогена, память которого он глубоко чтит.

Перед выступлением ополчения в поход был назначен трехдневный пост, и все воинство обратилось с горячей молитвой к Господу и Его Пречистой Матери о даровании победы над врагом. После этого, предшествуемое чудотворным Казанским образом Божией Матери, народное ополчение двинулось к Москве.

22 октября 1612 года народное воинство приступом взяло Китайгород и подошло к стенам Кремля, неся с собою чудотворную икону Божией Матери, сопутствовавшую воинам в течение всего похода. Святая икона была поставлена на площади, против Никольских ворот Кремля. В ночь на 24 октября находившийся в польском плену в Кремле греческий архиепископ Арсений удостоился явления Преподобного Сергия, который сказал ему: «Встань и иди в сретение православного воинства. Молитвами Пресвятыя Богородицы Господь очищает царствующий град от врагов». 26 октября Кремль был очищен от интервентов.

В следующий воскресный день народное ополчение совершило крестный ход к лобному месту с чудотворной Казанской иконой Божией Матери. Когда это торжественное шествие вышло на Красную площадь, навстречу ему из Кремлевских ворот вышел архиепископ Арсений, сопровождаемый духовенством с чудотворной иконой Владимирской Божией Матери и другими святынями московского Кремля, находившимися до тех пор в плену у интервентов. Потрясенный этой встречей двух чудотворных икон Богоматери, народ со слезами молился Небесной Заступнице. Тысячи верующего народа стремились к лобному месту, чтобы приложиться к стоявшим там чудотворным иконам.

В Русской Церкви было установлено дважды в году совершать празднование в честь Казанской иконы Божией Матери: 8 июля, в день

ее явления, и 22 октября — в память освобождения Москвы от шляхты в 1612 году.

Прошло почти 400 лет со дня чудесного явления иконы Божией Матери в Казани. Много событий произошло с тех пор в истории русского народа; но и ныне, как в дни чудесного явления Казанской иконы, православные русские люди с верою и любовью притекают в молитвах «к тихому сему и доброму пристанищу, готовому и теплomu покрову Девы». И до ныне Матерь Божия источает «неоскудные милости» всем приходящим с верою к Ее чудотворному образу.

В. Введенский,
кандидат богословия

СВЯТОЙ ЕВАНГЕЛИСТ ЛУКА

(ПАМЯТЬ 18/31 ОКТЯБРЯ)

Святой апостол и евангелист Лука — один из четырех евангелистов, от которых до нас дошло повествование о жизни и учении Господа Иисуса Христа. Древнее христианское предание причисляет его к ученикам Господа из числа семидесяти¹. Сохранились данные, что родиной его была знаменитая столица Востока Антиохия², но кто он был по национальности — в точности неизвестно, хотя можно с уверенностью сказать, что св. Лука не был иудей³. Его имя представляло собой сокращенную форму от латинского имени Лукан⁴ или Луциллий. Это позволяет думать, что он был римлянин. Но некоторые на основании того прекрасного греческого языка, каким написано было им Евангелие, полагают, что он был прирожденный грек, хотя и носил латинское имя⁵. Возможно, что, происходя из язычников, он еще до обращения ко Христу принял иудейскую веру, о чем свидетельствует его хорошее знакомство с положением еврейского народа и еврейской религией.

Евангелист Лука несомненно был всесторонне образованным человеком. Язык, на котором он писал свое повествование, как «Евангелие», так и «Деяния апостольские», свидетельствует о его начитанности и знакомстве с классической литературой⁶. Св. апостол Павел называет св. Луку врачом (Колос. 4, 14)⁷. Кроме того, предание сохранило нам сведения, что он был и художник⁸.

Вполне естественно, что пытливый ум св. Луки привел его в Иерусалим, где он окончательно стал последователем религии Единого истинного Бога. В Иерусалиме же он встретил, очевидно, Господа

¹ Об этом упоминают Ориген, св. Ипполит и другие.

² Об этом говорит церковный историк Евсевий (Церковная история, 3, 4), то же подтверждают св. Феофилакт и др.

³ О том, что он не принадлежал к потомкам Авраама, говорит то место из послания к Колоссянам, где ап. Павел перечисляет правоверных обрезанных иудеев отдельно от остальных. В числе последних находился и св. Лука (Колос. 4, 10—15). То, что Лука был из язычников, можно заключать и из того, что он, говоря об иудеях, употребляет выражение: «земля та на отечественном их наречии называлась...» (Деян. 1, 19). Иудей не мог бы так выразиться.

⁴ Сравни также сокращенную форму — *Сила* от полного имени *Силуан*. Ср., например, Деян. 15, 40 и 1 Солун. 1, 1.

⁵ Так, например, как истый грек, св. Лука очень часто употребляет частицу «же» (до 50 раз).

⁶ Вполне возможно, что еще до знакомства с ап. Павлом св. Лука путешествовал по разным странам. В главах 27 и 28 Деяний находится много новых слов, в особенности технических, при описании морского путешествия, окончившегося кораблекрушением (см. «Толковый апостол» арх. Никанора, стр. 15).

⁷ При чтении Евангелия и Деяний видно, что св. Лука, как врач, проявляет медицинские познания (Деян. 3, 7; 9, 18; 12, 23; 28, 8). О том же может говорить и текст Лк. 22, 44. Кроме того, выражение «врач, исцели самого себя» находится только у Луки (4, 23).

⁸ Об этом свидетельствует Никифор Каллист (История Церкви т. II, стр. 14).

Иисуса Христа и стал Его учеником и верным апостолом из числа 70-ти. Именно из Евангелия от Луки мы узнаем, что Господь Иисус Христос через некоторое время после избрания 12 апостолов избрал еще 70 и послал их по два пред лицом Своим (Лк. 10, 1). В числе этих семидесяти, по преданию, был и евангелист Лука⁹.

Служение семидесяти апостолов заключалось преимущественно в проповеди и приготовлении слушателей пред приходом в те или иные местности Самого Господа Иисуса Христа. Посылая их по два, дабы им легче было переносить все невзгоды среди враждебного мира, Господь говорил им: «Жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою. Идите! Я посылаю вас, как агнцев среди волков. Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви, и никого на дороге не приветствуйте¹⁰. В какой дом войдете, сперва говорите: «мир дому сему»... И если придете в какой-то город, и примут вас, ешьте, что вам предложат; и исцеляйте находящихся в нем больных, и говорите им: «приблизилось к вам Царствие Божие»... Слушающий вас Меня слушает, и отвергающийся вас Меня отвергается; а отвергающийся Меня отвергается Пославшего Меня» (Лк. 10, 2—5, 8—9, 16). По возвращении их с проповеди, когда они, радуясь, передавали Господу о результатах своих трудов, Господь сказал им: «Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам. Однакож тому не радуйтесь, что духи вам повинуются; но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк. 10, 19—20). Далее говорится, как Господь, обратившись к ним, сказал им особо: «Блаженны очи, видящие то, что вы видите! Ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали» (Лк. 10, 23—24).

В Евангельских повествованиях ничего более не говорится о деятельности семидесяти апостолов во время земной жизни Иисуса Христа, а поэтому нет сведений и о св. Луке. Зато в Евангелии, дошедшем до нас от самого Луки, есть рассказ о том, как Воскресший Господь в первый же день Своего Воскресения явился Луке и другому ученику Клеопе, когда они, к вечеру того дня, шли из Иерусалима в небольшое селение Эммаус, расположенное недалеко от города. Печален был их путь, печальна была и беседа о всех последних событиях, и вдруг подошел к ним еще один Путник, но глаза их «были удержаны», так что они не узнали Его. И когда Он спросил их, о чем они рассуждают и отчего так печальны, то один из них — Клеопа рассказал Ему о всем происшедшем в Иерусалиме и, наконец, о самом непонятном: некоторые женщины были у гроба Господа, и не нашли Тела Его, но услышали от Ангелов, что Он жив... И когда Клеопа кончил рассказ, то Воскресший сказал им: «О, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?» И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании (Лк. 24, 13—27).

И далее св. Лука подробно рассказывает, как в доме том, куда они вскоре вошли, чтобы разделить трапезу, Христос взял хлеб, благословил, преломил и подал им. И только тогда открылись у них глаза, и они узнали Его, но Он стал невидим для них. И они сказали друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам по дороге

⁹ В нашей богослужебной книге апостольских Деяний обычно перед текстом помещается перечень имен всех семидесяти апостолов. На пятнадцатом месте стоит имя евангелиста Луки.

¹⁰ На древнем Востоке приветствия и обычно следующие за ними долгие беседы на бытовые темы занимали много времени. Поэтому последнее наставление дано ввиду поспешности и в предупреждение, чтобы апостолы не отвлекались этими приветствиями от своей непосредственной задачи.

и когда изъяснял нам Писание. И, вставши, поспешили обратно в Иерусалим и нашли всех апостолов и учеников Христовых, собравшихся вместе вокруг апостола Петра, которому уже явился Воскресший Господь (Лк. 24, 28—34). И когда они делились друг с другом этой великой радостью, то Господь внезапно явился им всем. И как они еще не веровали вполне и были в страхе, то Он показал им раны на руках и ногах Своих и вкусил пищу с ними и сказал, что так надлежало исполниться всему, написанному о Нем в законе Моисеевом и в пророческих книгах и псалмах. И «тогда отверз им ум к уразумению Писаний» (Лк. 24, 45).

Несомненно, что это событие было решающим в жизни св. Луки. Воскресший Христос на пути в Эммаус Сам разъяснил ему, как надо понимать все, что было написано в Священном Писании Ветхого Завета о грядущем Мессии, Сам разъяснил, что именно так, то есть чрез страдания, предсказанные еще Исаией, надлежало Мессии войти в славу Свою. Это явление Христа Воскресшего оставило неизгладимый след в душе св. Луки и явилось как бы призыванием его к написанию Евангелия. Оно же, как мы увидим в дальнейшем, наложило печать на самый характер евангельского повествования от Луки.

Скромный и всегда оставлявший себя в тени, св. Лука ничего не поведал о своей жизни в первые годы после Вознесения Господа. По преданию, он проповедывал христианство в Антиохии. Но мы встречаем его уже спустя длительное время (более чем через двадцать лет) спутником апостола Павла.

Когда великий апостол языков проходил с проповедью во время своего второго апостольского путешествия через города Малой Азии, то на пути своем встретил св. Луку, и с тех пор последний стал не только его личным другом и врачом, но и постоянным спутником¹¹. На эту встречу сам св. Лука с глубокою скромностью указывает неожиданным употреблением местоимения «мы». Поэтому по книге Деяний апостольских, которую церковное предание всегда приписывало евангелисту Луке, можно читать историю жизни ее автора, хотя он редко напоминает о своем присутствии, как бы случайно говоря «мы», вместо безличной формы, более обычной в его рассказах о тех событиях, в которых он был одним из весьма многих, находившихся при ап. Павле¹².

В первых главах книги «Деяний» все события вплоть до прибытия апостола Павла в Троаду (во время его второго путешествия) описываются, так сказать, со стороны. Во всех случаях о всех апостолах и других лицах пишется в третьем лице: «они», но сразу же после отбытия из Троады повествование ведется уже от первого лица. Автор «Деяний» теперь пишет: «мы положили отправиться в Македонию» (Деян. 16, 10); следовательно, с этого момента он является уже не просто повествователем о том, что ему довелось услышать со стороны, но и непосредственным участником всех событий.

Из появления и исчезновения этого первого личного местоимения в последующих главах книги «Деяний» («мы» начинается с Деян. гл. 16, 10; кончается гл. 17, 1; вновь появляется в гл. 20, 5; продолжается

¹¹ «Продолжительность болезни, — пишет Фаррар, — удручавшей ап. Павла в Галатии, быть может, была первой причиной, которая побудила Луку сопровождать апостола и таким образом начать то братское товарищество, которое сделалось одним из величайших благ в удручаемой скорбями жизни апостола» (Фаррар, Жизнь и труды апостола Павла, 1887, СПб., стр. 322).

¹² Составитель «Толкового Апостола» епископ Никанор пишет: «Смиренный Дееписатель не нуждался в выставлении своей личности. Он писал свою книгу для своего знакомого Феофила, а если не для него одного, то, во всяком случае, для ограниченного круга читателей, которые близко знали Дееписателя и его отношения к Павлу. Такие читатели без затруднения могли понять, кто это был «я» (1, 1) и кого он подразумевает под «мы» (16, 10) («Толковый Апостол», стр. 10).

до гл. 21, 18; появляется опять в 27, 1 и продолжается во все время путешествия) легко можно установить, в какие периоды св. Лука находился с апостолом Павлом и когда окончательно присоединился к нему, чтобы уже никогда не разлучаться.

По прибытии в европейские города апостол Павел оставил св. Луку в македонском городе Филиппах. Во время третьего благовестнического путешествия апостол Павел снова прибыл в Македонию. Его сопровождали ученики. Св. Лука пишет в «Деяниях»: «Они, пройдя вперед, ожидали нас в Троаде. А мы после дней опресночных отплыли из Филипп и дней в пять прибыли к ним в Троаду, где пробыли семь дней» (Деян. 20, 5—6). Следовательно, св. Лука становится теперь снова спутником ап. Павла, благодаря чему повествование снова идет от первого лица — «мы».

В конце третьего благовестнического путешествия апостол Павел по пути в Палестину снова прибыл в Филиппы. По его инициативе было решено послать в Коринф апостола Тита за милостыней в пользу бедных христиан Палестины. «С ним [с апостолом Титом], — пишет ап. Павел Коринфским христианам, — послали мы также брата, во всех церквях похваляемого за благовествование, и притом избранного от церквей сопутствовать нам до сего благовествования, которому мы служим во славу Самого Господа и в соответствие вашему усердию» (2 Коринф. 8, 18—19). Это выражение «за благовествование» (по-гречески τῷ εὐαγγελίῳ, в славянском тексте «за евангелие») позволяет думать, что ап. Павел имел здесь в виду именно св. Луку, как автора евангельского повествования.

Вернувшись из Коринфа, св. Лука и апостол Павел отправились в Палестину, посещая по пути церкви, находившиеся на островах Архипелага, по берегам Малой Азии, в Финикии и Иудее.

Теперь он описывает подробности своего совместного путешествия с апостолом Павлом в Иерусалим, рисует трогательное прощание великого апостола с пресвитерами церковными в Милите, описывает, как они вместе вместе приплыли в Патару и, наконец, в Тир. Проведя в Тире семь дней, — пишет апостол Лука, — «мы вышли и пошли, и нас провожали все с женами и детьми даже за город; а на берегу, преклонив колени, помолились. И, простившись друг с другом, мы вошли в корабль, а они возвратились домой» (Деян. 21, 5—6). Теперь они держали путь через Птолемаиду и Кесарию на Иерусалим. «По прибытии в Иерусалим, — продолжает он, — братия радушно приняли нас. На другой день Павел пришел с нами к Иакову; пришли и все пресвитеры...» (Деян. 21, 17—18). Далее идет грустная повесть о всех злоключениях великого апостола в Иерусалиме и в Кесарии, продолжавшихся долгое время. Из книги «Деяний» мы узнаем, что вскоре же по прибытии в Иерусалим апостол Павел был заключен в узы. Но ап. Лука, верный спутник и друг ап. Павла, не покидает его и здесь.

Шли года. Менялись начальники, но неизменными оставались произвол и продажность римских властей в Иудее. Правитель Феликс держал апостола Павла в узах, ожидая, что тот купит себе свободу большой суммой денег. Сменивший его Фест держал апостола в заключении, желая доставить удовольствие иудеям (Деян. 24, 26—27). Наконец, апостол Павел добился разрешения предстать на суд кесаря. Для этого надо было предпринять длительное морское путешествие. Верный Лука снова не покидает апостола Павла и отправляется с ним вместе в Рим. В своей книге «Деяний», которая напоминает здесь путевой дневник, он пишет: «Когда решено было плыть нам в Италию, то отдали Павла и некоторых других узников сотнику Августова полка, именем Юлию. Мы взошли на Адрамитский корабль и отправились, намереваясь плыть около Асийских мест. С нами был Аристарх, Македонянин из Фессалоники» (Деян. 27, 1—2).

Наконец, после ряда тяжелых испытаний на море, путники прибыли в Рим. Здесь апостол Павел должен был предстать на суд Нерона. В ожидании суда ему, как повествует св. Лука, было «позволено жить особо с воином, стерегущим его» (Деян. 28, 16). Последняя запись, сделанная в книге «Деяний», гласит: «И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех, приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно» (Деян. 28, 30—31).

Из Рима апостол Павел написал много посланий основанным им Церквам. В конце послания к Колоссянам он пишет: «Приветствует вас Лука, врач возлюбленный» (Колос. 4, 14). Точно также и в конце послания к Филимону (24) упоминается о приветствии от Луки, наряду с другими.

Возможно, что именно за время своего пребывания в Риме св. Лука закончил евангельское повествование, и написал как со слов ап. Павла, так и по своим свежим впечатлениям книгу «Деяний». Через два года кончилось заключение апостола Павла (первые Римские узы), а в связи с этим кончилось и составление книги «Деяний», которая на этом и обрывается. Что помешало св. Луке продолжать далее повествование о последних годах жизни и деятельности апостола Павла — неизвестно.

Когда апостол Павел вышел на свободу, то снова отправился на дело благовествования. Лука сопутствовал ему. Скоро наступили «вторые узы», на этот раз уже более суровые: апостол Павел снова был заключен в римскую тюрьму. Но св. Лука и теперь не покинул своего любимого учителя и друга, который в своем последнем предсмертном послании к Тимофею писал: «При первом моем ответе никого не было со мною, но все меня оставили» (2 Тим. 4, 16). Но среди этих грустных строк есть одна, самая короткая и красноречивая: «Один Лука со мною» (2 Тим. 4, 10). Всего лишь четыре слова, но как ярко характеризуют они человека. Лука делит с «апостолом языков» его последние предсмертные дни и часы. Как врач, может быть, он утоляет мучительную глазную боль, от которой страдал его друг и учитель. Надо полагать, что св. Лука был свидетелем мученической кончины ап. Павла, а затем ушел проповедывать Евангелие по разным странам (в Македонии и Ахании).

По древнему преданию евангелист Лука был художник. Удовлетворяя благочестивому желанию верующих видеть Лик Матери Спасителя мира, он написал Ее образ. Окончив свой труд, он принес его к Богоматери, и Мать Божия ниспослала за это св. Луке Свое благословение. Предание говорит также, что вслед за этим св. Лука написал и первое изображение апостолов Петра и Павла.

В глубокой старости св. Лука предпринял апостольское путешествие в Египет. Он прошел с проповедью Евангелия всю Ливию, где было много греческих поселений, Фиваиду и некоторое время жил в Александрии. Затем снова возвратился в Грецию, где претерпел мученическую кончину, будучи уже 84 лет. Св. Григорий Богослов сохранил нам предание, что евангелист Лука был приговорен к смертной казни через распятие, но за отсутствием креста был повешен на оливковом дереве. Тело его было погребено в одном из городов Беотии (область в средней Греции). Во второй половине IV века мощи его были перенесены в Константинополь¹³.

* * *

Св. апостол Лука вошел в историю Церкви не только как проповедник Христова учения и спутник апостола Павла, но, главным образом,

¹³ Об этом сообщает бл. Иероним.

как составитель евангельского повествования о жизни и учении Господа Иисуса Христа и как автор книги «Деяний Апостольских». Евангельское благовестие Господа дошло до нас через апостолов. Поэтому евангельское повествование, написанное св. Лукой, называется «Евангелием от Луки» в том смысле, что оно дошло до нас в изложении от Луки (или, что то же, через Луку, или по Луке). Точно также и в книге «Деяний» дается тщательное и подробное описание тех дел, которые совершены были апостолами в первые годы существования Церкви Христовой.

По примеру греческих историков св. Лука пишет краткие предисловия к своим трудам. Так как в «Евангелии» есть упоминание, что оно составлялось «со слов очевидцев» по «тщательному исследовании всего сначала», то на этом основании некоторые толкователи предполагают, что св. Лука не был апостолом Христовым и не был «очевидцем и служителем» Его, каковыми были те люди, со слов которых он составлял свое повествование¹⁴. Однако на самом деле эти слова ничего не говорят против апостольства св. Луки. Ведь избрание семидесяти апостолов было уже в конце земного служения Иисуса Христа¹⁵ и поэтому св. Лука не мог быть очевидцем всего, что видели остальные апостолы из числа двенадцати, которых Господь призвал раньше, или даже не мог видеть того, что видели простые люди до того, как он сам стал учеником Христовым. Кроме того, если он в числе прочих апостолов был посылаем перед лицом Господа (Лк. 10, 1) предуготовлять народ к Его проповеди, то мог ли он быть непосредственным очевидцем всего, что совершил Христос в его отсутствие?

Иоанн был самым ближайшим учеником Господа. Иногда он нарочито подтверждает, что засвидетельствовал факт как очевидец (Иоан. 19, 35). Сообщая о том, что он вместе с другими видел и слышал (1 Иоан. 1, 1—2), он, однако, говорит: «Многое и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (Иоан. 21, 25). Поэтому и сам апостол Иоанн не мог быть непосредственным очевидцем всех дел, совершенных Иисусом Христом.

Если апостол св. Лука был свидетелем лишь части совершенных Господом дел и слушателем лишь части Его речей, то естественно, что прежде чем начать свой труд полного описания всего, что совершил Господь и, желая описать все «по порядку», он предпринимает ряд исследований и, перечитав все, что уже написали многие «о совершенно известных между нами событиях» (Лк. 1, 1), также предпринимает поиски тех лиц, которые были очевидцами и служителями Господа во время Его земной жизни, и расспрашивает их обо всем, что они знают об Иисусе Христе.

Вполне возможно, что Пресвятая Дева Мария могла сообщить св. Луке для его Евангелия многое, как и для «Деяний» (Деян. 1, 14). Апостол Марк-Иоанн мог сообщить ему о некоторых Иерусалимских событиях. Лука был вместе с Марком и в Риме (2 Тим. 4, 11). Многое он мог узнать от диакона Филиппа, например, об избрании семи диаконов, о его сподвижнике Стефане, о деятельности апостола Петра в Кесарии и окрестностях.

Св. Лука указывает, что он не первый начинает описывать жизнь и дела Иисуса Христа и что еще до него описанием евангельских собы-

¹⁴ Мнение о том, что св. Лука не был непосредственным апостолом Господа, разделяется не только рядом неверующих ученых исследователей, но и некоторыми церковными толкователями. См. «Толковую Библию», т. IX, стр. 118.

¹⁵ Господь избрал 70 апостолов уже после Преображения Своего, незадолго до последней Пасхи. Событие Преображения Господня в Евангелии от Луки помещается в 9-й главе, а все остальные 15 глав падают на события после Преображения, тогда как в Евангелии от Матфея, состоящем из 28 глав, о Преображении говорится в 17-й главе.

тий занимались и другие лица — «многие». Вероятно здесь разумеются частные записи евангельских событий и учения Господня, сделанные людьми благонамеренными, но не призванными к апостольскому служению¹⁶.

Может быть, такие записи и делались просто со слов народной молвы, причем без надлежащего разбора, благодаря чему сюда могло попадать что-либо не вполне достоверное. Произведения этих писателей не дошли до нас. В противовес этим повествованиям св. Лука и намеревается писать свое Евангелие «по тщательном исследовании и по порядку».

Далее он говорит об основной мысли и цели своего труда: дать читателю верное средство убедиться в истинности евангельских учений и иметь твердое основание для своей веры. Для этого он желает придерживаться вполне строгого метода изложения евангельских событий: «по тщательном исследовании». Следовательно, все, что узнавал из предания, он проверял показаниями тех лиц, которые были свидетелями евангельских событий. Он ставит конкретную задачу — описание «всего сначала» и для этого начинает свое Евангелие не прямо с выступления Христа на проповедь, а гораздо раньше, с евангельской «предыстории».

Известный отец Церкви св. Ириней Лионский (жил во II веке), говоря о достоинстве Евангелия от Луки, пишет: «Через него (Луку) мы знаем о весьма многом и необходимом в Евангелии, как то: о рождении Иоанна, об истории Захарии, о пришествии Ангела к Марии, о воззвании Елисаветы, о сошествии ангелов к пастухам и словах, ими сказанных, о свидетельстве Анны и Симеона относительно Христа, о том, что Он в двенадцатилетнем возрасте оставался в Иерусалиме, о крещении Иоанна, о числе лет Господа, когда Он крестился, и что (это было) в пятнадцатый год Тиверия Кесаря; и в учении Его о том, что сказано к богатым: «...горе вам, богатые! ибо вы получили свое утешение». И «горе вам, пресыщенные ныне, ибо взалчете, и смеющиеся ныне, ибо восплачете. Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо, ибо так поступали с лжепророками отцы их»¹⁷.

Выражение «по порядку» может означать желание соблюсти как хронологический, так и систематический порядок изложения событий. Евангельское повествование от Луки включает целый ряд притчей, опущенных в Евангелиях от Матфея и Марка. Этою полнотою и обстоятельностью третье Евангелие отличается от написанных раньше него. В результате св. Лука дает нам наиболее полное Евангелие.

Характерной особенностью Евангелия от Луки является то, что оно по своему духу и содержанию написано преимущественно для людей, обращенных из язычников. Это можно объяснить не только тем, что оно адресуется некоему Феофилу, несомненно бывшему язычнику, но главным образом тем, что св. Лука сам был из числа обращенных. Кроме того, большое влияние на составление евангельского повествования должна была оказать и близость св. Луки к апостолу Павлу.

Может быть, потому св. Лука и сопутствовал великому «апостолу языков», что вся деятельность его была направлена на проповедь христианства среди язычников. Через все Евангелие от Луки, как через все послания ап. Павла, красной нитью проходит та мысль, что спасение во Христе предназначено не для иудеев только, но и для язычников. Родословие Иисуса Христа св. Лука доводит не до Авраама, как Матфей, но до Адама и даже до Самого Бога (Лк. 3, 23—38), по-

¹⁶ Некоторые толкователи полагают, что св. Лука здесь мог иметь в виду и вполне достоверное, но отличающееся большой сжатостью и краткостью Евангелие от Марка, которое начинается прямо с проповеди покаяния (см. «Толковая Библия», т. IX, стр. 115).

¹⁷ Соч. св. Ириней, епископа Лионского, изд. прот. П. Преображенским, СПб., 1900, стр. 270—271.

казывая этим, что Иисус Христос есть Спаситель всех людей, ибо все они произошли, вместе с Христом, от Адама и имеют одного Отца — Бога. У одного св. Луки сохраниены слова Иисуса Христа о послании пророка Илии ко вдове сарептской — язычнице, а не к какой-либо из вдов иудейских, и об очищении пророком Елисеем прокаженного язычника Неемана (Лк. 4, 25—27); у него одного есть рассказ об исцеленных Иисусом Христом десяти прокаженных мужах, из которых остался благодарным один только самарянин (Лк. 17, 11—19). Лишь из Евангелия от Луки мы узнаем, что Господь, на вопрос «кто мой ближний?» отвечает притчею о милосердном самарянине (Лк. 10, 29—37).

Во всех посланиях апостола Павла проводится та мысль, что человек оправдывается не делами закона, а благодатию на основании веры во Иисуса Христа. Та же мысль ясно выражается и в Евангелии от Луки. Только в этом Евангелии мы находим такие притчи как: о блудном сыне (Лк. 15, 11—32), о мытаре и фарисее (Лк. 18, 10—14) и рассказ об обращении Закхея (Лк. 19, 1—10). Об установлении таинства Евхаристии в Евангелии от Луки (22, 17—20) говорится почти дословно так же как и в повествовании об этом у ап. Павла (1 Коринф. 11, 23—25). Можно отметить и то, что только у евангелиста Луки (24, 34) и апостола Павла (1 Коринф. 15, 5) упоминается о явлении Воскресшего Господа Симону Петру. Ориген говорит, что «третье Евангелие Луки было одобрено Павлом».

Здесь надо снова вспомнить о явлении Воскресшего Господа св. Луке на пути в Эммаус. Тогда Господь Сам раскрыл ему и Клеопе смысл и значение древних писаний, Сам разъяснил, что именно так, то есть через страдания надлежало Ему войти в славу Свою. Это наложило неизгладимую печать на все написанное Лукою Евангелие: в нем предстоит Христос, прежде всего, как Жертва, приносимая Богу за грехи мира.

Св. Иринеи Лионский, говоря о характерных особенностях всех четырех Евангелий и сопоставляя их с ликами Херувимов в видении пророка Иезекииля, разъясняет, что образ тельца в этом видении предвещивал священнодейственное и священническое достоинство Иисуса Христа, и добавляет: «Евангелие Луки, нося на себе священнический характер, начинается со священника Захарии, приносящего жертву Богу. Ибо уже готов был телец упитанный, которому предстояло быть закланным ради обращения младшего сына» (т. е. человечества)¹⁸. На основании этого в церковной иконографии св. Лука изображается с тельцом¹⁹.

Св. Лука написал не только «Евангелие», то есть повествование о земной жизни и учении Господа, но и книгу «Деяний Апостольских», рассказывающую о первых днях и годах жизни Христианской Церкви после Вознесения Господа Иисуса Христа²⁰. Материалом для содержания книги «Деяний» были изустные рассказы очевидцев, апостолов и соучастников по проповеди, с которыми св. Лука был более или менее в близких отношениях и, наконец, события его личной жизни за время пребывания его с апостолом Павлом. Здесь излагаются обстоятельства, пережитые и прочувствованные самим евангелистом. Блаженный Иероним говорит, что св. Лука написал Евангелие, главным образом, как слышал, а Деяния, как видел. Характерным для обеих этих

¹⁸ Соч. св. Иринея, епископа Лионского. Книга III, глава XI. СПб., 1900, стр. 249.

¹⁹ Можно с этим сличить и учение апостола Павла о жертвенных животных (в частности — тельце), как о прообразах Иисуса Христа. (Ср. Евр. 13, 11 и далее, а также кн. Левит, гл. 16).

²⁰ Книга «Деяний» обнимает собой период около 30 лет.

книг является начало и конец каждой. И та и другая начинаются с посвящения какому-то хорошо знакомому Феофилу. Евангельское повествование кончается событием Вознесения Господня. Этим же событием начинается книга «Деяний» и, таким образом, служит как бы второй частью одного целого произведения. Это уже явно говорит о принадлежности обеих книг одному и тому же автору.

Сопоставляя начало Евангелия от Луки и начало книги «Деяний», св. Иоанн Златоуст говорит: «очевидно, что тот самый Лука, который написал Евангелие, составил и «Деяния». Первое мое сочинение, — говорит он, — содержит деяние и учение Господа; и достигает эта первая книга до Его Вознесения. А ни Матфей совершенно, ни Марк (разве только отчасти), ни Иоанн не довели Евангелия вполне до Вознесения; но только один Лука»²¹.

Помимо этого, за принадлежность обеих книг одному и тому же автору говорит форма и обороты речи и другие особенности языка, одинаково характерные для обоих произведений²².

Известный писатель II века Тертуллиан, восторженно отзываясь о книге «Деяний», пишет: «В ней встречаются повсюду: темницы, цепи, бичи, каменя, мечи, иудеи, наносящие оскорбления, приходящие в ярость народы, допрашивающие цари, позорящие трибуны, произносящие суд проконсулы и гремящее имя Цезаря...»²³.

О важности для христиан книги «Деяний» св. Иоанн Златоуст говорит: «Эта книга может принести нам пользы не менее самого Евангелия, такого она исполнена любомудрия, такой чистоты догматов и такого обилия чудес, в особенности совершенных Духом Святым! Здесь можно видеть исполнение на деле тех пророчеств, которые Христос возвещает в Евангелиях, истину, сияющую в самих событиях, и великую в учениках перемену к лучшему, совершенную в них Духом Святым»²⁴.

*
* *

Неоценима для Церкви заслуга святого Луки как составителя книги о жизни и учении Господа Иисуса Христа, именуемой вкратце «Евангелие от Луки», и другой книги — «Деяний Апостольских». С самых первых дней существования Церкви Христовой обе эти книги остаются основными источниками вероучения и с благоговением читаются за богослужениями. Поэтому Церковь свято чтит память евангелиста Луки как истинного апостола Христова, верного спутника апостола Павла, скромного и честного труженика на ниве Христовой, собравшего все, что он знал и слышал о Господе Иисусе Христе в свое евангельское повествование, и записавшего все, что он сам видел, в книгу «Деяний».

Память св. апостола и евангелиста Луки празднуется Церковью 18 октября, 22 апреля и вместе с прочими 70-ю апостолами 4 января. В церковных песнопениях он прославляется, как «Апостольских деяний сказатель и евангелия Христова светлый учитель» (тропарь), а также — «истинного благочестия проповедник и с Павлом мудрым языков учитель» (кондак).

Н. Иванов,
кандидат богословия

²¹ Иоанн Златоуст, Творения, т. III, стр. 834.

²² Епископ Никанор в своем «Толковом Апостоле» приводит характерные слова, общие как для Евангелия от Луки, так и для книги «Деяний». См. «Толковый Апостол», стр. 14.

²³ Тертуллиан, «Скорпиак».

²⁴ Иоанн Златоуст, Творения, т. IX, стр. 5—6.

ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО В ЭПОХУ СВ. КОНСТАНТИНА

В IV веке, в царствование св. императора Константина, в жизни Церкви наступил новый период. Она вышла из своего вынужденного затвора и широко раскрыла двери окружающему ее античному миру. Большой наплыв новообращенных потребовал новых, более обширных храмов и соответствующего изменения характера проповеди. Символы первых веков, бывшие достоянием небольшого количества посвященных, для которых их содержание и смысл были ясны и понятны, стали менее понятны для этих новообращенных. Поэтому для более доступного усвоения ими учения Церкви появилась потребность более конкретного и ясного образного выражения. В связи с этим в IV и V веках появляются большие монументальные росписи, целые исторические циклы, представляющие события Ветхого и Нового Завета. Так, например, уже в царствование св. Константина Латеранская базилика в Риме была расписана фресками, изображающими священную историю, начиная с падения Адама и кончая входом в рай благоразумного разбойника.

В эту же эпоху устанавливается большинство главных церковных праздников и в основных чертах соответствующих им композиций икон, которые в Православной Церкви существуют и поныне. Известно, что св. Константин построил много храмов в Палестине, на местах главных евангельских событий: храм-ротонду над Гробом Господним; базилики и другие храмы на месте, где св. Елена обрела Крест Христов, на Масличной Горе, на месте Вознесения, на Сионе, в Вифлееме над вертепом, в котором родился Спаситель, в Назарете на месте Благовещения и, наконец, на берегу Иордана, в месте, где совершилось Крещение Господне. Все эти храмы украшены мозаиками, одни из которых восходят ко времени св. Константина, другие — к более позднему. Во всяком случае к VI веку их серии были закончены, и мы находим их воспроизведения на знаменитых ампулах Монцы. Ампулы эти — серебряные сосудики с изображением евангельских событий — были подарены предположительно в 600 году Теоделинде, королеве Ломбардов, и хранятся в настоящее время в соборе города Монцы, недалеко от Милана. Они представляют для нас весьма большую ценность как своего рода документ. Ученые считают, что изображенные на них сцены воспроизводят мозаики палестинских храмов. Сами же ампулы восходят ко времени между IV и VI веками. Таким образом, по изображениям на них мы можем судить об иконографии некоторых из двенадцатых праздников. Кроме того, эти ампулы подтверждают древность нашей иконографии праздников, так как некоторые из изображенных на них сцен представляют собою как раз ту, уже вполне сложившуюся иконографию, которую мы видим на наших современных иконах. На одной из этих ампул, например, имеется семь изображений: Благовещение, посещение Божией Матерью Елизаветы, Рождество Христово, Крещение, Распятие, Жены Мироносицы у Гроба и Вознесение.

Изменения, происшедшие в жизни Церкви в IV веке, были чрезвычайно серьезны. Это было время великого ее торжества, но вместе с тем и время великих искушений и испытаний. Мир, входивший в Церковь, вносил с собою свое беспокойство и свои сомнения, которые Церкви предстояло преодолеть и умирить. Это новое соотношение между Церковью и миром отмечено как распространением ересей, так и расцветом христианской духовной жизни. Если до тех пор столпами Церкви были главным образом мученики, то теперь ими являются по преимуществу отцы и учителя Церкви и подвижники-монахи, преподобные. Это эпоха великих святых, таких, как свв. Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Григорий

Нисский, Антоний Великий, Макарий Египетский, Марк, Исаия и другие. Римская империя становится христианской, мир понемногу воцерковляется, но именно из этого воцерковляющегося мира, из этой христианской империи подвижники и бегут в пустыню. Они бегут не потому, чтобы жизнь в пустыне была легче, и не для того, чтобы избежать трудностей мирской жизни, а, наоборот, уходят от благополучия, покидают мир, который считает себя уже не противоречащим более христианству. К концу IV века вся египетская пустыня покрывается монастырями, и количество монахов исчисляется тысячами. Туда стекаются подвижники отовсюду — как с Востока, так и с Запада. Опыт святых подвижников и их писания распространяются по всему христианскому миру.

Именно с этого времени богословие, как теоретическое, так и опытно переживаемое, то есть учение Церкви и живой опыт подвижников, становятся тем источником, который питает церковное искусство, направляет и вдохновляет его. Искусство это встает перед необходимостью, с одной стороны, передавать истины, которые в это время получают догматическую формулировку, с другой стороны, передавать и опытное, конкретное переживание этих истин, то есть духовный опыт подвижников, живое христианство, где догмат и жизнь являются выражением один другого. Все это нужно было передавать уже не немногим и малочисленным общинам, а огромной массе верующих. Отцы этого периода придают большое значение воспитательной роли искусства. В IV веке, в век расцвета богословской мысли, многие великие отцы Церкви, как, например, свв. Василий Великий, Григорий Богослов (в Слове о Сыне), Иоанн Златоуст (3-е Слово на послание к Колоссянам), Григорий Нисский (Слово о Божестве Сына и Св. Духа и Слово о св. вмч. Феодоре) и другие (как, например, св. Кирилл Александрийский в Слове императору Феодосию), в своей аргументации ссылаются на изображения, как на нечто очень важное и имеющее большое значение. Св. Василий Великий, например, видит в образе более убедительной силы, чем в своих собственных словах. Так, беседу в день св. мч. Варлаама св. Василий кончает обращением к живописцам, потому что, как он выражается, не хочет более унижать великого мученика своими словами и уступает место языку более высокому, «велегласнейшим трубам учителей»: «Восстаньте теперь передо мною вы, славные живописатели подвижнических заслуг. Добавьте своим искусством это неполное изображение военачальника. Цветами вашей мудрости осветите неясно представленного мною венценосца. Пусть буду побежден вашим живописанием доблестных дел мученика: рад буду признать над собою и ныне подобную победу вашей крепости. Посмотрю на эту точнее изображенную вами борьбу руки с огнем. Посмотрю на этого борца, живее изображенного на вашей картине. Да плачут демоны, и ныне поражаемые у вас доблестями мученика. Опять да будет показана им палимая и побеждающая рука. Да будет изображен на картине и Подвигоположник в борьбах, Христос, Которому слава во веки веков. Аминь»¹.

Св. Григорий Нисский в похвальном слове св. вмч. Феодору говорит, что «живописец... изобразив на иконе доблестные подвиги мученика... начертание человеческого образа Подвигоположника Христа, все это искусно начертав нам красками, как бы в какой объяснительной книге, ясно рассказал подвиги мученика... Ибо и живописец молча умеет говорить на стенах и доставлять величайшую пользу»².

Из западных авторов особенно много писал об изображениях св. Павлин, епископ Ноланский (родился около 353 г., умер около

¹ Беседа 17-я. «Творения», ч. 4-я, стр. 258, Сергиев Посад, 1892.

² «Творения», ч. 8-я, стр. 202, М., 1871.

431 г.). Построив несколько церквей, он велел расписать их священными изображениями и подробно описывает эти росписи в своих посланиях и стихотворениях. Будучи опытным пастырем, св. Павлин видел, что изображения гораздо больше, чем книги, привлекают внимание верующих, особенно же оглашенных и новокрещенных. Поэтому он прилагал все усилия к тому, чтобы в храмах было много изображений³.

К началу V века относится очень характерное свидетельство одного из величайших древних подвижников, св. Нила Синайского (умер в 430 или 450 г.), ученика св. Иоанна Златоуста. Некий префект Олимпиодор, построив церковь, хотел изобразить на стенах средней ее части с одной стороны землю и на ней сцену охоты с множеством зверей, с другой стороны — море и сцену рыбной ловли, заботясь главным образом, как он говорит, о чисто зрительном наслаждении. По этому поводу Олимпиодор спрашивает совета св. Нила. Отвечая ему, св. Нил называет его намерение «детским» и дает указание: «Пусть рука превосходнейшего живописца наполнит храм с обеих сторон изображениями Ветхого и Нового Завета, дабы те, кто не знает грамоты и не может читать божественных писаний, рассматривая живописные изображения, приводили себе на память мужественные подвиги искренне послуживших Богу и возбуждались к соревнованию достославным и приснопамятным доблестям, по которым землю обменяли на небо, предпочтя невидимое видимому»⁴.

Как мы видим, свв. отцы оценивают церковное искусство не с точки зрения его художественной или эстетической ценности, а как элемент проповеди, имеющий притом большую силу убедительности. Не вызывает сомнений вполне определенный богословский и богослужебный характер росписей катакомб, как, например, в сериях изображений, которыми расписана часовня в катакомбе св. Каллиста, составляющих подлинное исповедание христианской веры. Этот догматический характер присущ церковному искусству во все времена. Но уже с IV века мы видим примеры того, как Церковь не только учит при помощи образа, но и борется образом с ересями. В борьбе с ересями и вообще в борьбе за чистоту церковной жизни и учения Церковь на Лаодикийском Соборе (около 343 г.) подтверждает апостольское 85-е правило о священных книгах и полагает предел импровизации в богослужении (правила 59-е и 60-е), благодаря которой в него могли проникать лжеучения. Понятно, что она становится более требовательной и в отношении изобразительного искусства. На лжеучения она отвечает не только святоотеческим учением, не только духовным опытом великих подвижников, но и богослужением и образом. В образе то отдельные детали иконографии, то целые ансамбли, циклы стенной росписи противопоставляют заблуждениям здоровое учение Церкви. Так, в ответ на ересь Ария, учившего, что Иисус Христос был не Богом, а тварью, по сторонам символа или образа Спасителя помещаются буквы альфа и омега в соответствии со словами Апокалипсиса: «Я есмь альфа и омега, начало и конец, Первый и Последний» (Откр. 22, 13), как указание на Божество Иисуса Христа и Его единосушие Богу Отцу.

В 431 году на Эфесском Соборе был осужден Несторий, не признававший соединения природы божественной и природы человеческой в лице Иисуса Христа и отрицавший поэтому Богоматеринство Девы Марии, называя Ее не Богоматерью, а Матерью человека Иисуса, или Матерью Христовой. Эфесский Собор осудил Нестория и провозгласил Деву Марию Богородицей. Сразу после этого появляются и распространяются особенно торжественные изображения Богоматери на троне

³ Посл. XXXII к Северу, Патрол. Лат., 61, кол. 339.

⁴ Патрол. Гр., 79, кол. 577.

с Богомладенцем на коленях и окруженной ангелами. В храме св. Марии Великой в Риме целый цикл мозаичных изображений посвящен борьбе с несторианством. В них особенно подчеркнута Божество Младенца и достоинство Богоматери. Росписи VI и VII веков в соборе св. Софии и храме свв. Апостолов в Константинополе также отражали борьбу Церкви против несторианства.

Выработка образного языка Церкви, наиболее адекватных форм церковного изобразительного искусства, выпала на долю Константинопольской Церкви. Новая столица империи не знала культа идолов. С другой стороны, ее географическое положение на стыке Европы и Азии позволяло ей использовать богатство достижений их культур. В области искусства она унаследовала уже выработанную иконографию, охватывающую Ветхий и Новый Завет, усовершенствованную фресковую, мозаичную и энкаустическую технику, богатую орнаментику, утонченную цветовую гамму, развитую систему монументальной росписи.

В выработке своего образного языка Церковь принимала и формы, и символы, и даже мифы античного мира, то есть способы выражения языческие. Однако, принимая их, воцерковляя, она очищает их, наполняет новым содержанием.

Из окружающего мира христианство принимает все то, что может служить ему средством выражения. Так, свв. отцы использовали в своем богословии весь аппарат античной философии. Также и христианское искусство унаследовало все лучшие традиции античного мира: оно впитало в себя элементы искусства греческого, египетского, сирийского, римского, воцерковило все это сложное и богатое наследие, привлекло его к делу выражения полноты Откровения, изменяя его в соответствии с требованиями христианского учения. Христианство берет из языческого мира все то, что можно назвать «христианством до Христа», то есть объединяет рассеянные в дохристианском мире частицы истины и приобщает их к полноте Откровения.

Напомним, что само название Церкви *ἐκκλησία*, по словам свв. отцов, происходит от того, что она вызывает из мира и объединяет в богообщении. Греческое слово *ἐκκλησία* происходит от глагола *καλέω* — звать, или, точнее, от *ἐκκαλέω* — вызывать. Люди, вызванные Церковью из мира, несут в нее свою культуру, свои национальные черты, свое искусство. Из всего этого Церковь избирает все то, что наиболее чисто, наиболее подлинно, наиболее выразительно, и как бы сплавляет все это в едином, общем для всех образном языке. Для иллюстрации этого процесса характерна евхаристическая молитва древних христиан: «как этот хлеб был рассеян по холмам и, будучи собран, стал единым, так да будет собрана Церковь Твоя от концов земли в Твое Царство». Этот процесс собирания есть не влияние языческого мира в христианство, а, наоборот, влияние в христианство того из языческого мира, чему было свойственно вливаться, не проникновение в Церковь языческих обычаев, а их воцерковление, не паганизация христианского искусства, как это принято часто утверждать, а христианизация искусства языческого.

Считается, что в эту эпоху было два основных течения, сыгравших главную роль в формации церковного искусства: течение эллинистическое, представлявшее в христианском искусстве греческий античный дух, и течение сиро-палестинское. Использование Церковью обоих этих течений, сильно разнившихся между собой, показательно для того процесса собирания, вернее, отбора, при помощи которого Церковь вырабатывала наиболее адекватные формы своего искусства. Эллинистическое течение было характерно для греческих городов, особенно Александрии, и представляло собою наследие античной красоты, гармонии, чувства меры, грации, ритма, изящества... Искусство иеруса-

лимское и сирийское было носителем исторического реализма, иногда натуралистического и грубоватого. От каждой из этих форм искусства Церковь взяла то, что было в них наиболее истинного, подлинного. Так, она отбрасывает грубоватый натурализм сирийского искусства, но сохраняет реалистическую, правдивую его иконографию, созданную в тех самых местах, где происходили события евангельской истории. В эллинистическом же искусстве она, наоборот, отбрасывает его идеалистическую иконографию, но сохраняет гармоническую красоту, ритм, изящество, некоторые художественные приемы, как, например, обратную перспективу. Так, в образе Господа нашего Иисуса Христа Церковь отбрасывает эллинистическую иконографию, представляющую Его в виде молодого бога типа Аполлона, изящного безбородого юноши. Этот образ был лишен величия и не соответствовал исторической правде. Она принимает палестинскую иконографию: реалистический, портретный и в то же время величественный тип зрелого мужа с темной бородой и длинными волосами. Что касается образа Богоматери, то в эллинистическом искусстве Она изображалась одетой так, как одевались римские и александрийские дамы: в тунике, прическе и даже иногда с серьгами и драгоценностями. В иерусалимском же искусстве Она представлялась одетой, как обычно одевались сирийские женщины, то есть в мафории, покрывавшем волосы и спадавшем до колен, так же, как мы теперь изображаем Ее на наших иконах. В свое искусство Церковь принимает и ритмический, часто симметричный восточный орнамент и другие элементы различных искусств, которые скрещиваются в Константинополе. Из всех этих очень разнообразных элементов Константинопольская Церковь создает искусство, которое уже в эпоху Юстиниана, то есть в VI веке, представляет собой сформировавшийся художественный язык.

Итак, восприятие Церковью различных элементов из окружающего мира и приобщение их к полноте Откровения распространяется и на художественное творчество, в том числе на изобразительное искусство.

* *

До сих пор целью нашей было показать, какое место занимало искусство Церкви первых веков, и подчеркнуть, что священный образ не появился случайно и не явился позднейшим добавлением к жизни Церкви.

Существование священного образа, по учению Церкви, восходит к самым истокам христианства и является частью Откровенной истины. Своим основанием он имеет Личность Богочеловека Иисуса Христа.

Но почему же в первые века христианства, несмотря на существование прямых изображений, было большое количество символов?

Как мы видели, христиане вынуждены были скрывать в символах истины своего учения от враждебного им мира. Безусловно, играл роль и ветхозаветный запрет. Его смысл с трудом осознавался. Церковь всегда снисходит к человеческой слабости: для того, чтобы понемногу подготовить людей к непостижимой тайне Боговоплощения, она сначала обращалась к ним на языке, более для них приемлемом, чем прямой образ. Это была, по выражению св. ап. Павла, «молочная пища», свойственная детскому возрасту. В качестве примера приведем изображение Распятия. На одной из ампул Монцы мы видим Распятие; разбойники распяты на крестах, но Спаситель изображен по грудь над крестом. Имеются также изображения Распятия, где Спаситель заменен символическим агнцем. Причина этого понятна: казнь через распятие, которая существовала вплоть до царствования св. Констан-

тина, была канью самой позорной, самой унижительной. Люди смущались образом распятого Бога. Часто приходится читать, что Распятие начали изображать по-настоящему только в VI веке. Это не совсем так. Верно то, что с VI века образ Распятия получил широкое распространение. Но до нас дошли Распятия, восходящие ко времени между I и III веками. Однако они, по-видимому, имелись лишь в малом количестве, и притом на предметах чисто личного характера, и небольших размеров, например, на маленьких медальонах из драгоценных и полудрагоценных камней, которые христиане носили на себе (например, корналин II века, найденный в Констанце в Румынии). Это показывает, что с самого начала изображение Распятого для христиан не было соблазном. Этот пример очень характерен.

Но то же самое, может быть, в меньшей мере относится и к другим иконам. Христиане с самого начала имели все то, что имеем мы теперь. И первый образ Спасителя, и образы Божией Матери, написанные, по преданию, св. евангелистом Лукой, были подлинными иконами, то есть изображениями, отличными по своему содержанию, а следовательно, и по форме от обычных светских изображений. Но эта иконность очень медленно и с большим трудом усваивалась человеческим сознанием в искусстве. Только время и нужды различных исторических эпох выявили постепенно этот священный характер, эту иконность образа, очистили его от всевозможных чуждых ему элементов, затемнявших его содержание.

Такое очевидное противоречие ветхозаветному закону не было уступкой язычеству, принятием его искусства; оно было выявлением, выражением христианского вероучения, новой, неподзаконной жизни. Неизвестный апологет II или III века, написавший послание некоему Диогнету, описывая христиан, говорит, что они живут хотя и **во плоти**, но не **по плоти**. Слова эти выражают самый принцип христианской жизни, причем почти в тех же выражениях, что и у ап. Павла в его послании к Римлянам: «Итак, братия, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти» (8, 12). Но мир, окружавший Церковь, именно и жил **по плоти**, то есть следуя принципу, прямо противоположному христианскому спасению. Этот принцип торжествующей плоти был выражен с непревзойденным совершенством в языческом искусстве, — том античном искусстве, красота которого и до наших дней сохранила свою притягательную, чарующую силу. Естественно, что христианское искусство должно было быть таким искусством, которое выражало бы специфический, христианский, жизненный принцип и образ жизни, противопоставляя его принципу и образу жизни язычества. Того требовал самый смысл христианства.

В области духовной Церковь стремилась к тому, чтобы ее искусство воспитывало верующих в том же направлении, что и богослужение, то есть передавало им ее учение и освящало их присутствием благодати Духа Святого. Другими словами, нужно было такое искусство, которое отражало бы на земле Царствие небесное и сопровождало бы верующих в их жизни как частица Церкви в миру. Нужен был образ, который нес бы в мир и проповедь и реальное присутствие освящающей этот мир благодати. Такой художественный образ и былработан Константинопольской Церковью, которая в это время была главной ареной борьбы за Православие. Уже в VI веке это искусство в основных своих чертах сформировалось. Это начало того, что впоследствии было названо «византийским искусством», или «византийским стилем». Термин этот часто произвольно применяется к церковному искусству и всех других православных народов.

Л. Успенский

В текущем году исполняется 850 лет со дня появления в свет замечательного памятника древнерусской литературы — «Паломника игумена Даниила», широко известного под названием «Хождение игумена Даниила», или «Путешествие во Святую Землю игумена Даниила».

Не только весьма почтенная юбилейная дата вызывает интерес к этому произведению нашей древней письменности и не только его содержание, но и та географическая и этнографическая среда, которая затрагивается в этом произведении. «Паломник» повествует о путешествии «игумена земли русской» на Ближний Восток. Из записок «Паломника» Даниила, который побывал в арабском мире еще в самом начале XII века, а также и из ряда других «хождений» древние россияне узнавали об арабском и других народах, населявших страны Ближнего Востока.

В окружении стран Арабского Востока находится Святая Земля — Палестина и святой град Иерусалим. В этом городе и его окрестностях сосредоточены древнейшие христианские святыни. Здесь Господь наш Иисус Христос совершил ради нас Свой искупительный подвиг и основал Свою Церковь.

Не удивительно, что с первых же веков христианства Иерусалим и Палестина стали центром духовного притяжения для всех христиан, что нашло свое конкретное выражение в паломничестве христиан к этим святым местам. Для русских паломников, кроме Палестины, священными местами были также город Константинополь и гора Афон, расположенные на пути из Руси в Иерусалим и Палестину.

Есть известие, что еще равноапостольный князь Владимир отправил (в 1001 г.) послов в Египет, в Иерусалим и другие страны, чтобы они на месте увидели жизнь богоугодных людей¹. При князе Ярославле Мудром Антоний, будущий основатель Киево-Печерской обители, отправляется на Афон для прохождения школы иноческого подвижничества. При князе Изяславе в Иерусалим и Константинополь путешествует подвижник киево-печерский Варлаам (в 1062 г.). В княжение Святополка Изяславича посещает Святую Землю и наш игумен Даниил (в 1106—1108 гг.). К этому времени паломничество по святым местам приобретает уже массовый и организованный характер. В это время «мы встречаем известия о страсти к паломничеству между русскими людьми»². Толпы благочестивых паломников отправлялись туда, чтобы, по словам былины, «Святой святыне помолитися, Господню гробу приложитися, во Ердань реке искупатися».

Паломники, называвшиеся также «каликами», «странниками», группировались около храмов, пустынь, монастырей, чтобы отсюда отправиться в далекий путь. «А из пустыни было Ефимовой, из монастыря из Боголюбова начинали калики наряжаться ко святому граду Ерусалиму собираться»³.

По церковному уставу Ярослава паломники считались в числе «церковных людей»⁴. На них смотрели, как на людей «избранных»⁵, а на путешествия по святым местам — как «на самый важный способ богоугождения»⁶. Более грамотные из них составляли записки, пове-

¹ Иконников, Паломничество. Взято из «Сокращенной истор. хрестоматии» В. Покровского, изд. 1896, ч. 1-я, стр. 399.

² С. М. Соловьев, История России с древних времен, т. 3-й, гл. 1-я, стр. 762.

³ Былины о Василии Буслаеве и о «Сорока каликах со каликою».

⁴ Терновский, Паломничество и крестовые походы. Из «Сокращенной истор. хрестоматии» В. Покровского, ч. 1-я, стр. 406.

⁵ Н. С. Тихонравов, Древняя русская литер., т. I, стр. 324—332.

⁶ И. Порфирьев, История древней русск. словесн., изд. 1882, стр. 215.

ствования о своем паломничестве под заглавием: «Хождение», «Странник», «Паломник» и пр. Наиболее «знаменитым»⁷, «классическим»⁸ описанием путешествия по святым местам и был «Паломник» Даниила Мниха.

*
* *
*

Ученые-исследователи свидетельствуют об очень большой распространенности и популярности среди русского народа этого древнего памятника русской письменности. Об этом говорит огромное количество сохранившихся рукописных списков его. Всего дошло до нас около 100 списков, относящихся ко времени от XV до XIX века⁹. Популярность «Паломника» обуславливалась не только религиозно-духовными интересами читателя, его потребностями в назидательном чтении, но и глубоко познавательным значением этого исторического документа. Он открывал для наших предков доселе неведомый мир, те далекие страны, о которых они слышали до этого почти одни лишь устные рассказы от паломников, «из которых одни говорили об одном, другие — о другом, а третьи — Бог знает о чем»¹⁰.

Не то представлял собой «Паломник». Более двух лет исследовал и изучал Палестину его автор. Из этих двух лет наибольшее время (16 месяцев) пало на Иерусалим и его ближайшие окрестности. Игумен был не одинок в этом знакомстве со святой землей. С ним была его «дружина», состоящая из киевлян, новгородцев и других сородичей¹¹. Им помогали участники других паломнических дружин, а также жители Палестины, представители местной светской и духовной власти. Особенную же помощь оказал игумену Даниилу старец-монах, знаток палестинских достопримечательностей, проживший 30 лет в Галилее, а потом 20 лет в лавре св. Саввы близ Иерусалима. С ним наш игумен постоянно беседовал¹², обогащаясь полезными сведениями, советами, указаниями. «Он (старец) хорошо указал мне св. места по всей той земле», — говорит о нем наш игумен.

Сам Даниил владел такими личными качествами, которые помогали ему успешно справиться со взятой им на себя сложной задачей. Это был образованный по тому времени человек¹³. Он знал не только

⁷ А. Н. Пыпин, История русской литерат., изд. 1911, т. I, стр. 360.

⁸ М. Сперанский, История древней русск. литерат., изд. 1914, стр. 255.

⁹ Списки «Паломника» дошли до нас в двух редакциях — в краткой, или ранней, и распространенной, с подновлениями и изменениями в языке и слоге. Лучшее издание «Паломника» находится в вып. III и IX тома I-го «Православного палестинского сборника». СПб., 1885. Основная литература об этом памятнике указана в книге Н. К. Гудзия, «История древней русской литер.», изд. 6-е, 1956, стр. 3, а также научно-популярные статьи в «Сокращенной истор. хрестоматии» В. Покровского, ч. 1-я, стр. 395—405. При изложении содержания этого памятника мы пользовались полным текстом «Паломника», изданного Археографической комиссией под редакцией В. Геннинга, СПб., 1891. Содержание «Паломника» состоит из предисловия (1—3 стр.), 23 глав (3—66 стр.) и заключения (стр. 67). В предисловии автор говорит о побуждениях к путешествию в Палестину и о задаче, которую ставил перед собой при его описании. Обо всем этом уже было сказано выше.

¹⁰ Е. Голубинский, Путешествие игумена Даниила. Взято из «Сокращенной истор. хрестоматии» В. Покровского, стр. 396.

¹¹ Трудно определить число членов этой дружины. Вероятно, оно постоянно менялось: одни отставали из-за длительности пребывания игумена в Палестине, другие присоединялись, особенно из вновь прибывших сородичей. Дружина в «Паломнике» называется то «большой», то «своей». В г. Назарете она была в составе всего 8 человек. В XXII главе четверо из дружины называются по имени, а были и «ини мнози». Можно предполагать, что дружина была в составе от 20 до 50 человек.

¹² Беседовал потому, что жил в этой лавре со своей дружиной и сдружился с ним. Старец по любви к нашему игумену и явился «вожем», руководителем его по изучению Палестины.

¹³ В. П. Геннинг, Предисловие к «Паломнику», изданному Археографической комиссией, стр. 7.

Ветхий и Новый Завет и жития святых, но и апокрифическую литературу, а также и местные палестинские предания и христианские легенды, владел греческим, вероятно, и латинским, языком, отличался «высокой терпимостью к чужим верованиям»¹⁴ и мнениям. Будучи книжным и любознательным человеком, он проявил точность и верность в своих наблюдениях, правдивость и последовательность в описаниях, простоту и безыскусственность в построении речи и в изложении¹⁵. Все эти качества составили величайшее достоинство «Паломника», как отмечает известный историк Церкви Е. Голубинский. Когда «Паломник» во французском переводе А. С. Норова стал известен западным специалистам по изучению средневековой Палестины, они (например, проф. Зепп) поставили его весьма высоко в ряду древних памятников именно за указанные положительные качества¹⁶. Целью автора при описании Палестины было написать «верным человекам, дабы кто, слышав о местах святых, потщился бы душою и мыслию к святым сим местом и равну мзду приял с теми, иже ходили до святых сих мест»¹⁷.

Для достижения этой высокой цели и необходимо было провести по возможности верное, точное, обстоятельное обследование и описание святых мест. Успеху дела способствовали глубокий патриотизм Даниила, а также большая тактичность его в сношениях с людьми. Он сознавал себя не частным паломником-богомольцем, а представителем «всей земли русской»¹⁸, лицом, воплощавшим в себе религиозные интересы и духовные силы своей родины. Высокий дух игумена располагал к нему всех нужных и полезных для него людей. Так, арабы открыли для его обозрения мечеть в Хевроне¹⁹. Ключарь храма Гроба Господня ввел его одного в пещеру (кувуклий) Гроба Господня, позволил ему измерить Гроб Господень, отломил ему часть Камня от Св. Гроба²⁰. Все это ключарь мог сделать только при особом уважении и полном доверии «игумену земли русской»²¹. Его с почетом принимали в монастыре Св. Преображения и в других местах. С ним лично беседовал король иерусалимский Балдуин, который явно ему покровительствовал, как в самом Иерусалиме, например, во время церемонии сошествия «Святого Света», так и в хождении по Галилее, дозволив ему воспользоваться походом крестоносцев в Дамаск²².

Ходил он по священной земле «не борзясь», «потиху»²³, прикидывая расстояния от одного места или города до другого, измеряя площади пещер, храмов и других построек и описывая все «просто, без лжи, якоже видех очима своима грешными, такожде и написах». Все это и сообщило его описанию обстоятельность, объективность и честность.

Необходимо отметить, что особенности религиозной психологии того уровня развития, на котором она была у игумена, создали у него доверие ко всем местным преданиям, рассказам и легендам и сооб-

¹⁴ М. Сперанский, История древней русской литературы, изд. 1914, стр. 300.

¹⁵ А. Н. Пыпин, История русской литературы, т. I, стр. 370.

¹⁶ Там же, стр. 372.

¹⁷ «Паломник» Даниила Мниха, изданный Археографической комиссией, гл. XXIII, стр. 67.

¹⁸ «Паломник», глава XXIII, стр. 66.

¹⁹ Краткое описание ее Даниилом (глава XIII, стр. 33—41) есть «лучшее в паломнической литературе. Обычно арабы не допускают христиан до осмотра этой мечети» (Примечание В. Геннинга, стр. 40).

²⁰ С своей стороны игумен «нечто мало подах ключареви» (стр. 62).

²¹ «Паломник», глава XXII, стр. 62.

²² Б. Буслаев, Хождение игумена Даниила. Русская хрестоматия, изд. 4-е, стр. 54.

²³ «Паломник», предисловие игумена, стр. 3, и глава XXI, стр. 56.

щили изложению «Паломника» некоторую наивность в освещении исторических событий и поэтичность в их изображении.

Что же видел и написал в своем «Паломнике» наш игумен? Каково содержание этого памятника?

*
* * *

Основной особенностью содержания «Паломника» является его религиозный характер. Путешествуя «любве ради святых мест», игумен Даниил на своем пути исследовал преимущественно то, что отвечало его религиозным интересам: церкви, монастыри, пещеры, горы, реки и все, что имело какую-либо связь с библейскими сведениями о земной жизни Спасителя, а также апостолов, пророков и подвижников. Этим же обстоятельством объясняется и то, что свое повествование он начинает не от земли русской и не прямо от г. Яффы, а от Константинополя, поскольку на пути от него до Палестины находились острова и города, интересные с религиозной точки зрения. Проезжая мимо, он описывает вид их, указывает, какие в них находятся церкви, монастыри или св. мощи, чудотворные иконы, или делится воспоминаниями об апостолах и других угодниках Божиих, чем-либо связанных с этими островами или городами. Так, город Троада вызывает у нашего игумена воспоминание о пребывании в нем апостола Павла (Деян. 15, 36), город Ефес и остров Патмос напоминают ему об апостоле Иоанне Богослове, а города Патра и Миры — о святителе Николае. Остров Родос дает повод вспомнить русского князя Олега: «В том же острове был Олег, князь русский, два лета и две зимы» (глава I, стр. 5)²⁴. Большой остров Кипр поражает внимание нашего путешественника большим числом епископий (24) и большим числом почивших святых: «ту много без числа лежит» (глава II, стр. 6). Не забывает он упомянуть о добываемом здесь «росном ладане», а также о кресте, на котором, по преданию, был распят «благой разбойник».

По мере приближения к Палестине растет благоговейная взволнованность и духовная радость паломников. Высадившись в приморском городе Яффе²⁵, они устремляются на конях к Иерусалиму. При приближении к нему сразу же открывается вся панорама святого города. Тут путешественники спешиваются и «радость велия бывает всякому христианину. Никто же может не прослезиться, видев места святая, идеже Христос Бог наш, нашего ради спасения, походи»²⁶.

С этого момента начинается благоговейное созерцание и кропотливое исследование г. Иерусалима. Подробно и обстоятельно игумен говорит о церкви Воскресения: ее устройстве, приделах, размерах, святынях и особенно о Гробе Господнем²⁷. Высказывает существовавшее в то время мнение, что около алтаря этой церкви находится центр, или «пуп земной»²⁸. Восточнее этого места есть камень со «скавжней

²⁴ История не оставила никаких сведений о пребывании на острове Родосе князя Олега. Неожиданное замечание об этом автора, по-видимому, явилось отголоском не так давно (в 907 г.) бывшего похода князя Олега на Константинополь, завершившегося водружением победного щита на ворота его.

²⁵ Яффа всегда была для паломников и ученых — исследователей Палестины «маленькой калиткой к великим тайнам и заветным идеалам человечества» (И. Стеллецкий, «По русским местам Палестины», 1909, часть 6-я, стр. 30).

²⁶ В ближайших главах (III—VI) автор повествует о Иерусалиме, в остальных главах (VII—XXIII) — о других городах и св. местах Палестины.

²⁷ Не лишне отметить, что путешественники конца XIX века сообщают о Гробе Господнем в основном то же, что и игумен Даниил. Изменения произошли только в том, что дикий камень в Гробе Господнем покрыт мрамором, несколько увеличены его размеры и добавлено количество лампад: вместо 5 стало их 43 (В. Геннинг, примечание, стр. 10—11), а также появились в Гробнице три изображения Воскресшего Спасителя (Правосл. богосл. энцикл., под редакцией Н. Глубоковского, т. VI, стр. 474).

²⁸ Это мнение основывалось на толковании текстов Св. Писания: Псал. 73, 12; Иезек. 5, 5; 38, 12.

и ту был водружен крест Господний». Под тем камнем лежит «глава первозданного Адама», на которую через расселину камня «сниде кровь и вода из ребер Владычен»²⁹. Здесь же есть и «жертвенник Авраама... и на то место возведен бысть Исаак, идеже Христос был возведен» (глава III, стр. 9—13)³⁰.

Неподалеку от Голгофы находится столп Давида, или круглая, высокая башня. Высота и округленность этой башни вызывают у автора представление о подвиге столпничества и наводят на мысль, что Давид на столпе «Псалтирь составил»³¹. В 20 саженьях от столпа Давида высится церковь Воздвижения Честного Креста, «ту суть двери велики, и к тем дверем прииде Мариа Египтяныни и покаяся к святей Богородице в притворе... и целова крест... и изыде в пустыню Ерданскую» (глава IV, стр. 14—15). Обращая свой взор к месту разрушенного ветхозаветного храма с его «Святая Святых», игумен замечает: «нынешнюю церковь создал старейшина от срачин—именем Амир» (глава V, стр. 17)³².

Он описывает, что на Елеонской горе, в Гефсимании, сохранилась пещера, где, по одному преданию, Христос научил апостолов молитве «Отче наш»³³. На самой вершине горы, «идеже бе Вознесение Господне», на малой «горке Камень круглый» и с того Камня «вознеслся Христос». С горы Елеонской хорошо видны окрестности Иерусалима. Они безводны. «Вси людие» живут дождевой водой. «Благословением Божиим» родится пшеница и ячмень с урожаем сам-90—100 (глава VI, стр. 18—20)³⁴.

На восток от Иерусалима лежит путь к реке Иордану. Путь этот от безводья, зноя и от разбойников очень опасен: на этом пути «мнози человецы умирают». Около Кузивы (Хезива) «святой Иоаким постился, неплодства своего ради»³⁵. Невдалеке от реки Иордана расположен «ветхий» монастырь св. Иоанна Предтечи. На месте крещения Господня создан «теремец и коморка мала». Здесь «древле расступися вода людем Израилевым»³⁶. Здесь же Елисей пророк «ударил милотию Илииноу и расступися вода и преиде посуху Иердан»³⁷, и Мария Еги-

²⁹ Здесь передается распространенное на Востоке предание о погребении Адама на Лобном месте. Из западных палестиноведов Моммерт происхождение этого предания относит ко временам Константина Великого, а проф. М. Муретов — к еще более ранним иудейско-христианским (Правосл. богосл. энциклопедия, т. VI, стр. 520—522). Христианское сознание готово усматривать в происхождении этого предания сотериологическую тенденцию: кровь Спасителя должна была коснуться прежде всего праотца Адама, а в его лице (в силу единства человеческого рода) и всего человечества.

³⁰ Наряду с древнееврейским преданием о приношении Исаака на горе Идриа Даниила мог слышать предание о приношении его на Лобном месте, которое могло возникнуть на православном Востоке на основе святоотеческих воззрений о символическом значении принесения в жертву Исаака: оно прообразовало новозаветную жертву Спасителя. Таким образом, здесь тоже могла иметь место сотериологическая тенденция.

³¹ На том же основании «столпником» (4, 21) он назвал человека Божия, уединившегося в древней высокой башне «на горе Елеонской», указавшего крестоносцам место для главной атаки и устроившего крестный ход всей армии вокруг стен Иерусалима (Правосл. богосл. энциклопедия, т. VI, стр. 503).

³² Имеется в виду так называемая «мечеть Омара».

³³ Это, по-видимому, одно из местных (палестинских) преданий. По сообщению исследователя Палестины И. Стеллецкого, «католики построили в этой пещере так называемую «галерею молитвы Господней» («По русским местам Палестины», 1909, ч. 6-я, стр. 72).

³⁴ Лаборд в своем «Путешествии по каменистой Аравии» говорит, что «сведения Даниила о плодородии страны справедливы» (В. Геннинг, стр. 39).

³⁵ Предание о посте св. Иоакима находится в апокрифическом Евангелии апостола Иакова, без обозначения, однако, места этого пощения.

³⁶ Имеется в виду переход через Иордан евреев под предводительством Иисуса Навина (Книга Иисуса Навина, главы 3-я — 4-я).

³⁷ Имеется в виду событие, изложенное в книге 4-й Царств, 2—8.

петская здесь же «прейде по водам к отцу Изосиме и прият Тело Христово» (глава VII, стр. 22—24)³⁸.

Указав на все священные события, связанные с рекою Иорданом, наш повествователь переходит к описанию и самой реки: «Иердан река течет быстро, вода ее мутна и сладка», полезна для здоровья, и пьющие ее не могут насытиться. «Всем же есть подобна реце Сновстей»³⁹. По берегам реки «древие много... вербие и лозие, но несть маши, но инаки. Ту и свинии дикие и львоуе и пардуси (леопарды)».

Давая эти сведения о р. Иордане, игумен сообщает и о том, как он сподобился в праздник Крещения Господня «со дружиною своею» быть на этой реке. Он говорит, что в присутствии «бесчисленного народа с горящими свечами нисходит Дух Святый с небесе и всякому человеку радость бывает тогда в сердце». При погружении креста в воду «священницы рекут «во Иордане крещаючи Ти ся, Господи», и тогда вси людие вскачуть в Иердани, крещающиеся в Иорданстей реце» (глава VIII, стр. 24—26).

Кратки сообщения «Паломника» о городе Иерихоне, об обители св. Феодосия, основанной им в 451 году, об обители св. Саввы, процветавшей в VI веке, о монастырях двух сопостников-соратников — преп. Евфимия и преп. Феоктиста (глава IX, стр. 28—30).

Из достопримечательностей горы Сиона в Иерусалиме упоминается так называемый «дом св. Иоанна Богослова», где Христос совершил Тайную Вечерю и где апостол Иоанн спрашивал: «Кто есть предай Тя?» В этом же доме воскресший Христос дважды являлся апостолам, и там же совершилось сошествие Святого Духа на апостолов. Неподалеку находится «двор Канафы»: «ту бо Петр трижды отвергся Христа» (глава X, стр. 31—32).

На юге, в шести верстах от Иерусалима, расположен город Вифлеем. Здесь сохранился «камень велик»⁴⁰, на нем «опочивала Св. Богородица, как с осяти сошедши и шла до вертепа святого и ту роди Христа Бога нашего»⁴¹. И создан здесь «градок высок, Вифлеемом нарицается». И кругом «нивы и дрevesа многоплодовита и масличие и рожцы, смоквы и виноградиe много суть»⁴². В полуверсте от города — пещера, где «два лета» жила Св. Богородица со Христом и Иосифом. Сюда приходили «волсви с дарами», и отсюда «совершилось бегство во Египет с Материю и Иосифом» (глава XI, стр. 35—36)⁴³.

На пути к Хеврону стоит дуб, «от Бога утвержден яко топерь насажен»⁴⁴. Здесь «благослови Св. Троица Авраама и Сарру. Земля бо Мамбриа и дуб Мамбрийский» (глава XII, стр. 36—38).

В двух верстах от дуба — город Хеврон, «ныне разрушен». Земля та «благословенна от Бога всем добром». В полуверсте от Хеврона — пещера и в ней гроб Авраама, Исаака, Иаковль. На верху горы —

³⁸ Из «Жития преп. Марии Египетской». Все изложенные исторические события, связанные с р. Иорданом, происходили не на одном и том же месте на этой реке, но наш игумен мысленно созерцает и записывает их так, как будто они происходили там же, где крестился и Христос.

³⁹ Река Сновь протекает в Черниговской области, берет начало в окрестностях г. Стародуба и впадает в р. Десну. Упоминание игуменом этой реки дало основание исследователям этого памятника делать правдоподобное заключение, что он родом из этой области, или жил, или был в монастыре в г. Чернигове.

⁴⁰ Камень этот видел А. С. Норов в 1861 г. (Примечание В. Геннинга, стр. 33—34).

⁴¹ Эти сведения взяты из апокрифического Евангелия апостола Иакова.

⁴² Окрестности Вифлеема и теперь «цветущий сад» (И. Стеллецкий, «По русским местам Палестины», часть 7-я, стр. 7).

⁴³ Все это взято из апокрифического Евангелия апостола Иакова.

⁴⁴ «В последнее мое путешествие (1861 г.), — говорит А. С. Норов, — я был поражен красотою дуба. Описание Даниила очень верно, лишь высота его стала значительнее, чем при Данииле». В начале XX века, по словам И. Стеллецкого, он стал дряхлеть; в настоящее время он находится в жалком состоянии.

место, где Авраам молился о помиловании Содомлян (глава XIII, стр. 38—41) ⁴⁵.

В трех «поприщах» от Вифлеема расположен монастырь св. Харитона. Здесь есть пещера, где «лежат 12-ть пророков» (глава XIV, стр. 41—43) ⁴⁶.

На север от Иерусалима лежит путь в Галилею и к Тивериадскому морю. Путь этот от разбойников «страшен зело». Наш игумен с дружиной своей совершил его под прикрытием войска Балдуина, двигавшегося походом к Дамаску. На пути они посетили древний Сихем с кладезем Иакова, где Христос беседовал с самарянкой. «Тут, — говорит игумен, — лежахом ночлег», то есть переночевали. Город Самарийский (Сихем) «велик вельми и обилен всем добром и овощем всяким... и Иерусалим живь есть этим добром» (глава XVI, стр. 44—45).

Выйдя из пределов Самарии, наши паломники с войском Балдуина пришли к верховьям р. Иордана. Там, по преданию, была купальня, в которой купался Христос со учениками ⁴⁷. «И мы, грешнии, — говорит игумен, — купаемся ту» (глава XVI, стр. 45—46).

Южнее верховьев Иордана, у одного из мостов через реку, «князь Балдуин стал обедать» с воинами своими, а к вечеру «пойде к Дамаску», а наш игумен с дружиной — «в град Тивериад и пребых ту дни 10, дондеже прииде князь с войны тоя из Дамаска» (глава XVII, стр. 46—47) ⁴⁸.

Игумену Даниилу Тивериадское озеро показалось огромным. «И есть рыба в нем дивна и чудна, образом яко короп (карп). Ту же рыбу любил в снедь Сам Христос» ⁴⁹. Неподалеку от этого озера Христос чудесно наплатил 5 тысяч человек, а на берегу его явился ученикам по своем воскресении (глава XVIII, стр. 48—51).

К юго-западу от г. Тивериады высится гора Фавор. «Дивная, чудная», стоит она посреди поля, «яко стог». По ее склону «растет дерево всякое», но, однако, тяжек путь на ее вершину. Здесь «горка мала... и ту преобразился Христос». На горе много воды. Движимый благоговейным чувством, игумен восклицает: «дивно Божие устроение на толицей высоте много воде быти». Тут же, на горе, продолжает он, есть пещера Мелхиседекова, около которой он, по преданию, встретил Авраама с хлебом и вином и благословил его (глава XIX, стр. 51—53) ⁵⁰.

В пяти верстах от горы Фавора расположен город Назарет. Он мал. В середине его — церковь с пещерой и кельей в ней, где Св. Богородица «вскормила Христа». В этой же пещере Христос похоронил Иосифа обручника ⁵¹. Около города — глубокий колодец, а над ним — церковь во имя архангела Гавриила. Здесь было первое благовещение

⁴⁵ Имеется в виду Быт. 18, 23—24, 26.

⁴⁶ В описаниях Даниила упоминается много пещер-усыпальниц. Объясняется это тем, что «у древних евреев гробницы были предметом гораздо большей заботы, чем дома» (А. А. Олесницкий, «Святая земля», I, стр. 249—250). «Народы Палестины со времен Авраама веками сносили сюда (в пещеры) прах сотен и тысяч своих поколений» (И. Стеллецкий, там же, ч. 6-я, стр. 63).

⁴⁷ Эти сведения Даниил мог получить, по-видимому, из местного предания.

⁴⁸ Поход крестоносцев поодолжался только 10 дней потому, что неприятель внезапно отступил и более не угрожал Палестине.

⁴⁹ Все эти сведения почерпнуты из местного предания и порождены чувствами самих паломников, расположенных связывать со Христом почти все, что они видели в Палестине.

⁵⁰ Сказание о встрече Мелхиседека с Авраамом и о вечном священстве Мелхиседека взято из Св. Писания (Быт. 14, 18—19; Евр. 7, 3).

⁵¹ Эти сведения взяты из апокрифического, так называемого «Арабского Евангелия детства».

Св. Богородицы, а второе последовало в доме — в г. Назарете (глава XX, стр. 53—55)⁵².

В девяти верстах от г. Назарета лежит Кана Галилейская. «Ту землю Христос Бог наш походи ногами своими пречистыми, ту же и мене проходить и видети сподоби... Что воздам Господеву моему о всех, яже воздаде мне худому рабу Своему... и еже не надеялся есть видети, и то ми все показа Бог видети рабу своему. Да простите мя, отцы и братие и господие мои, и не зазрите худоумию моему и грубости моей, еже аз писах не хитро, но просто написах». Так закончил наш автор свое повествование о святых местах Палестины.

Все то, что он дальше сообщает о «Свете святем», является как бы «приложением» к «Паломнику», «отдельной самостоятельной частью этого памятника»⁵³. Если доселе, во всех предшествующих главах, игумен описывал исторические места Палестины и связанные с ними когда-то бывшие события, то теперь, в этой новой (XXII) главе он повествует о том, что произошло в Палестине уже при нем, свидетелем и очевидцем чего он сам явился.

Повествование о «Свете святем» начинается с описания событий Великой Пятницы, с указания на те заботы, хлопоты и меры, которые наш игумен предпринял в этот день, чтобы поставить на Гроб Господень лампаду «от всея земли русския».

В Великую Субботу в 2 часа дня при огромном стечении народа началось богослужение при Гробе Господнем. Все знали, что, по примеру прошлых лет, за этим богослужением должно произойти чудесное явление «Святого Света». Молитвенно, покаянно и трепетно все ждали этой минуты. В числе других в храме были Балдуин со свитой⁵⁴ и наш игумен со своей дружиной. И вот в 3 часа при пении «Господеву поем» «внезапну прииде туча и одожди мало. И тогда облиста Свет святой во Гробе Господнем». Епископ, «войдя во Гроб, возже первую свечу» и дал ее Балдуину «и от тоя свеча вси вжегахом своя свеча... Свет же святой не тако, яко огонь землений, но чудно и несказанно светится, яко киноварь». И все люди стояли с горящими свечами с радостью великою вопия: «Кириелейсон» и затем расходились по домам. После же окончания пасхальной утрени «быша целование с игуменом и братией» и исхождение (при пении кондака «Аще и во гроб») «в животворящий Гроб для лобызания с любовию и слезами». После этого в алтаре происходило «целование с правоверными попы христианскими и сурьянскими (сирийскими)» (глава XXII, стр. 57—62).

В последней главе (XXIII) игумен Даниил повествует о «месте Голиадове», о доме Захариине, о Еммаусе, о горе Кармилской и заканчивает ее заключением ко всему повествованию. Здесь же он указывает, что «ходил» в Палестину в княжение Святополка Изяславича, что во всех святых местах не забывал ни детей своих духовных, ни всех христиан земли русской. «И отпехом 90 литургий за князей, бояр, за детей духовных и за правоверные христиане: 50 за живых и 40 за умерших».

«Буди же всем почитающим писание сие, — пишет Даниил, — с верою и любовию благословение от святого Гроба Господня и от всех мест святых и примут мзду, равную с ходившими до Гроба Господня. Блажени бо видевше и веровавше, треблажени не видевше и вероваша... Не зазрите худоумию моему и грубости моей... Да Бог мира будет со всеми вами во вся веки. Аминь» (глава XXIII, стр. 63—67).

⁵² Сообщение о двух отдельных моментах Благовещения взято из апокрифов.

⁵³ М. А. Веневитинов, см. предисловие к «Паломнику» В. Геннинга, стр. 11.

⁵⁴ Первым королем из крестоносцев был Готфрид, занявший Иерусалим в 1099 году. За ним следовал Балдуин.

«Паломник» игумена Даниила открыл «новую культурную страницу нашего прошлого»⁵⁵. Для историка древней русской письменности этот памятник является собой «драгоценный склад христианских легенд, перенесенных из славянских переводных, часто апокрифических памятников»⁵⁶. Для палестиноведов — это ценнейший документ о Палестине того времени.

Язык «Паломника» прост, подчас сух и строг, всегда точен и соответствует описываемым предметам. В местах патетических (религиозно-лирических) мысль игумена бьется в поисках новых словесных форм для выражения тех необычайных наблюдений и переживаний, которые нахлынули на него в Палестине (например, в главе о «Свете святом»).

Для нас интересна психологическая сторона памятника. В чрезвычайных обстоятельствах люди обычно и проявляют себя чрезвычайно, обнаруживая в высокой степени те качества, дарования и свойства своей души, которые в обычных условиях бывают скрытны или мало заметны.

Игумену Даниилу Палестина раскрыла и усилила два основных качества его души: религиозную веру и любовь к русской земле и к русскому человеку. Для религиозной души игумена в Палестине ожили, заговорили камни, пещеры, горы, реки, храмы, чрезвычайно усиливая в душе его все священные воспоминания, связанные с этими предметами и местами. За все время пребывания в Палестине игумена ни на минуту не оставляло сознание, что здесь, на этой земле, совершено было Спасителем наше спасение и поэтому все здесь дорого и священо. На Голгофе, на реке Иордане, в Вифлееме, Назарете и в других местах «блаженное восхищение» вызывало у игумена не только все то, о чем напоминало Евангелие или апокрифы, но и то, что сообщали местные предания, рассказы окружающих лиц и даже легенды.

Любовь к родине и русским людям была постоянным чувством наших паломников. Она объединила членов дружины в одну семью и особенно оживлялась за богослужением, когда заказывались и совершались литургии за всех русских — живых и умерших. Любовь к родине побудила игумена Великую Пятницу посвятить заботам и хлопотам о лампаде на Гроб Господень «за всю землю русскую». Уезжая из Палестины, он заказал в Лавре св. Саввы поминовение русских людей и после отъезда дружины.

Для исследователя-литургиста этот памятник интересен сообщениями о некоторых отрывках из чинопоследования крещенского освящения воды, вечерни в Великую Субботу и Пасхальной утрени в те времена. Достоинно внимания сообщение и о 90 «отпетых» литургиях. Если 40 из них падает на заупокойные, то это говорит о силе и постоянстве молитвенного памятования почивших «отцов и братий», о духовной связи не только с живыми, но и умершими, то есть говорит о живом церковном сознании игумена Даниила и его дружины.

Исторiku Русской Православной Церкви это последнее обстоятельство укажет на то, что за протекший 120-летний период существования Православия на Руси оно уже пустило глубокие корни в русском народе, несмотря на сохранявшееся двоеверие. У Даниила мы видим черты православно-церковного человека: он правочерен, благочестив, молитвенен, благоговееен, искренен и непосредственен в своих религиозных убеждениях, проникнут духом пастырской заботы о «чадах своих

⁵⁵ М. Сперанский, История древней русской литературы, стр. 299.

⁵⁶ Там же, стр. 300.

духовных» и живой любовью к родине и русскому человеку. Нетрудно видеть, что он унаследовал дух и традиции Православия, колыбелью которого явилась Киево-Печерская Лавра с ее отцами духовными преподобными Антонием и Феодосием.

Из этой колыбели свет и истина православной веры распространились в то время по всей Руси и ближайшим образом — южной. Здесь, в Чернигове, уже в то время, по свидетельству историка, был монастырь⁵⁷. Не исключена возможность, что именно здесь, в этом монастыре, и игуменствовал Даниил. По возвращении из Палестины и написании «Паломника» он стал широко известен на Руси, особенно в грамотных церковных кругах. Не лишено правдоподобия мнение М. А. Веневитинова, что в 1113 году игумен Даниил был поставлен епископом в г. Юрьеве⁵⁸ и умер в 1122 году.

Проф.-прот. А. Ветелев

МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ ПЛАТОН КАК ПРОПОВЕДНИК

«Теперь восхвалим славных мужей и отцов нашего рода... и мужи именитые силою; они давали разумные советы, возвещали в пророчествах... Мудрые слова были в учении их... Есть между ними такие, которые оставили по себе имя для возвещения хвалы их...».

(Сирах. 44, 1, 3, 5, 8).

«Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие; и, взирая на кончины их жизни, подражайте вере их».

(Евр. 13, 7).

В ряду иерархов-проповедников Русской Православной Церкви за двухвековой период Синодального управления одно из первых мест несомненно принадлежит Митрополиту Платону (Левшину). Это был выдающийся по своим личным талантам иерарх, просвещеннейший проповедник второй половины XVIII и начала XIX столетий. Это была личность необычайная в своем роде, высокая, светлая, просвещенная, талантливая, любвеобильная. Своими литературно-богословскими и проповедническими трудами Митрополит Платон прославился не только в России, но и далеко за ее пределами. В католическом Риме его считали лучшим русским иерархом; в Италии гравировали его портреты. Даже Вольтер отзывался о Митрополите Платоне как о равном греческому Платону¹. Действительно, это было церковное «светило, своєю зарею проникшее во все страны Европы»².

*
* * *

Русское общество XVIII и XIX веков, под влиянием веяний, шедших с Запада, в значительной своей части не придерживалось определенных религиозных убеждений и правил христианского благоче-

⁵⁷ С. М. Соловьев, История России, т. III, стр. 76.

⁵⁸ В Лаврентьевской летописи читаем: «В лето 1103, того же месяца (августа) в 18-й день, иде Святполк, и сруби город Юрьев». («Повесть временных лет». СПб., 1910, стр. 269). В этот новый городок и мог быть поставлен епископом энергичный, опытный, книжный игумен Даниил.

¹ И. Снегирев, Жизнь Московского Митрополита Платона, изд. 4-е, М., 1890, ч. 1-я. Приложение, стр. 111—112.

² Надгробное слово архим. Евгения. См. у И. Снегирева: Жизнь Московского Митрополита Платона, изд. 4-е, М., 1891, ч. 2-я, стр. 184.

ствия. Канонические постановления Церкви многими пренебрегались и считались отжившими. Из школ, в которых господствовало французское воспитание, выходили люди без национального самосознания и патриотических чувств, «с легкой головой и пустым сердцем»³. Нравственная распущенность, роскошь и расточительность знати достигли предела. «Мотовство, модничанье, волокитство, страсть к азартным играм и в основе всего пустейшая пустота в речах и поступках», — вот как отзываются о тогдашних нравах высших классов современники⁴.

Все это, естественно, должно было вызвать протест со стороны лиц, которым дороги были интересы Церкви. И вот наряду с голосами других духовных лиц раздается властное слово знаменитейшего вития того века, русского Златоуста, Митрополита Платона.

*
* *

Сын бедного сельского дьячка, ходивший когда-то в школу босиком, Петр Левшин, в монашестве Платон, прошел весь ряд церковных степеней и постепенно достиг митрополичьего сана. Начав ученье на медные гроши, он, при тогдашней скудости средств к образованию, благодаря своим дарованиям и любви к знанию сумел, однако, достичь универсальной учености.

Проповедническая деятельность Митрополита Платона, продолжавшаяся целое полустолетие, началась в 1757 году, когда он двадцатилетним юношей-мирянином, после окончания Московской славяно-греко-латинской академии был оставлен при ней преподавателем и катихизатором. С чувством недостаточной своей подготовленности к такому великому делу, как проповедание слова Божия, но вместе и с твердою надеждою на помощь Божию, приступил Петр Левшин к беседам. «Тако Божиему Промыслу благоволилось, — говорит он во вступительной беседе, — чтобы и я, юнейший, на седалище старцев сидел, возвещал имя Господне братии моей и посреде церкви воспевал Его... Я есмь один из тех младенцев, за которых со исповеданием благодарит Ходатай мой ко Отцу Своему: «Исповедаются Отче, Господи небесе и земли, яко утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем» (Мф. 11, 25)⁵.

Все катихизические беседы, сказанные Петром Левшиным в академии (их всего 34), посвящены основам христианского вероучения. Первые семь бесед раскрывают учение о Церкви, о первобытном райском состоянии людей, о греховном их состоянии после падения и об искуплении их Господом нашим Иисусом Христом. А в остальных 27 беседах (8—34) последовательно, слово за словом, изъясняется Символ веры.

Каждая катихизическая беседа разделяется на две части: догматическую и нравоучительную. Первая часть начинается приступом, затем в вопросо-ответной форме раскрывается догматическое учение. Каждая мысль подтверждается ссылками на Священное Писание. Когда нужно понимание какого-либо места Священного Писания подтвердить святоотеческим авторитетом, юный проповедник ссылается на блаж. Августина, св. Иоанна Златоуста, св. Григория Богослова и св. Иоанна Дамаскина.

Вторая часть состоит из нравственно-практического приложения истолкованных догматов. Связь между обеими частями очень тесная,

³ И. Снегирев, указ. соч., стр. 484.

⁴ Ф. Терновский, Русское вольнодумство при императрице Екатерине II и эпоха реакции. — «Труды Киевской дух. академии», 1868, март, стр. 461.

⁵ Митрополит Платон, «Поучительные слова», т. VIII, стр. 3—4.

так как нравоучение является выводом из догматической части. Например, в 24-м нравоучении после истолкования догмата о воскресении Христовом, проповедник, призывая христиан радоваться этому воскресению, описывает обстоятельства, сопровождавшие воскресение, и из них выводит нравственный урок. Припомнив сказанное в догматической части о женах мироносицах, он обращает внимание на то, что они пришли ко гробу «утру глубокоу» и говорит: «Мы ежели бы и днем, не говорю, ночью, позваны были на благодарственные или просительные ко Христу молитвы, хотя на краткое время... то не тотчас ли бы отказались, не представили ли бы премного извинений, а хотя бы и пришли, то с такою ли охотою, какая в тех благочестивых женах усматривается, не стали бы на молитве с пониклою мыслию, с дремлющими глазами, а на слушании учения с устами зевающими, с ногами дряхлыми?»⁶ и проч.

Особенностью катихизических бесед Митрополита Платона является возвышенность их содержания и вместе с тем простота и увлекательность. В тех случаях, когда предмет казался не вполне понятным для слушателей, он старался изъяснить его посредством сравнений, которые он умело находил в обыденной жизни.

Живым памятником ревностной проповеднической деятельности Митрополита Платона служат его слова и речи, произнесенные в разных местах и в разное время. Изданы они в 1779—1806 гг. вместе с другими его богословскими трудами. Большое внимание в своих словах Митрополит Платон уделяет раскрытию христианских догматов, так как именно они подвергались нападкам со стороны шедшего с Запада рационализма.

В слове на день Воздвижения проповедник указывает признаки Творческого Разума в мире и человеке. «Куда ни обратим мы очи свои, — говорит он, — везде найдем следы и знамения любви Божией к нам... Воззрим ли на солнце? — находим в нем величайшее бесконечного разума произведение. Находим, что оно непомерная величины тело пламенеющее, удивительным сиянием блистающее, все твари в непонятном отдалении освещает и согревает не иначе, как в самой близости разжженная печь. Однако так мерно повешено и устроено, что хотя окружено со всех сторон вещами к нему приближенными, но ни одной из них действием презельного пламени своего не сожигает и не повреждает. Всякая тварь ожидает восхода сего благодетельного светила, радостным восторгом восхищается»⁷. Подобным образом проповедник указывает следы Божественной Премудрости в других небесных светилах, в земле и, наконец, в самом человеке, которого «древние премудрецы называли микрокосмом, то есть малым миром...»⁸.

Также и в слове на день свят. Алексия Платон приводит слушателей к признанию действия благодати Божией в человеке. Толкуя слова Спасителя, сказанные апостолам: «Вы есте свет миру», проповедник разъясняет что этот свет — благодать, просвещающая мир разумных тварей. Если для окружающего мира достаточно солнечного света, то для человека, одаренного разумом и волею, этого недостаточно. С помощью солнечного света мы можем видеть только форму, окраску тела, но не можем узнать сущности самого тела, а тем более души. Человеку нужен другой свет — превосходнее солнца. Этим светом является Бог, источник всякого света. От этого света воссиял в человеке разум — второй свет, гораздо слабейший первого, хотя и превосходнейший света солнечного: он познает самое солнце. Но как

⁶ Митрополит Платон, Соч., т. IX, стр. 99.

⁷ Митрополит Платон, Соч., т. VI, стр. 339—340.

⁸ Там же, стр. 340—343.

солнце иногда закрывается облаками, так и разум может помрачаться страстями. Из этого помрачения может вывести человека только свет Божественный — благодать Божия, принесенная в мир Спасителем и переданная Им чрез апостолов Своим верным. Этот свет разумел Спаситель, когда говорил апостолам: «Вы есте свет миру». В заключение слова проповедник указывает пример благодати, действующей в угоднике Божиим, свят. Алексии, «тело которого нетлением почтено»⁹.

Однако для современников Митрополита Платона недостаточно было раскрытия истин христианства в их положительном аспекте, и проповеднику приходилось прибегать к полемике. В то время особенно распространено было сомнение в возможности искупительного подвига Спасителя. В своих проповедях Митрополит Платон показывает несостоятельность различных сомнений. Так, например, в слове на день Рождества Христова, изложив учение о воплощении, он в полемической форме доказывает, что непонимание этого величайшего догмата не должно служить причиной к его отрицанию, так как в таком случае мы должны были бы отвергнуть и многое из окружающего нас, что недоступно для человеческого разума. «Воззрим на одно солнце, — говорит он, — сие огненное тело тысящу крат есть больше всяя земли. Понимает ли мысль наша, как сие огромное тело чрез толико веков доселе горит и не сгорает? Имеет ли сей солнечный огонь что ни есть для своего питания? Ежели не имеет, то как по нашему понятию может какое-либо тело гореть без питания? Ежели же имеет, то, горя через толико веков, откуда столько питания имеет, ибо по нашему рассуждению всего мира громада к питанию его была бы недовольна; или давно бы уже вся истребилась? Понимает ли одно сие мысль наша? Почто же все то, хотя мы и не понимаем, однако отвергнуть или не признать оное не смеем»¹⁰. Тем же, кто говорит: «не нужно де или непристойно, чтобы толикого величества Бог до толикого снизшел унижения, дабы облечься в наше тленное и ничтожное естество и понес бы все те нужды и немощи, которые нам смертным свойственны», Митрополит Платон отвечает, что они в данном случае хотят войти «в таинства дел Божиих и положить пределы бесконечной премудрости Его»¹¹. «О человек, — восклицает проповедник в другом слове, — каким образом может тебя восставить Божественный Промысл, когда держашь ты и самое Его к тебе осуждать снисхождение? Может ли порицаем быть врач, когда для исцеления твоея смертоносной язвы терпит зловоние, и для сохранения твоея жизни — жизнь свою в опасность предает? Может ли быть попрекаем тот человеколюбивый муж, который для извлечения тебя, впадшего в яму, — во оную снисходит, презрев все трудности и опасности»¹². Нам нужно лишь только удивляться этой бесконечной любви Бога к нам, благоговеть пред нашим Небесным Отцом и всецело покориться Его святой воле¹³.

В том же духе написаны и слова о бессмертии души, в которых просто и убедительно говорится о непрекращаемости жизни за гробом¹⁴.

Отрицание догматов христианской веры, естественно, влекло за собой такое же отношение и к каноническим постановлениям Святой Церкви. Митрополит Платон неоднократно выступал в защиту их. В первую неделю Великого поста он говорит о важности и спасительности воздержания. «Храня воздержание, — поучает он, — лучшими

⁹ Митрополит Платон, Соч., т. XII, стр. 257—266.

¹⁰ Митрополит Платон, Соч., т. X, стр. 254, 256.

¹¹ Там же, стр. 256.

¹² Там же, стр. 259.

¹³ Там же, стр. 260—261.

¹⁴ См. Митрополит Платон, т. XX, стр. 20—27, 326—336; т. IV, стр. 354—356; т. V, стр. 252—259.

становимся, а чрез невоздержание... худшими не по телу токмо, но паче по душе... Вот благословенная и спасительная причины к установлению сего времени воздержания!»¹⁵. Но святитель был чужд и крайней приверженности к обрядам. Поучая свято сохранять внешнее богослужение, он говорит: «наипаче должны уважать богослужение внутреннее, духом, а не телом, верою, а не призраком, истиною, а не одною ее тенью»¹⁶.

*
* *
*

Предметом поучений Митрополита Платона служат истины догматические, но преимущественно нравственные, «ибо, — как учит проповедник, — сердце исправленное и очищенное удобно есть возвысить и в понятия разума... Прежде, — говорит он далее, — [необходимо] полагать чистоту сердца, а потом зрение, то есть познание Бога... Однако, со всем тем надобно не забывать учителю церковному, чтоб иногда просвещать и мысль и поправлять погрешительное понятие разума человеческого»¹⁷. Слова этого характера составляют целый кодекс христианской морали, впрочем, во многом применительно к жизни современников. Между ними мало слов строго обличительного содержания. Большая часть их состоит из положительного раскрытия христианской морали и указаний на ее превосходство перед мирскими правилами.

В противовес самолюбию современников, полагавших цель своей жизни в пользовании земными благами, святитель раскрывает идеал высшего счастья, заключающегося в радостях не мирских, а духовных — в спокойствии душевном, в мире с совестью¹⁸, — вытекающих не из начал самолюбия, а из христианского самоотвержения¹⁹. Вот как, например, учит проповедник об истинном счастье человека. Напомнив содержание Евангелия об угощении Господа сестрами Марфой и Марией, — он ставит вопрос: в чем состояла благая часть, избранная Мариною. — «Часть эта, — говорит он, — такова, которую человек получив, остается в безопасности, чтобы кем-нибудь она от него восхищена быть могла»²⁰. Далее он приводит пространное рассуждение об изменчивости и непостоянстве всего в мире. «Что, — спрашивает проповедник, — в свете сем непременно? Что порче, что тлению не подлежит?.. пища изгнивает и в тление обращается, питье так же; одежда ветшает, дом разваливается, и в устроении сих всегдашних докучных перемен состоит вся многопопечительная жизнь наша... А напоследок... смертью пресекается»²¹. Изобразив суетность всего мирского, святитель указывает, в чем истинное счастье — «в добродетели, на благочестии основанной»²². Приобретение этого счастья зависит от самого человека. В заключение проповедник призывает стремиться к достижению этого высшего счастья и на помощь призывать Божию Матерь, память Которой в этот день молитвенно празднуется, «да ходатайством Ее и здесь проживем спокойно, и в воскресение праведных вечная радости да сподобимся»²³.

¹⁵ Митрополит Платон, т. XIII, стр. 22, 24, ср. т. X, стр. 59—67.

¹⁶ В слове на день Казанской иконы Божией Матери, т. XIII, стр. 292.

¹⁷ Митрополит Платон, т. XX, стр. 246—247.

¹⁸ Митрополит Платон, т. IV, стр. 3; т. XI, стр. 21; т. XIII, стр. 49; т. IV, стр. 115; т. XVII, стр. 72—82.

¹⁹ Митрополит Платон, т. II, стр. 106—107; т. III, стр. 341—345; т. XVIII, стр. 197—205.

²⁰ Митрополит Платон, т. IV, стр. 50.

²¹ Там же, стр. 51—52.

²² Там же, стр. 52—53.

²³ Слово в день Казанской иконы Божией Матери, т. IV, стр. 49—58.

В деле воспитания своей паствы проповедник предлагает положительное христианское учение. Но так как в обществе широко распространились пороки: роскошь, развращенность, корыстолюбие и, в связи с этим, угнетение правящими лицами и помещиками крестьян, то он прямо обличает эти пороки, раскрывает пред служителями губительность их и вредность последствия как для частной, так и общественной жизни. Видя возмутительную роскошь и наряду с ней безжалостно угнетенную, беспомощную бедность, Митрополит Платон призывает слушателей быть милосердными к бедным и любить их как своих братьев во Христе. Побуждением к выполнению этой добродетели он считает естественную жалость к слезам других, превратность мира и, наконец, — Божественный закон. «Мы не полновластные имений владетели, — говорит он в слове на 19-ю неделю, — но токмо строители и экономы; а един Бог есть полный господин всех вещей: следовательно не можем их употребить, разве по воле Господина их. Иначе будем хищники, яко чужое себе присвояючи. И потому бедные имеют право против немилосердных вопить: дайте наше нам; дайте нам часть, которую милосердный Создатель наш для нас определил, а вам вручил, дабы оную сохранили для нас»²⁴.

Митрополит Платон выступает в своих проповедях и со строгим обличением все возрастающего в его время разврата. Тем, кто считает допустимым проводить свои молодые годы в чувственных наслаждениях, он говорит, что необходимо с самых юных лет «располагать себя к благочестию и добродетели», полагать надежное основание, на котором будет все «строение твердо». Тот же юноша, который привык к распущенности, не станет хорошим отцом, как и девушка, «не получившая благонравие в девстве», — хорошей матерью.

Проповедник много говорит о святости таинства брака. Он обличает своевольников и прелюбодеев и указывает, что они нарушают установление Божие, наносят крайнюю обиду ближнему. Мало того, нарушающие святость брака расстраивают свое здоровье, «прежде времени жизненное дыхание погашают» и губят свою душу. Они разлагают общество, «ибо что есть государство? — спрашивает он и отвечает: — Есть большая семья, состоящая из многих малых семей. Когда малые семьи в самих себе суть союзна и тверды, тогда и большая семья есть союзна и тверда. Когда же малые семьи в союзе своем будут разрываться, тогда и большая семья в союзе своем долго неразрывно остаться не может. Чтобы меньше было несчастных браков, проповедник учит выбирать себе друга жизни не по внешнему виду, не по знатности его положения, а по внутренним достоинствам.

*
* * *

Относительно внешней формы проповедей Митрополита Платона нужно сказать, что в первую пору своей проповеднической деятельности — от 1757 до 1773 года (см. тт. I и II) он составлял свои поучения по всем правилам старинной гомилетики. Как ученик Славяно-греко-российской академии, где, по всей вероятности, основы проповедничества изучались по гомилетике И. Голятовского, Платон на первых порах не чужд был схоластических приемов. В этот период его проповедь состояла из краткого приступа (указание темы и молитвенное обращение), исследования (разъяснение темы) и оканчивалась заключением (нравственное назидание и молитвенный призыв). Но после 1773 года святитель отрешается от этой схемы и выступает уже в качестве самостоятельного и независимого церковного учителя

²⁴ Митрополит Платон, т. I, стр. 206—210.

(тт. III—XX). Объем его поучений невелик — от 5 до 10 печатных страниц среднего размера.

Главнейшим источником для поучений святителя служило Священное Писание. Нельзя найти ни одной его проповеди, в которой он не приводил бы места из слова Божия. Другими источниками служили: творения свв. отцов, жития святых, церковная и гражданская истории как прошлого периода, так и современного ему.

Язык проповедей Митрополита Платона прост и легок, хотя и не свободен от славянизмов и иностранных терминов, распространенных в то время. В построении слова архипастырь прибегает часто к противопоставлениям, сравнениям и к драматической форме, что производило чрезвычайное впечатление и действие. Метод раскрытия темы проповеди большей частью положительный.

В 1807 году, уже семидесятилетним старцем, Митрополит Платон, отслужив в Чудовом монастыре литургию, обратился к своей пастве с последней своей проповедью. В этом прощальном слове, как бы извиняясь, он объяснил, что по причине ослабевшего здоровья уже не в силах продолжать благословенный труд церковного проповедничества. И вот теперь, заканчивая жизненный путь, он призывает своих пасомых воздать благодарение Богу за то, что Господь помог ему «сей спасительный проповедания Божия слова подвиг продолжать через целые пятьдесят лет»²⁵.

*
* *
*

Почтения Митрополита Платона являются драгоценным вкладом в сокровищницу церковного проповедничества. Великий святитель не стремился к славе, не искал «хвалы слушателей», а с исключительной ревностью и неутомимостью, с сознанием своего долга служителя Христова старался принести пользу ближнему и наставить его на спасительный путь для получения неземного счастья. Говорит ли он о высоких догматах христианской веры или излагает правила христианской нравственности — он всегда имеет в виду религиозно-нравственные потребности слушателей. «Хотя одного упользовать»²⁶, — вот главная цель каждого поучения святителя.

Подобно врачу, который для скорейшего излечения больного «иногда прилагает пластыри легкие; иногда же едкие и мучительные, а иногда и жесточайшее употребляет резание, смотря по свойству болезни»²⁷, так и Платон подходил к каждому человеку отдельно, учитывая его духовную немощь. «Благоразумие требует, — говорит Платон, — чтобы не со всяким человеком поступать одинаковым образом. Один исправляется строгостью, другой — снисхождением; один простым увещанием, другой — основательным доказательством; один — открытым обличением, другой — сторонним и тихим прикосновением, один — страхом, другой — надеждою» и т. д.²⁸. Но, применяясь к слушателям, святитель строго следил, чтобы его слова были выражением духа и смысла слова Божия. «Потребна, — учит Платон проповедников, — честность беспристрастных души. Лицемерие и двойной вид великим в сем случае есть препятствием. Ласкательность честолюбия, чтобы уверением другого стать как бы его победителем, а паче — корыстолюбие, заключающее некоторую из того для себя пользу, крайне

²⁵ Автобиография Митрополита Платона, см. в прилож. к 4-му изд. «Жизни... Митрополита Платона» И. Снегирева, стр. 254.

²⁶ Митрополит Платон, т. IV, стр. 305.

²⁷ Митрополит Платон, т. XI, стр. 82.

²⁸ Митрополит Платон, т. XIII, стр. 103.

от сего должны быть удалены... Надобно, чтоб уверитель мог свободным гласом сии Павловы слова говорить: «Никогда же бо в словеси ласкания быхом к вам, якоже весте, ниже в вине лихоимания: Бог свидетель: ни имуще от человек славы, ни от вас, ни от инех» (1 Солун. 2, 5) ²⁹.

Проповеди Митрополита Платона как знаменитейшего церковного витии XVIII—XIX веков считались всеми его современниками как образцовые, с охотой слушались и читались. И для пастырей нашего века они не теряют своего значения и интереса, как образец живой православной русской проповеди.

К. Скурат,
препод. Моск. дух. семинарии

²⁹ Митрополит Платон, т. III, стр. 65—66.

ИЗ ЖИЗНИ ИНОСЛАВНЫХ И С П О В Е Д А Н И Й

НОВОЕ ОТНОШЕНИЕ ЗАПАДА К ПРАВОСЛАВИЮ

(О КНИГЕ ПРОФ. ЭРНСТА БЕНЦА «ДУХ И ЖИЗНЬ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ».
Гамбург, 1957, 203 стр.)

I

Имя немецкого протестантского богослова Э. Бенца уже известно читателям нашего журнала по его статье «Восточное Православие и церковное самосознание реформации»¹. Новая книга этого автора «Дух и жизнь Восточной Церкви», выпущенная в свет издательством энциклопедии Ровольта, ставит своей задачей дать немецкому читателю по возможности полное и объективное представление о церковной жизни Православного Востока. Редакция немецкой энциклопедии не случайно поручила выполнение этой задачи профессору богословского факультета Марбургского университета Эрнсту Бенцу.

Проф. Бенц начал изучать Православие еще будучи студентом Берлинского университета. Изучение это продолжалось и после окончания университета на протяжении всей его академической деятельности. Чтобы лучше познакомиться с жизнью Православной Церкви, Бенц посетил все страны Православного Востока и два лета посвятил работе в библиотеках Афонского монастыря. Если прибавить к этому, что отношение Бенца к Православной Церкви отличается не только объективностью и беспристрастием, но проникнуто также чувством глубокой симпатии и уважения, то следует признать его наиболее подходящим автором для книги, посвященной раскрытию духа и жизни Восточной Церкви.

Приступая к выполнению порученного ему труда, проф. Бенц должен был считаться со специфическими трудностями, возникающими на пути читателя, воспитанного в традициях западноевропейской культуры, который захотел бы познакомиться с историей и с современным положением Православной Церкви. Трудности эти обусловлены, с одной стороны, чрезвычайной скудостью сведений о Православии, которыми располагает западноевропейская интеллигенция; с другой стороны, тем, что и эти скудные сведения осложнены целым рядом конфессиональных и политических предрассудков, мешающих правильному пониманию Православия.

Наличие этих трудностей заставило автора избрать несколько необычный подход к предмету своего исследования. Большая часть западных книг, посвященных Православной Церкви, начинается с изложения православной догматики, которая при этом освещается обычно с конфессиональной точки зрения автора книги. Но проф. Бенц сознательно отказался от этого метода. «Для нашей эпохи, — пишет

¹ Реферат этой статьи см. «Ж. М. П.», 1958, № 1, стр. 76—79.

он, — особенно восприимчивой к зрительным впечатлениям, рекомендуется иной путь — путь обращения к объектам наглядного созерцания. Он кажется нам тем более пригодным для понимания Восточной Православной Церкви, что центральное место в ней занимает именно зримое изображение небесного мира — икона» (стр. 7). Обращение к иконе как к исходному пункту при изучении Восточного Православия кажется автору особенно удобным еще и потому, что за последние десятилетия Запад благодаря ряду прекрасно иллюстрированных изданий, а также организованным в различных странах Европы выставкам икон получил возможность познакомиться с православной иконой, по крайней мере как с произведением искусства.

Поэтому проф. Бенц первую главу своей книги посвящает православной иконе. Однако он рассматривает ее не только как произведение искусства, но прежде всего как наиболее характерное выражение восточно-православного благочестия. От иконы он переходит к богослужению и таинствам, которые вводят читателя в понимание самой сущности внутренней жизни Православия. Этой теме посвящена вторая глава книги. В третьей главе говорится о православной догматике, которая рассматривается в ее внутренней связи со всем религиозным опытом Православия и своеобразием его духовной жизни. Главы четвертая и пятая посвящены церковно-каноническому строю Православной Церкви и отношению между Вселенской Церковью и поместными национальными церквями.

Следующие главы посвящены отдельным частным сторонам жизни Православной Церкви, как, например, монашеству, миссионерской деятельности и т. д. Наряду с этим Бенц ставит в своей книге также некоторые проблемы, касающиеся положения Православия в современном христианском мире.

К разработке каждого из этих вопросов автор старается подойти не извне, как полемист, но осветить его с точки зрения самого Православия. Каждая глава начинается с изложения тех предрассудков, на которые опираются ходячие мнения о Православии на Западе. Бенц противопоставляет им взгляды самой Православной Церкви. Его суждения всегда покоятся на глубоком изучении первоисточников и на бесспорных исторических фактах. Главу о монашеству, например, он начинает с изложения широко распространенного среди протестантов взгляда, будто оно возникло в качестве реакции на обмирщение церкви после окончания гонений. В противоположность этому взгляду Бенц доказывает, что «большинство черт, характерных для позднейшего монашества, встречается уже в древнейших христианских общинах» (стр. 75).

Этот объективный подход к изучаемым вопросам приводит автора книги к некоторым выводам, коренным образом отличающимся от обычных взглядов либеральных протестантских богословов конца XIX и начала XX столетия.

В рамках настоящей статьи невозможно сколько-нибудь полно изложить содержание этой глубоко интересной и поучительной книги. Поэтому мы ограничимся ознакомлением читателей нашего журнала с ее первыми тремя главами, а содержания остальных глав коснемся только в самой общей форме.

II

Главу, посвященную православной иконе, проф. Бенц начинает с анализа тех впечатлений, которые получает западноевропейский наблюдатель от знакомства с православной иконой. Он говорит, что инославного посетителя православных храмов всегда поражают обилие украшающих их икон и то благоговение, с которым относится к ним православный богомолец.

Наряду с этим западного наблюдателя поражает и своеобразный архаический стиль самой иконы, который одновременно и восхищает и отталкивает его. Основное отличие православной иконы от произведений западного церковного искусства заключается, по мнению Бенца, в том, что в ней совершенно отсутствует столь характерный для западной религиозной жизни индивидуализм. Православная икона безлична: ее содержание и форма строго определены преданием, зафиксированным в иконописных подлинниках, и мы зачастую не знаем даже имени художника, написавшего ту или иную икону.

Западный наблюдатель склонен видеть в этом свидетельство художественного бесплодия восточной иконописи и результат отсутствия у православных иконописцев творческого воображения и оригинальности. Проф. Бенц, однако, утверждает, что «для того, чтобы понять иконопись Восточной Церкви, необходимо определенным усилием воли освободить свое сознание от западных представлений об искусстве и посмотреть на иконопись, исходя из ее богословского самобоснования» (*Theologische Selbstbegründung*, стр. 10). Такое богословское обоснование иконописи можно найти в творениях греческих отцов VII и VIII веков, писавших в эпоху иконоборческих споров.

Прежде всего надо понять, что иконопись как церковное искусство всегда определяется литургической функцией иконы, которая выражается не только в почитании готовой и уже освященной иконы, но оказывает влияние также и на процесс ее написания. Православный иконописец смотрит на свой труд как на служение Богу, как на духовное делание, к которому он готовится постом и молитвою. Это связано с тем, что икона рассматривается в Восточной Церкви не как продукт творческой фантазии художника, но как явление в нашем земном мире небесных первообразов. «Икона есть своего рода окно, соединяющее наш земной мир с небесным, — окно, через которое обитатели небесного мира взирают на землю и на плоскости которого отпечатлеваются в двух измерениях подлинные черты небесных первообразов» (стр. 10—11).

Для того, чтобы сделать этот взгляд более понятным своим читателям, проф. Бенц напоминает им о том, что, согласно преданию Православной Церкви, первая икона Спасителя не была продуктом человеческого творчества. Это был нерукотворенный образ, отпечатленный на убрусе и посланный Самим Иисусом Христом эдесскому царю Авгарю. Православная Церковь чтит также большое количество явленных икон Божией Матери, местонахождение которых было чудесным образом указано Самой Богоматерью.

При таком взгляде на икону совершенно естественно, что иконописец должен был стремиться с возможной точностью сохранить в ней однажды чудесно явленные черты первообраза, не искажая их привнесением элементов своей фантазии.

Мы уже говорили, что, по мнению Бенца, православная икона не может быть понята вне ее литургической функции, то есть вне непосредственной связи ее с богослужением. Если икона есть окно, через которое горний мир нисходит к нашему долнему, земному миру, то реальное осуществление этой встречи двух миров происходит именно в богослужении, и прежде всего в литургии. Местом этой встречи является «освященное пространство храма», украшенное многочисленными иконами. «Священные изображения в храме отображают это явление Христа и Небесной Церкви среди земной общины» (стр. 13). Поэтому каждая икона имеет свое определенное место в храме: в алтаре, иконостасе или на стенах и колоннах самого храма. В иконостасе, в частности, взорам земной общины предстает вся Небесная Церковь.

Связью иконы с богослужением определяется не только располо-

жение икон в храме, но и содержание каждой отдельной иконы, которое находится в полном соответствии с содержанием богослужебных молитв и песнопений. Всякое изменение содержания иконы привело бы ее к разрыву с богослужебным текстом и тем самым нарушило бы цельность духовного восприятия. Именно поэтому иконопись во всех своих деталях зафиксирована церковным преданием. Теперь становится понятным, что причина столь удивительного и чуждого западному миру миру традиционализма и архаизма православной иконы заключается вовсе не в творческом бесплодии иконописцев, а в связи иконописи с созерцанием небесных первообразов.

«Таким образом, иконография Восточной Церкви возвышается в нашу эпоху как своеобразный источник духовных созерцаний, восходящий к первоначальным трансцендентным переживаниям, которые напоминают нам о древнейшем периоде в истории церкви, когда еще не утрачена была способность ясновидения» (стр. 21).

Если православная иконопись непосредственно связана с богослужением, которое, с одной стороны, помогает нам понять ее смысл, а с другой — само находит в ней свое наглядное истолкование, то столь же тесной является и связь ее с православной догматикой. Дело при этом заключается не только в том, что икону нельзя понять вне ее, как выражается проф. Бенц, «богословского самообоснования», но также и в том, что эта богословская интерпретация иконы открывает нам доступ к важнейшим положениям православной догматики. Понятие «образа» (*εἰκών*) занимает, по мнению Бенца, важное место в православном богословии. Учение о Христе как образе Ипостаси Отчей и учение о человеке, созданном по образу и по подобию Божию, занимает значительное место в догматическом богословии Православной Церкви.

Мы видим, таким образом, что проф. Бенц, начав с рассмотрения иконы как произведения искусства, постепенно подводит своих читателей к пониманию ее литургического и догматического смысла, а через это — к конкретному пониманию сущности самого богослужения и догматики как важнейших элементов внутренней жизни Православной Церкви.

III

Уже в первой главе своей книги Бенц говорит о богослужении как о мистическом общении с тем горним миром, окно в который открывает икона. Эта мысль положена им в основу второй главы, посвященной богослужению и таинствам. «Целью и содержанием богослужения Восточной Церкви, — говорит он в начале этой главы, — является встреча общины с Воскресшим Христом, осуществляемая в форме евхаристического приобщения» (стр. 23).

Ожиданием этой встречи полны ветхозаветные пророчества о грядущем царстве Мессии. Еще яснее говорит о ней Сам Иисус Христос в своей проповеди Царства Божия. Центральное место в ней занимает обетование Мессианской трапезы, носящей характер брачного пира, на котором Жених — Мессия обручается с чистой Невестой — Своей общиной. Но это было не только обетованием будущего. Брачная вечеря, бывшая предметом проповеди Иисуса, совершилась уже в дни Его земной жизни. Это — Тайная вечеря, во время которой Он соединяется со своими учениками для Мессианской трапезы. Ею предначинает Он небесную вечерю, которая будет продолжаться вечно в Царствии Божием (Мф. 26, 29).

Крестная смерть Иисуса смутила учеников и заставила их усомниться в Мессианских чаяниях, но явления Воскресшего Господа снова утвердили в них веру в то, что царство Божие не только грядет, но уже наступило. Бенц отмечает, что Евангелия и Деяния апостолов

неоднократно говорят о явлениях Воскресшего во время «преломления хлеба» (см., например, Лк. 24, 30—31, 35). Этим устанавливается внутренняя связь между прощальной трапезой Господа и Его явлениями после Воскресения, Ею определяется основное переживание евхаристического общения апостольской Церкви. Она верит, что Царство Божие, возведенное Иисусом, уже началось, ибо небесная брачная вечеря уже открыта, Невеста — община предуграждает для встречи Жениха, и взор тайновидца Иоанна уже провидит полное и конечное совершение нашего спасения» (стр. 24). «Это чудо встречи общины крещенных с Воскресшим Господом при продолжении начатого Им Самим брачного пира является творческим средоточием литургии Восточно-Православной Церкви. Переживания ее есть в существе своем не что иное, как продолжение явлений среди нас Воскресшего» (стр. 26). Оно становится не только источником духовной жизни христианских общин, но и их литургического творчества. Именно оно породило «невообразимое разнообразие литургических форм, которые все посвящены «прославлению этой мистерии» (стр. 26).

Процесс исторического развития литургии от I до VI века представляется проф. Бенцу не в виде постепенного расчленения первоначально единой для всех Церквей формы ее, но скорее наоборот: как процесс унификации многообразных литургических форм, которые мы находим в различных общинах древней Церкви. Об этом свидетельствуют многочисленные дошедшие до нас тексты древних литургий, которые постепенно были вытеснены на Востоке литургией св. Иоанна Златоуста, а на Западе — римской мессой. Эта унификация богослужебных текстов явилась результатом усвоения Церковью первоначально свободных форм харизматической импровизации наиболее одаренных литургов и преобразования их в твердо установленные формы литургического канона.

Проф. Бенц особо подчеркивает, что и по окончании этого процесса не произошло, как это часто утверждают невежественные критики Православия, окостенение литургических форм. Он указывает на то, что и внутри твердо установленного богослужебного устава может продолжаться и действительно продолжается литургическое творчество. На протяжении всей своей истории Православная Церковь включала в свой богослужебный обиход наиболее значительные по содержанию и совершенные по форме молитвы и песнопения, в разные века составленные величайшими из ее святых и подвижников.

Однако, как бы велико ни было значение для понимания православного богослужения истории литургического творчества, надо все время помнить, что зерном богослужения и его духовной основой является приобщение верных к мистерии Христа, которая возвещается и раскрывается в Церкви в большом количестве священнодействий и таинств.

Сущность таинства по учению Православной Церкви заключается, по мнению Бенца, в том, что через них на протяжении веков продолжает действовать в Церкви спасительная тайна вочеловечения Христова. Из этой первоначальной мистерии проистекают все таинства и обряды Церкви. «Все таинства, — говорит Бенц, — составляют в Православной Церкви живой харизматический организм, жизненным центром которого является изначальное таинство — смерть и Воскресение Христа» (стр. 33).

Православная литургия, по мнению Бенца, «сохранила в себе все первоначальные элементы евхаристического торжества древней Церкви» (стр. 33). При этом он считает совершенно неправильным отождествление ее с римско-католической мессой, от которой она существенно отличается по своему мистическому содержанию и догматическому смыслу.

По учению Римской Церкви, во время литургии приносится Бескровная Жертва, в которой мистически повторяется Голгофская Жертва Иисуса Христа. Кульминационным моментом мессы является пресуществление хлеба и вина в тело и кровь Христовы. Этот момент «подчеркивается звоном колокольчика, поднятием освященного хлеба и поклонением ему» (стр. 35).

В Православной Церкви, по мнению Бенца, жертвенный характер литургии выражен не так ясно, как в католической. Идея жертвы отступает здесь на второй план перед главным смыслом таинства, который заключается в мистическом воспроизведении не только Голгофской Жертвы, но всего Домостроительства спасения человека.

IV

Рассмотрение православной иконографии и литургики, предпринятое проф. Бенцем в первых двух главах его книги, подготовило почву для изучения православной догматики. Изучение это, по его мнению, может быть осуществлено только при учете органической связи вероучения Церкви со всеми элементами ее внутренней жизни, и прежде всего с богослужением.

Эта точка зрения находится в столь резком противоречии со взглядами крупнейших протестантских богословов либерального направления, что Бенцу для ее обоснования пришлось обратиться к критическому анализу этих широко распространенных в протестантском мире взглядов. Поэтому своей характеристике православной догматики он предпосылает рассмотрение и критику точки зрения проф. Гарнака, изложенной в его знаменитой «Dogmengeschichte».

Как известно, Гарнак понимает процесс возникновения развития догматов церкви как результат «эллинизации» христианства, то есть проникновения в христианское учение чуждых духу Евангелия понятий греческой философии. Этому взгляду проф. Бенц противопоставляет более правильную с его точки зрения концепцию православного богословия, заключающуюся в понимании процесса развития догматики как богочеловеческого процесса, в котором «от лица Божия говорит Дух Святый, а от лица истории — дух человеческий» (стр. 38). С этой точки зрения проникновение греческого духа в область христианского вероучения представляет собою не замену богооткровенных истин Евангелия философскими построениями в духе позднего эллинизма, но, скорее, процесс усвоения этих истин человеческим сознанием и выражение их в терминах греческой философской мысли.

Тезис Гарнака неверен еще и потому, что он исходит из понимания догматов как «чистого учения» (*reine Lehre*) в протестантском смысле. На самом деле, такое изолированное рассмотрение догматов находится в противоречии с их действительным положением в жизни и сознании Православной Церкви. Все христианские догматы имеют своим источником опытное постижение фактов Божественного Домостроительства, составляющих основное содержание христианской веры.

Хотя догматика и выражает истины веры на языке философских понятий, это, однако, не означает, что она отрывает их от их первоисточника — соборного опыта Церкви или разрывает их живую связь с другими сторонами церковной жизни, и прежде всего с богослужением. Эта органическая связь догматики с внутренней жизнью Церкви составляет, по убеждению Бенца, одну из отличительных особенностей восточного благочестия.

В западном христианстве — как в католическом, так и в протестантском — догматика выделяется из общего строя духовной жизни в особую «учительную» функцию Церкви. Различие это проф. Бенц считает весьма существенным для правильного понимания всей догматики

Востока и Запада. Оно получило отражение не только в отдельных догматических различиях, но, в еще большей степени, в самом духе и характере богословствования Восточной и Западной Церквей.

Бенц указывает, что западное богословие исходит из свойственного католичеству и протестантизму понимания религии как отношения между Богом и человеком, носящего в первую очередь правовой характер. Это юридическое понимание религии наложило свой отпечаток и на богословие Западной Церкви, и в первую очередь на ее сотериологию. Римско-католическая и вслед за ней протестантская сотериология целиком основываются на идее оправдания человека перед Богом, нашедшей свое наиболее яркое выражение в послании ап. Павла к Римлянам. Идея эта получила исключительное развитие в западном богословии; она не дополняется здесь другими сторонами новозаветного учения о спасении, получившими отражение в других посланиях ап. Павла и в остальных книгах Нового Завета.

В научное богословие Запада юридические термины и понятия были впервые введены Тертуллианом. На той же основе строится и богословская система блаженного Августина, для которого идея оправдания является краеугольным камнем его учения об отношении между Богом и человеком, о грехе и благодати. В дальнейшем все католическое богословие, включая таких крупнейших его представителей, как Фома Аквинат и Ансельм Кентерберийский, идет по пути, намеченному блаженным Августином. Протестантизм, при всех своих расхождениях с католичеством, в своем учении о спасении развивается также в русле юридического мышления и основанной на нем идее оправдания. Разница между протестантами и католиками заключается лишь в понимании источника оправдания — в вере или в делах.

Распространяя принцип юридического мышления на более общие вопросы догматики, западное богословие приходит к исключительно и одностороннему развитию учения о Божественной справедливости правосудия, так что «здесь часто создается впечатление, что идея правосудия полностью торжествует над идеей любви» (стр. 43).

Совершенно иной характер имеет богословие Восточной Церкви. В противовес Западу с его юридическим пониманием религии восточное благочестие исходит из понимания ее как таинственной, мистической связи между Богом и человеком, конечную целью которой является не только оправдание человека пред Богом, но воссоздание, освящение и преображение человеческой природы.

Мистический характер восточного благочестия наложил определенный отпечаток и на богословие Восточной Церкви, и в первую очередь на ее сотериологию. Основной идеей православной сотериологии является не оправдание человека перед Богом, а его обожение. Сотериологическая схема православия получила наиболее отчетливое выражение в словах св. Афанасия Великого: «Бог стал человеком, чтобы человек сделался богом».

В связи с этим существенно отличается от Запада и отношение Восточной Церкви к основному вопросу богословия — к учению о Боге. В восточном богословии раскрывается по преимуществу идея Божественной любви, а не Божественного правосудия. Эта безграничная полнота любви и милосердия, изливающаяся не только на достойных и праведных, но и на грешных, с особенной глубиной выражена в огласительном слове Иоанна Златоуста, читаемом на Пасхальной утрени.

В дальнейшем развитие богословия в Восточной Церкви идет в основном по пути раскрытия Афанасьевского учения об обожении, а не Августиновского — об оправдании. Разумеется, этим намечены только основные тенденции развития восточного и западного богословия, от которых имеются отдельные отступления как в ту, так и в другую сторону. Тем не менее общее направление развития достаточно

точно определяется противоположностью учения об оправдании и обожении. По мнению проф. Бенца, это привело к тому, что для православной богословской мысли осталась совершенно чуждой и непонятной догматическая основа спора между Римско-католической Церковью и протестантством. Он считает, что православие не поняло, что реформа церкви была протестом не столько против отдельных злоупотреблений Римской Церкви, сколько против католического учения об оправдании. Лютеровское учение об оправдании верою составляет, по его мнению, основу протестантской догматики.

После этой характеристики основного направления богословия Восточной Церкви проф. Бенц переходит к изложению православного понимания важнейших христианских догматов учения о Троице, о Богочеловеке и Богоматери. Это изложение он строит, исходя из убеждения, что все догматы Православной Церкви имеют своим источником опытное постижение фактов Божественного Домостроительства, которое осуществляется прежде всего в соборном литургическом опыте Церкви. При этом он подчеркивает, что Православная Церковь никогда не стремилась до конца рационализировать стоявшие перед нею догматические проблемы. Учение Церкви во всех случаях является лишь попыткой наметить посредством логических понятий границы тайны, данной в Божественном Откровении. Это связано с тем, что в Православной Церкви «Спекулятивное истолкование Божественных истин не было делом философов. Это был творческий вклад духовных харизматиков, выражавших свой опыт не только в богословских трудах, но и в молитвенных песнопениях» (стр. 51).

В соответствии с этим развитие учения о Святой Троице проф. Бенц понимает как ряд последовательных попыток выразить в терминах античной философии изначально данный в литургическом опыте факт, что Единый Бог был познан верующими христианских общин в Трех Лицах. «Литургическое поклонение Богу в Лице Отца, Сына и Святого Духа намного опередило богословскую рефлексию».

Раскрывая православное учение о Святой Троице, Бенц, естественно, останавливается на различии Востока и Запада в учении об Исхождении Святого Духа. Как историк, он признает за православной формулой большую древность и большее соответствие прямому смыслу текстов Священного Писания. Он указывает, что на основе этих текстов можно провести четкое различие между предвечным Исхождением Святого Духа от Отца и происшедшим во времени ниспосланием Его в мир Иисусом Христом (Иоан. 14, 26; 15, 26). Однако, как богослов, Бенц считает обе формулы равноценными и признает даже известные преимущества за западной формулировкой. «Латинская формулировка, — пишет он, — дает более цельное представление о единстве внутри-троичной жизни Бога, раскрывающейся в великом разнообразии взаимоотношений между лицами Святой Троицы» (стр. 52). Исходя из этого, Бенц приходит к выводу, что «это различие не следует рассматривать как противоположность двух взаимно исключающих друг друга понятий, ни тем более как ересь» (стр. 52).

Развитие догматического учения о Личности Иисуса Христа проф. Бенц рассматривает также как богословское уяснение и формулировку в терминах греческой философии данных опыта веры раннехристианских общин. То, что подлежало философскому уяснению, заключалось в факте одинаковой очевидности, с которой раскрывалась в этом опыте как Божественная, так и человеческая природа Христа. Православная христологическая формула так же, как и формула тринитарная, не претендует на исчерпывающее истолкование в понятиях тайны Богочеловечества. Ее цель — «ясно подчеркнуть три стороны этой тайны, особенно важные для Церкви, во-первых, то, что Сын Божий есть Совершенный Бог; во-вторых, что Он есть Совершенный Человек; в-треть-

их, что эти две природы не пребывают несвязанными между собою, но соединяются в ней, образуя единство личности» (стр. 54).

В тесной связи с учением о Лице Богочеловека находится догматическое учение Православной Церкви о Деве Марии, как Богоматери и Богородице. Развитие этого учения и параллельно с ним возникновение и развитие литургического почитания Богоматери Бенц считает одним из поразительных процессов в истории древней Церкви. По его мнению, новозаветные повествования не дают твердой опоры для возникновения этого догмата, «тем не менее уже очень рано вместе с представлением об Иисусе как Сыне Божиим в общине развивалась тенденция признать особое место в Церкви за Матерью Сына Божия» (стр. 55). Эта тенденция получила догматическое выражение в постановлениях Ефесского и 2-го Константинопольского Соборов, утвердивших учение о Деве Марии как Богородице, а также учение о Ее принодевстве.

V

На этом мы заканчиваем изложение трех первых глав книги Э. Бенца, которыми он вводит своих читателей в понимание наиболее существенных сторон духовной жизни учения Восточной Церкви. Следующие главы посвящены характеристике более частных вопросов, которые рассматриваются автором преимущественно в свете исторического развития Церкви. Как уже было сказано, в пределах настоящего реферата мы можем коснуться лишь немногих наиболее важных и интересных мыслей, высказанных автором в этих главах.

Говоря о церковном строе Православной Церкви и ее каноническом праве, проф. Бенц дает чрезвычайно интересное обоснование православной концепции церковного права и апостольского предания. Он исходит здесь из критики взглядов крупного протестантского ученого Р. Замла, выдвинувшего тезис, что развитие особого церковного права было грехопадением древней Церкви, так как оно означало подавление свободного и стихийного проявления Святого Духа в общине и было связано с вытеснением харизматиков выборной должностной бюрократией. Бенц опровергает этот тезис указанием на то, что уже в Новом Завете имеется ряд текстов, относящихся к церковному праву. «Дух и право, — говорит он, — не являются взаимоисключающими друг друга противоположностями. Святой Дух создает право, и авторитет Одного обосновывает авторитет другого» (стр. 59).

Обоснование церковного права Бенц связывает с раскрытием идеи апостольского предания, от которого это право получает свою высшую санкцию. Развивая православную концепцию апостольского предания, Бенц вступает в решительное противоречие с протестантскими взглядами на этот вопрос. Особенно интересно с этой точки зрения его понимание отношения между Преданием и Священным Писанием. «Для Православной Церкви, — пишет он, — апостольское предание не является независимой величиной, существующей рядом с писанием; напротив, само Священное Писание представляет собою лишь особую, а именно зафиксированную в письменной форме часть апостольского предания» (стр. 60).

Если при изложении православного понимания церковного права и апостольского предания Бенц противопоставляет его взглядам протестантских богословов, то при анализе церковного устройства Православной Церкви он исходит из противопоставления Православия и католичества. Прежде всего Бенц подчеркивает, что, по православному учению, единственной Главою Церкви является Иисус Христос. Видимая Вселенская Церковь не имеет единой видимой главы в лице Римского или какого-либо другого епископа, вследствие чего внутреннее церковное устройство Православной Церкви основывается на строго

демократическом (было бы лучше сказать — соборном) принципе. Верховным авторитетом в Православной Церкви обладает только «все-ленское церковное сознание, или церковная совесть, представляемая церковным сознанием духовенства и мирян, вместе взятых. Даже постановления Вселенских Соборов вступают в силу лишь потому, что они принимаются всеобщим церковным сознанием» (стр. 63).

Очень интересные мысли высказывает проф. Бенц в главе, посвященной вопросу о взаимоотношении Вселенской и поместных церквей. Он спрашивает: в чем заключается основной принцип дифференциации поместных церквей? По мнению Бенца, таким принципом являются национальность и язык. Поместные церкви суть прежде всего церкви национальные, объединяющие христиан, говорящих на одном языке. Этому принципу Бенц дает своеобразное богословское обоснование. «Ведь с самого начала, — пишет он, — чудо дара языков, совершившееся в день Пятидесятницы при сошествии Святого Духа, понималось как Божественная санкция существования различных языков, различных народов и наций, как возвышение этих языков в качестве орудия благовествования Царства Божия» (стр. 67).

Еще более подробно говорит он об этом в главе, посвященной миссионерской деятельности Православной Церкви. Здесь он прежде всего защищает Православие от бросаемых ему представителями католичества и протестантизма упреков в том, что оно совершенно не участвует в деле христианской миссии. На большом количестве исторических примеров Бенц показывает величайшую активность Восточной Церкви в деле проповеди христианства не только среди восточных, но и среди западных народов.

Исключительное значение проф. Бенц придает тому обстоятельству, что проповедь Евангелия велась православными миссионерами на национальных языках тех народов, к которым она была обращена. Они переводили на эти языки Священное Писание и богослужебные книги. И эта переводческая деятельность черпала свое богословское обоснование в понимании дара языков, как божественной санкции национальной самобытности народов. «Перевод Библии на язык какого-либо народа, — говорит Бенц, — означает, что этот язык приобщается к созданию Царства Божия. Это есть построение духовного храма, отграничение средствами языка Священной области, в которой позднее может осуществиться дальнейшее литературное развитие этого языка. Перевод Библии означает одновременно возвышение и крещение каждого языка» (стр. 92).

Последние главы книги (VIII—XIII) посвящены тем сторонам жизни Восточной Церкви, которые в большей степени, чем догматика, богослужение или даже церковное право и церковный строй, связаны с историческими судьбами церкви и обусловлены влиянием на ее жизнь исторических и культурных факторов. Эта часть книги построена главным образом на рассмотрении исторического обширного материала; характерная особенность ее заключается также в том, что автор выступает в ней не только как исследователь и апологет Православия, каким мы его видим в первых главах, но и как критик его. Значительное место уделяет он здесь тем сторонам жизни Православной Церкви, которые в заключительной главе своей книги он называет «слабостями Православия».

VI

Свое отношение к Православной Церкви, основанное на внимательном и глубоком изучении всех сторон ее внутренней духовной и исторической жизни, проф. Бенц с большой ясностью выражает в заключительной главе своей книги. «В современном христианском мире, — пишет он в начале этой главы, — Православие сияет, как единственная

в своем роде величина. Величие его состоит в том, что оно верно сохранило во всех сферах своей жизни полноту кафоличности древней Церкви. В его богослужении продолжают жить по преемству древнецерковное понимание и древнецерковная литургическая практика. В богослужении преемственно живет и вся полнота учения древней Церкви. Здесь еще не произошло разделения между богослужением и богословием, молитвой и учением.

Эта Церковь сохранила первоначальное сознание своего вселенского кафолического характера. Ее самоопределение как Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви основывается не на идее права, а на сознании того, что она представляет собою мистическое Тело Христова... В этом мистическом Теле действительно проявляются дары Святого Духа и молитва друг за друга, простирающаяся даже до царства усопших, ибо Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых» (стр. 170—171).

Мы привели эту длинную цитату для того, чтобы собственными словами автора книги выразить его отношение к Православию. Существенно при этом отметить, что он выступает здесь не просто как ученый-историк Церкви, но как богослов и человек живой христианской веры, говорящий о том, что имеет несомненную ценность для сегодняшнего дня христианского мира. Он утверждает, что «Православие с величайшей верностью сохранило до наших дней переданное ему древнецерковное и догматическое наследие». При этом он подчеркивает, «что это наследие отнюдь не является, как часто утверждают, музейно-историческим памятником, но представляет собою живую, способную развиваться силу» (стр. 171).

Источником этой духовной силы и величия Православия является неповрежденно сохраненная им полнота кафоличности. Она выявляется прежде всего в том неразрывном единстве богослужения, учения и духовной жизни, которое в наше время можно найти только в Восточно-Православной Церкви. Это внутреннее единство не обозначает, однако, единообразия. Вопреки широко распространенному на Западе мнению, Православная Церковь до наших дней сохранила раннехристианскую связь между истинным персонализмом и чувством церковной общности. С другой стороны, целостность кафолического сознания не привела и к нивелировке церковной жизни поместных церквей. Проповедуя каждому народу Евангелие на его родном языке, Православие вызвало к жизни множество национальных церковных форм и явилось могущественным стимулом развития национальных культур православных народов.

Важнейшим следствием кафоличности Православия является также его христианский универсализм, проявляющийся как во взгляде на вселенную, так и в понимании истории. Природа и история, по мысли православных богословов, одинаково несут на себе следы Божественного Логоса и участвуют в Домостроительстве спасения, которое вследствие этого приобретает космический характер. Поэтому в православном богословии космология, антропология, сотериология и эсхатология неразрывно связаны между собою.

Резюмируя в заключительной главе своей книги все, что им было сказано о величии и силе Православия, Бенц подводит в ней также итоги своей критики отдельных сторон жизни Православной Церкви. «В силу самой своей структуры, — пишет он, — Православная Церковь подвергается четырем опасностям, заключающимся в нарушении равновесия между отдельными сферами церковной жизни, которого требует православное учение о Церкви» (стр. 173). К этим опасностям и вытекающим из них историческим ошибкам Православия Бенц относит:

1. Подчинение Церкви государству, принявшее наиболее резкие формы в двух великих православных империях — Византийской и

царской России. Имевшее в этой области место смещение равновесия между государством и Церковью в пользу государства не раз приводило к нарушению свободы Церкви.

2. Исключительное развитие церковного национализма, приводившее к непомерному возвеличению отдельных национальных церквей в ущерб сознанию единства Церкви. Исторически церковный национализм в большинстве случаев возникал в странах, где Церковь подчинялась влиянию государства.

3. Литургический изоляционизм, то есть смещение равновесия между церковной проповедью, социально-этической деятельностью Церкви и ее богослужением в пользу последнего. Такое исключительное развитие литургической стороны церковной жизни было, по мнению Бенца, обусловлено тем, что в истории православных церквей, в особенности в странах, находившихся под властью мусульман, неоднократно возникали положения, когда государство препятствовало Церкви в осуществлении ее социально-этической деятельности, оставляя ей возможность проявлять себя исключительно в сфере богослужения.

4. Отказ Православной Церкви от деятельности, связанной с христианским обновлением мира, обусловленный чрезмерным развитием в ней аскетической стороны христианства.

Охарактеризовав эти исторические опасности и связанные с ними слабости, или ошибки, Православия, проф. Бенц, однако же, ни в какой мере не считает их непреодолимыми или действующими разрушительно на внутренние духовные силы Православной Церкви. «Православие, — говорит он, — в полной мере обладает духовными силами, необходимыми для восстановления частично утраченного равновесия между отдельными сферами» (стр. 170).

Заканчивая свою книгу, Бенц напоминает своим читателям библейский рассказ о явлении Бога Моисею в Неопалимой Купине. Он говорит о мистических толкованиях этого текста в православном богослужении, которое видит в горящей и несгорающей купине символическое раскрытие тайны Пресвятой Троицы, тайны воплощения и тайны Божией Матери. «Но в глубочайшем смысле, — говорит он, — Православная Церковь, происшедшая из тайны воплощения и в себе ее сохранившая, возросшая в пустыне, как церковь аскетов и постников, истерзанная самумами преследований со стороны врагов веры и враждебных единоверов, иссушенная непомерными страданиями и искушениями, как внешними, так и внутренними, но все же неопалимая, горящая огнем Святого Духа, пламенеющая Божественной любовью, осиянная брачной радостью Небесной вечери, просвещенная всечистительной силой Воскресшего, — Сама есть Неопалимая Купина» (стр. 178).

VII

Книга проф. Бенца, несомненно, представляет собою выдающееся явление в богословской литературе, посвященной Православию. Особенность ее заключается прежде всего в том, что она написана протестантом и вследствие этого отражает тот сложный и подчас тернистый путь, которым идет сейчас лучшая часть протестантского богословия в своем стремлении понять тайну Православия. Книга Бенца в полной мере отражает глубокий кризис, который в последние десятилетия переживает либеральное протестантское богословие.

Поистине большой и сложный путь должно оно было пройти, чтобы, оттолкнувшись от высокомерного третирования Православия Гарнаком и его школой, дойти до благоговейного преклонения перед его святыней со стороны Бенца. Чтение этой книги убеждает в том, с какой добросовестностью и глубиной работал ее автор над раскрытием духа и жизни Восточной Церкви. Даже богословски образованный православ-

ный читатель может найти в ней много интересных и ценных мыслей, своеобразно освещающих отдельные стороны жизни Православной Церкви.

Приходится, однако, отметить, что в некоторых вопросах проф. Бенц оказался еще не вполне свободным от влияния тех конфессиональных предрассудков, над преодолением которых он так добросовестно потрудился на страницах своей книги. В результате этого он дает иногда не совсем правильную характеристику отдельных сторон жизни Православной Церкви. Одиюдь не с целью полемики с почтенным автором, а, скорее, в порядке совместного труда по выяснению духа и жизни Православия мы считаем своим долгом указать на некоторые из этих неточностей и по возможности исправить их.

Остановимся прежде всего на отдельных положениях II главы. Многие мысли, высказанные Бенцем в этой главе, отличаются глубоким проникновением в дух православного богослужения и свидетельствуют о серьезном знакомстве автора не только с литургическими текстами, но и с сочинениями лучших православных литургистов. Так, например, мысль Бенца о том, что в литургии открывается все Домостроительство спасения человека, напоминает нам толкование на Божественную литургию Николая Кавасилы, который говорил, что «все, что совершается при священнодействии Св. Даров, имеет прямое отношение к Домостроительству Спасителя»².

Вместе с тем мы никак не можем согласиться с утверждением автора, будто бы в православной литургии жертвенный характер Евхаристии выражен не так ясно, как в католической мессе. Неверным является и его утверждение, что освящение Св. Даров не составляет высшей точки литургии и что произносимые при этом священником слова «Преложив Духом Твоим Святым» произносятся в ней «только между прочим» («nur in einem Nebensatz», стр. 37).

Достаточно внимательно прочитать по служебнику текст священнических молитв литургии св. Иоанна Златоуста, начиная с молитвы главопреклонения, читаемой священником перед входом в алтарь, и кончая молитвами евхаристического канона, чтобы увидеть и почувствовать, что вся литургия пронизана не только мыслью, но и живым ощущением Жертвы Христовой. Своего подлинного кульминационного пункта этот жертвенный характер литургии достигает в молитвах евхаристического канона и освящении Св. Даров. Произносимые при этом слова «Преложив Духом Твоим Святым» имеют отнюдь не второстепенное значение, как утверждает Бенц; они завершают и запечатлевают собою приносимую за литургией Бескровную Жертву. «После сих слов,—говорит об этом Николай Кавасила,—все священнодействие окончено и совершено, Дары освящены, жертва уготована, Великий и Священный Агнец, закланный за грехи мира, зрится на Священном Престоле... Это—та Плоть и Кровь, которые соединены Духом Святым в одно Тело, Рожденное от Святыя Девы, Погребенное, Воскресшее в третий день, Восшедшее на небеса и Сидящее одесную Отца»³.

Этот ясно выраженный жертвенный характер литургии вовсе не исключает того, что она, как совершенно правильно заметил Бенц, есть мистическая встреча общины верных с Воскресшим Христом. Ведь лежащее после освящения Даров на Престоле Божественное Тело есть, как говорит Николай Кавасила, Тело—не только «Рожденное от Святой Девы и Погребенное», но также «Воскресшее в третий

² Николай Кавасила, «Изъяснение Божественной литургии», глава 1-я, Писания отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения, т. III, СПб., 1857, стр. 296.

³ Николай Кавасила, цит. соч., гл. 28-я, стр. 356—357.

день, Восшедшее на небеса и Сидящее одесную Отца». Вообще в православном литургическом опыте почитание Воскресшего Христа непрерывно связано с поклонением Кресту и прославлением Голгофской жертвы. В воскресных службах Октоиха эта связь подчеркнута введением в них особых крестовоскресных канонов. Но особенно ясно ощущается она в центральном песнопении воскресной утрени «Воскресение Христово видевше», в котором нераздельны поклонение Кресту и прославление Воскресения.

Наконец, можно напомнить о том, что и в Евангелии мы читаем, что Воскресшее и прославленное Тело Христа продолжало носить на Себе знаки крестных страданий, как об этом свидетельствует осязание ап. Фомаю язв от гвоздей и прободенного ребра Христова (Иоан. 20, 27).

Из сказанного следует, что различие мистического содержания и богословского смысла православной литургии и католической мессы заключается вовсе не в том, что в православной литургии жертвенный характер Евхаристии выражен не так ясно, как в римско-католической, а, скорее, в самом понимании и мистическом восприятии Жертвы Христовой. В главе, посвященной православной догматике, проф. Бенц совершенно правильно охарактеризовал различие между восточным и западным богословием, в основе которого лежит разница между юридическим и мистическим пониманием религии. Эта же разница определяет и различие в восприятии Жертвы Христовой, лежащее в основе восточной и западной литургии. В латинской мессе, как и в латинском богословии, жертва Христова воспринимается прежде всего как акт удовлетворения Божественного Правосудия, оправдывающий человека перед Богом. В православной литургии, как и в православном богословии, искупительная жертва воспринимается и как акт бесконечной любви и основанного на ней истощания Божества. С этим связано восприятие жертвенного подвига Христова православным сознанием не только в крестных страданиях и смерти Христа, но и во всем Его домостроительном подвиге. Начало этого подвига Христова мы видим с момента Его воплощения, как это с необычайной глубиной выражено в песнопениях предпразднства Рождества Христова. Отсюда понятно, что православная литургия, которая, как правильно указывает проф. Бенц, мистически воспроизводит не только смерть Христову, но и всю Тайну Домостроительства спасения человека, не утрачивает вследствие этого своего жертвенного характера. Ведь все домостроительное действие Спасителя представляет собой единый акт жертвенной любви и самоуничтожения Божества, в котором Крест занимает центральное место.

Недооценка Бенцем жертвенного характера литургии и значения акта освящения Св. Даров привела его к неправильному пониманию того места, которое занимает в православно-литургическом опыте почитание Св. Даров. Если бы, как утверждает Бенц, «мистическое содержание освященных Даров проявлялось только во время вечери» (то есть литургии) и вне ее «почитание элементов вечери» было бы «невозможным», то не могли бы совершаться ни литургия преждеосвященных Даров, ни причащение запасными Дарами.

В этом утверждении проф. Бенца можно видеть невольное привнесение в православный литургический опыт совершенно не свойственных ему протестантских элементов.

Целый ряд неясностей имеется и в главе, посвященной догматике; они в первую очередь связаны с тем, что автор нигде не дает определения понятия догмата и не проводит четкого различия между догматом как богооткровенной истиной и догматическими формулировками. С этим же связано его, правда, ясно не выраженное, но вполне определенно подразумевающееся, тяготение к католическому учению о догматическом развитии. Мы не можем здесь более подробно касаться

этого вопроса, так как это увело бы нас далеко за пределы настоящего реферата. Нельзя, однако же, пройти мимо высказанных в этой же главе взглядов автора на догматическое учение об исхождении Святого Духа и о почитании Божией Матери.

Вполне правильно отметив, что православная формулировка догмата об исхождении Святого Духа обладает не только большей древностью, чем католическая, но и опирается на совершенно ясное свидетельство Священного Писания, проф. Бенц, к сожалению, в дальнейшем сходит с этой точки зрения и кончает утверждением, что между восточным и западным пониманием догмата нет существенной противоположности. Его утверждение, что «латинская формулировка дает более цельное представление о единстве Жизни триипостасного Бога, раскрывающейся в великом разнообразии отношений между лицами Святой Троицы» (стр. 54), не только не обосновано догматически, но прямо противоречит ясным свидетельствам свв. отцов Восточной Церкви. В раскрытом ими учении о Святой Троице мы не находим никаких указаний на великое разнообразие взаимоотношений между лицами Святой Троицы. Напротив, они утверждают, что разность происхождения и взаимного соотношения производит разность их наименований, то есть что эти взаимоотношения, поскольку они нам известны, исчерпываются личными свойствами Ипостасей, получившими выражение в именах Отца, Сына и Святого Духа. «Это самое — быть Нерожденным, Рождаться и Исходить — дает наименование первое — Отцу, второе — Сыну, третье — Святому Духу, так что неслитность трех Ипостасей соблюдается в едином естестве и достоинстве Божества»⁴.

Что касается догматического учения о Божией Матери, то здесь прежде всего нельзя согласиться с утверждением Бенца, будто бы оно не имеет твердой опоры в новозаветных повествованиях. Такой опорой являются собственные пророческие слова Божией Матери, сказанные Ею при посещении праведной Елизаветы: «Се бо отныне ублажат Мя вси роди» (Лк. 1, 48). Если же в дальнейшем в Евангелии мало говорится о Божией Матери, то это, по пониманию православных богословов, обусловлено Ее глубочайшим смирением: «Все, что могло прославить Ее перед людьми, — говорит об этом митрополит Филарет Московский, — Она отклоняла и отметала от Себя». В дни земной жизни Иисуса Христа «Его Матерь, если и находилась вблизи Его, то для того чтобы разделить Его страдания, как на Голгофе при Кресте Его, а где могло бы пасть на Нее отражение Славы Его, как, например, при Его царском входе в Иерусалим, там Ее не видели»⁵.

Нельзя согласиться также и с утверждением Бенца, что на возникновение и развитие почитания Богоматери и догматического о Ней учения оказали влияние языческие культы девы и матери. Влияние их исключается уже потому, что в большинстве случаев нравственное содержание этих культов глубочайшим образом отличалось от почитания Пресвятой Девы. Для того, чтобы перейти от них к почитанию Богоматери, требовалась столь решительная сублимация религиозных представлений, что говорить о влиянии их на христианскую догматику не представляется возможным.

VIII

Нам остается сказать еще несколько слов о том, что проф. Бенц называет слабостями Православия. Нельзя, конечно, возражать против того, что земная Церковь в своих исторических путях сталкивалась с целым рядом опасностей и соблазнов, которые приводили к ошибкам

⁴ Григорий Богослов, Слово 31-е о богословии.

⁵ Филарет, Митрополит Московский, Беседа в день Успения Божией Матери, «Слова и речи», ч. III, М., 1861, стр. 93—94.

и преткновениям не только отдельных представителей Церкви, но иногда и целые поместные Церкви. Эти ошибки были в большинстве случаев, как правильно отмечает Бенц, обусловлены нарушением равновесия между различными сферами церковной жизни. Можно согласиться с ним также и в том, что в наиболее резкой форме оно наблюдалось в области взаимоотношений между Церковью и государством с одной стороны и Церковью и национальным сознанием отдельных народов — с другой.

С гораздо большей осторожностью следует подойти к рассмотрению двух других опасностей, о которых говорит Бенц и которые он определяет как литургический изоляционизм Православия и его отказ от служения миру. Мы считаем, что в этой области проф. Бенц квалифицирует как исторические ошибки Православия те коренные отличия, которыми характеризуется отношение Церкви и мира в восточном и западном христианстве. Противопоставление их друг другу, как христианства созерцательного и деятельного, и упреки Восточному Православию в отказе от деятельного служения миру выдвигаются не впервые.

В действительности, однако, дело, по-видимому, заключается не в том, что Православие отказывается от деятельного служения миру, а в том, как оно понимает это служение. И даже, более того, — в том, как оно воспринимает самое понятие христианского делания. Если для Запада это всегда то или иное внешнее служение (миссионерское, просветительное, социально-этическое и т. д.), то для Востока это прежде всего школа молитвы и путь аскетического совершенствования личности, который в восточной аскетике носит наименование «духовного делания». Вследствие этого Православная Церковь из всех видов служения миру на первое место ставит служение молитвою. Она верит в то, что литургическая молитва за живых и усопших членов Церкви и за весь мир является не менее, а, может быть, даже более важным видом служения этому миру, чем любая внешняя деятельность. Поэтому если в силу тех или иных условий отдельные поместные церкви оказываются лишенными возможности осуществлять какую-либо другую деятельность, кроме богослужения, то это ведет не к литургическому изоляционизму, а, скорее, к расширению богослужебного опыта. Богослужение в этих случаях приобретает особенно ясно выраженный характер деятельного, а вместе с тем благодатного служения людям и всему миру.

То же самое касается и индивидуального духовного делания. «Духовное делание киновита или анахорета, живущего вдали от мира, даже если он остается неведомым людям, сохраняет свою ценность для всего мира».

Оно служит делу преображения не только духовной, но и телесной природы подвижника, а вместе с нею и через нее и всего телесного естества твари. Во многих случаях люди, достигшие путем внутреннего делания преображения своей духовной и телесной природы, по воле Божией были призываемы на путь деятельного служения миру. Примером этого может служить православное старчество, о котором так хорошо говорит в своей книге проф. Бенц.

Сделанные нами замечания, касающиеся отдельных разделов книги проф. Бенца, ни в коем случае не умаляют значения и ценности этой замечательной книги в целом.

А. Ведерников

Издатель:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Редактор:
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отв. секретарь Редакции **А. В. Ведерников**
Адрес редакции «Журнала Московской Патриархии»: Москва, Г-48, Б. Пироговская, 2
(бывш. Новодевичий монастырь)

